

ОНИ ГОВОРЯТ
НА ИНЫХ ЯЗЫКАХ

Л. Ж. ШЕРИЛ

ДЖОН ШЕРИЛ

ОНИ ГОВОРЯТ НА ИНЫХ ЯЗЫКАХ

Перевод с английского
Перевод сделан с издания 1967 г
1983

КАЗАНЬ 1991

Общество ЛИНГВАТРАНС при участии общества СТИМС

«Книга столь широко читаема благодаря ощутимой личной причастности Джона Шерила ее теме. Для впервые встретившихся с этим явлением эта книга — введение в предмет, разъясняющее азы. Автор честен, и с большой человечностью повествует о сверхъестественном даре, который сегодня изменяет людей и доказывает, что чудеса по-прежнему случаются с простыми, обыкновенными людьми».

Майк Харпер

«Книга представляет собой ценный синтез исторического и библейского опыта, современных событий и собственных необыкновенных переживаний автора. Именно это последнее делает «Они говорят иными языками» такой яркой и запоминающейся книгой».

Кэтрин Маршалл

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Гл. I — Скачок

Гл. II — Странная история Харальда

Гл. III — Неожиданное свидетельство

Гл. IV — «Причуда Стоуна»

Гл. V — Головокружительные темпы роста

Гл. VI Стены с грохотом рушатся

Гл. VII — Посещение Лидии

Гл. VIII — Зачем кому-то хотеть говорить языками

Гл. IX — История одного расследования

Гл. X — Крещение Святым Духом

Гл. XI — Комната 405

Гл. XII — Через красную дверь

Эпилог — Соединение старого с новым

Предисловие

Как только я присоединился к последнему куплету, который исполнял наш местный церковный хор, я почувствовал, что совершил ошибку. Чудесные гимны, которыми я наслаждался каждое воскресенье, были, оказывается, более сложными, чем казались по звучанию. По мере того как росло мое восхищение другими, стало падать мое мнение о собственных музыкальных способностях. Но хор нуждался в мужских голосах, и другие подбадривали меня, говорили о важности правильного дыхания, артикуляции, чистоты звучания. Постепенно мой разум впитывал кое-что, но звуки, исходившие из моих уст, были такими же неудобоваримыми, как и всегда.

И вот однажды вечером на репетиции я случайно сел прямо перед Билли Брогеном. Когда рядом загремел прекрасный бас этого высокого ирландца, что-то совершенно удивительное произошло с моим собственным пением. Я сказал об этом после репетиции.

«Если это помогло, — сказал Билли, — Я покажу вам на следующей неделе кое-что еще лучше». В следующий четверг он сел рядом со мной. В середине хорала он прошептал: «Прислонитесь ко мне». Я непонимающе посмотрел на него. «Обопритесь на меня». Все еще не понимая, я стал наклоняться назад, пока моя лопатка не легла на его грудь. И вдруг я понял, что пение было всюду. Резонанс его глубокого голоса разрастался во мне; без всякого напряжения я образовывал модуляции, которых даже не подозревал в себе.

Взлет моей виртуозности продолжался лишь очень недолгое время, но это случай вдвойне поразил меня, так как он явился прообразом того, что произошло со мной в дальнейшем.

Если говорить о проблеме, затрагиваемой в этой книге, то и тут в свое время я тоже от чисто интеллектуального исследования перешел к более глубокому знакомству с самим вопросом, а затем — лично соприкоснулся с ним.

Но в этом и заключается сюжет самой книги...

Джон Л. Шерил

ГЛАВА 1

СКАЧОК

Я все еще помню, что я посвистывал, когда шел не спеша по Парк-Авеню в Нью-Йорке в то весеннее утро 1959 года, намереваясь побывать у врача. Я вошел в дверь дома № 655 и кивнул регистраторше, — она уже стала хорошей знакомой. Я навещал приемную доктора Даниела Кетлина каждый месяц после того, как два года назад мне сделали операцию по удалению рака. Процедура всегда была одинаковой: опытные пальцы доктора спускались вниз, ощупывая мой затылок следовало похлопывание по спине и слова: «Увидимся через месяц».

Но в этот день было иначе. На этот раз пальцы остановились, стали внимательно ощупывать и задержались на длительное время... Уходя, я получил направление в отделение хирургии Мемориальной больницы на послезавтра.

Как изменилось весеннее утро! Я возвращался по той же улице, под таким же ярким солнцем, но теперь впереди меня шагал холодный страх. Он был мне знаком. Все больные раком знают его. Но мы все стараемся сдерживать его, мы не даем ему взять верх, используя различные приемы самовнушения. Моим приемом было то, что я убеждал себя, что одна операция — это не страшно. Вот если вам снова предложат операцию, то вы уже должны начать беспокоиться. И вот теперь я уже больше не мог подавить страх. Он вырос, разрушив мои доводы.

Я бросился в первую же церковь, больше всего ища темноты и уединения. Это была епископальная церковь св. Фомы, на Парк-Авеню. К моему удивлению, впереди выстроился хор мальчиков в белых одеждах, и спустя несколько минут на кафедре поднялся молодой семинарист. Я прочитал один из листков, которые были разложены по местам, и понял, что попал на дневную великопостную службу.

Я тогда не знал еще, что это краткое выступление должно было стать ключом к самому удивительному событию в моей жизни.

В то время оно казалось мне совершенно не относящимся к моим переживаниям. Молодой человек кратко рассказал о Никодиме. Многие из нас пытаются, сказал он, приблизиться ко Христу так, как это делал Никодим, посредством разума. «Равви, мы знаем, что Ты Учитель, посланный Богом», — сказал Никодим и затем обосновал это логическим доводом: «Таких чудес, как Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог» (Иоан. 3:2).

«Но видите ли», — сказал семинарист, — «до тех пор, пока Никодим пытался придти к пониманию Христа через разум, он не мог преуспеть. Не логика, а опыт позволяют нам познать Христа. Сам Христос сказал Никодиму следующее: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родился свыше, не может увидеть Царства Божия». (Иоан. 3:3).

В то время, как я уже говорил, все это ничего не значило для меня. И все же на следующее утро мне пришлось услышать те же самые слова снова. Моя жена Тиб и я пили кофе после бессонной ночи, когда зазвонил телефон. Это была наша соседка, писательница Кэтрин Маршалл Ле Сур.

«Джон, — сказала она, — не могли бы вы с Тиб сесть в машину и подъехать сюда на несколько минут? Я слышала новость и должна кое-что вам сказать».

Кэтрин встретила нас у дверей одетая в домашний халат, не подкрашенная и без улыбки, что больше всяких слов говорило о ее беспокойстве. Она провела нас в гостиную, закрыла дверь и без всяких предисловий начала говорить.

«Прежде всего я хочу сказать, что я знаю, что это самонадеянно с моей стороны. Я собираюсь говорить с вами о вашей религиозной жизни, и я не имею права полагать, что в ней что-либо не в порядке. В конце концов вы пишете для «Гайд-ност»* в течение 10 лет, вы уважаете религию, вы изучали её со многих точек зрения. Но есть еще нечто гораздо большее...».

Я посмотрела на Тиб: она сидела как каменная.

«Джон», — сказала Кэтрин, — «Верите ли вы, что Иисус был Богом?»

Это был вопрос, которого я ожидал меньше всего. Я предполагал, что она будет говорить что-нибудь о том, что Бог может исцелить, или что молитва дает чудесный духовный подъем, как средство от страха, — иными словами что-то, связанное с тем кризисом, который я переживал.

Но она задала мне этот вопрос, и вот я стал размышлять над ним. Тиб и я несомненно были христианами в том смысле, в котором мы пишем «протестант» на бланке анкеты, посещали довольно регулярно церковь, послали наших троих детей в воскресную школу. И все же я знал, что все это — ряд привычек; факт же состоит в том, что я никогда не сталкивался с этим самым вопросом — был ли Иисус из Назарета действительно Богом? И теперь, когда я подвергся испытанию, оказалось что мне мешают целые годы логики. Я начал перечислять их Кэтрин, но она остановила меня.

«Вы пытаетесь достичь христианства посредством разума, Джон», — сказала она. — «Это просто невозможно».

Кэтрин продолжала. «Одна из особенностей христианства та, что вы не можете придти к нему через разум. Вы должны быть готовы пережить это прежде, сделать что-то, что вы не понимаете — странно, но за этим часто следует понимание. И это как раз то, что я желала бы для вас сегодня... чтобы вы без понимания, даже сами не зная почему, сказали «да» Христу».

* Религиозная газета (ред.)

В комнате стало тихо. У меня была бездна отговорок. И в то же самое время у меня внезапно возникло желание сделать именно то, что она предлагала. Самой большой отговоркой было, честно говоря, то, что я просто считал нечестным признать, что все эти годы я отклонялся, а теперь готов бежать бегом, потому что у меня рак, потому что я в смятении и приперт к стенке.

«Я буду чувствовать себя лицемером», — сказал я. «Джон, — сказала Кэтрин почти шепотом. — Это гордость. Вы хотите придти в Богу своим путем. Когда вы захотите, как вы захотите. Сильным и здоровым. Может быть, Господь хочет вас сейчас, без прикрас, которыми бы вы могли себя рекомендовать с хорошей стороны».

Мы поговорили еще возможно с полчаса, и когда мы ушли, я все еще не заставил себя сделать тот шаг, который был, по-видимому, самым важным. Однако, несколькими минутами позднее, как раз когда наша машина проезжала мимо телефонной будки, будки, которую я могу показать и сегодня, я повернулся к Тиб и сказал: «Как они называют это: скачок веры? Хорошо, я сделаю этот скачок: я верю, что Христос был Богом».

Это было убийство, хладнокровное убийство моего глубокого понятия о том, что логично и что нет, почти без всякого эмоционального убеждения. И с ним ушло нечто, что было по существу «мною». Весь узел самосознания, который мы называем нашим «я», казалось, принимал участие в этом решении. Было удивительно, насколько это было болезненно, как отчаянно эта мысль билась за свою жизнь, как будто это было настоящей смертью. Но когда мысль умерла и все успокоилось, во мне осталось место для чего-то нового и непостижимого.

Впервые, то, что я стал в чем-то совсем другим, прояснилось в больнице. Незадолго до операции вошла молодая медсестра, чтобы сделать инъекцию. Еще со времени службы в армии у меня был смертельный ужас перед иглами, независимо от того, вводят ли их хорошенькие или некрасивые девушки. Но на сей раз эта процедура вообще не вызвала у меня страха.

«Ну, давайте перевернемся», — сказала сестра самым профессиональным тоном. Но когда она кончила, ее тон изменился: «Ну и ну — как вы свободно держались! Вы ведете себя, как будто вы здесь в отпуске!»

Лишь когда она ушла, я понял, что это правда, и что это очень интересно само по себе. Я действительно расслабился, глубоко и по-настоящему. Лежа на больничной койке, я начал понимать, что что-то весьма замечательное происходит со мной.

Было такое чувство, как будто в некоей неопределенной части самого себя я знал, что независимо от исхода этой операции, она — только одно из жизненных неудобств, и это было новым, странным и совершенно не зависящим от больницы и хирургов, болезни и излечения.

Несколько позже вошли санитары, и меня переложили с постели на носилки. Я помню их лица, которые смотрели на меня сверху вниз, и щель в потолке коридора, проскользнувшую над головой. Свет в старинном лифте капризничал: он то включался, то выключался. Затем появились другие источники света, один из них ослепительный, прямо над головой. Среди них появилось лицо доктора Кэтлина, обрамленное зеленой шапочкой. Я улыбнулся ему, а он улыбнулся мне и спросил, готов ли я.

— Готов и жду!

Затем снова была инъекция, и мне показалось, что почти сразу же я проснулся снова, на этот раз в комнате, которую я до сих пор никогда не видел. Была ночь. Меня отвезли в операционную в 8 часов утра. Почему все это заняло так много времени? Резиновые трубки высывались с обеих сторон моей груди и из отверстия моей гортани. Какой-то прибор жужжал и щелкал где-то позади постели.

И боль. Самая худшая, какую я когда-либо знал. Она была в моей груди, где находились трубы. Сестра, видя, что я проснулся, подошла и измерила мой пульс. Я пытался заговорить, но не мог, и только отчаянными жестами показал на трубки.

«Доктор навестит вас утром. Постарайтесь хоть на немного заснуть».

Хорошо бы, если бы можно было сказать, — совершив скачок веры, — что эти часы в реанимационной палате были торжеством души над телом. Но это было не так. Боль полностью деморализовала меня. Что-то изменилось к худшему, когда я лежал на операционном столе, и у меня не было достаточно практики в христианской жизни для того, чтобы думать о чем-то, кроме боли.

Утром я проснулся в другой комнате. Постепенно я осознал, что нахожусь в моей первой больничной палате. Трубки все еще торчали из моей груди и гортани, аппараты все еще булькали позади моей постели. Но я хоть по крайней мере получил какую-то информацию. Доктор Кэтлин пришел меня повидать. Он склонился над кроватью и, находясь в полусознательном состоянии, я уловил слова:

«Теперь с вами все в порядке. Были небольшие трудности на операционном столе. Легкие не выдержали. Трахеотомия».

Тем не менее с вашей шеей все в порядке. Постарайтесь теперь немного отдохнуть».

На следующий день я лежал полуусыпленный на кровати. Обрывками до меня доходило, что меня посещала жена, мать, врачи. К вечеру второго дня я стал осознавать, что кроме меня в комнате есть другие больные. Один из них был пожилой мужчина, который мучился кашлем. Вторым был молодой человек, которого только что спустили из реанимационной. Он испытывал сильные боли.

В последующую ночь я впервые был в состоянии думать о молитве. Я пытался говорить с тем Христом, веру в которого я провозгласил, но это было подобно разговору с пустотой над моей кроватью. Я совершенно не чувствовал, чтобы я был в контакте с кем-то. Я беспокоился о моих больных соседях, о мужчине с кашлем и парнишке с сильными болями. Я пытался молиться за них, но ничего не произошло. Через некоторое время я погрузился в сон, сознавая, что каждый из нас в этой комнате одинок.

Была середина ночи, и я вдруг ощутил, что бодрствую. Полностью бодрствую, без всякой полудремы. Слабый свет проникал в комнату из зала и из окна. Сестра прошла мимо двери в туфлях на резиновой подошве. Оба мои соседа спали спокойно, один кашлял, другой слабо постанывал.

Я не знаю, как это произошло, но первое, что я ощутил, был свет. Он был здесь, без сомнения, когда я проснулся. Он отличался от света, который проникал через дверь и окно: это было скорее освещение, чем свет из определен-

ного источника. Но у этого света было нечто замечательное: я испытывал благоговейный трепет, но ни в коем случае не был испуган. Вместо этого было чувство узнавания, как если бы я увидел друга детства, внешне настолько изменившегося, что то, что я узнал, было скорее общим видом, чем характерными чертами.

«Христос?» — спросил я.

Свет слегка двинулся. Двинулся условно: было так, как если бы Он внезапно стал ближе ко мне, в то же время не покидая места, где был прежде. На мгновение я подумал, что боль под моими перевязками уходит, но это было не так. Однако что-то произошло во время этой встречи. У меня было чувство, что я внезапно наполнился и переполнился здоровьем. Мои соседи еще страдали, один кашлял, другой постанывал. «Христос», — сказал я, лишь двигая губами — «не сможешь ли Ты этому пареньку?» Свет не покинул меня, но каким-то странным образом Он был теперь у постели страдающего от боли паренька. Тот слабо произнес «О..». и затем замолчал.

«А мой другой друг?» Свет внезапно сконцентрировался у постели старика, у которого в этот момент как раз был приступ кашля. Кашель остановился. Старик вздохнул и перевернулся.

И тогда свет исчез.

Я поднял голову с подушки насколько мог выше и осмотрел комнату. Но был виден только желтый свет из зала и окна. По залу прошла сестра. На улице сигнализировал автомобиль. Аппараты позади моей кровати крутились и поскрипывали. Все было таким же, как до этого. Все, кроме того, что лежал там, на койке, в Мемориальной больнице, с перевязанной головой, шеей и грудью, со все еще пронизывающей меня болью, я был наполнен чувством такого умиротворения, какого никогда раньше не знал. Долгое время я плакал от радости.

Я бодрствовал до рассвета, полагая, что необъятный Свет, может быть, вернется. Все это время оба моих соседа спокойно спали. Когда утренняя сестра вошла, неся на подносе термометры, она нашла меня еще бодрствующим.

«Вы выглядите отдохнувшим», — сказала она.

«Так и есть».

Она обернулась к моим соседям: «Это хорошо. И они оба спят. Я полагаю, что займусь этой комнатой попозже».

Я вышел из больницы на целую неделю раньше, чем предсказывал д-р Кэтлин. Так быстро выздоравливало мое тело.

На протяжении нескольких дней после возвращения домой я пытался рассказать Тиб о чудной встрече в больнице. Но, к моему изумлению, как только я открыл рот, чтобы начать, случалось одно и то же — я чувствовал, что слезы начинают подступать к моим глазам, и я знал, что если только скажу еще хоть одно слово, то начну рыдать как ребенок. И только тогда, когда я решил, что Тиб все равно должна знать о моем переживании, со слезами или без них, мне наконец удалось преодолеть это затруднение.

«Как ты думаешь, это был сон?» — спросил я, наплакавшись.

«Я не верю, что сон мог повлиять на тебя таким образом».

«Я тоже не думаю».

Я чувствовал, что двое других людей должны услышать эту историю: Лэн и Кэтрин Ле Сур. Я предупредил их, что о моих ощущениях мне будет трудно рассказывать, и действительно — повторилось то же самое: я начал говорить все по порядку, и не смог продолжать, не рассказав и половины, — задохнулся от волнения.

«Ну вот видите, что вас ожидает дальше?» — сказал я, пытаясь шуткой заглушить смущение. Но Лэн сказала: «Джон, именно эти слезы больше, чем что-либо другое, убеждают меня в подлинности вашего переживания. Не спешите». И так, я в конце концов рассказал им все. Когда я кончил, Кэтрин спросила: «И больше вы с тех пор не видели этого света?»

«Нет».

«И я не думаю, что вы должны этого ожидать», — сказала она. — «Такая встреча со Христом лицом к лицу обычно случается лишь один раз в жизни. У меня она произошла так же, как у вас. У Лэна она была совершенно иной. Но как бы эта встреча ни произошла, главное в ней то, что мы совершенно ясно узнаем Христа».

И тут Кэтрин высказала одну интересную мысль. Как оказалось потом, это было своего рода пророчество: «Я рада, что вы рассказали об этом нам. Это поможет этому событию остаться в вашей памяти на случай того времени, когда оно уже не будет казаться таким реальным». Тут она улыбнулась несколько печально. «Хотела бы я, чтобы было возможно всегда чувствовать так, как вот вы сейчас. Но, насколько я знаю, это невозможно. Когда мы теряем свежесть переживания этой первой встречи, нам приходится идти одной лишь верой».

Долгое время потребовалось мне, чтобы понять, что она имела в виду. Тогда же и еще многие недели после этого разговора я продолжал переживать эту встречу во всей ее яркости. Когда, наконец, пришло заключение от врача относительно хода моего излечения от рака, оно было ободряющим. Но, к моему удивлению, я обнаружил, что оно для меня значило меньше, чем я было предполагал. Мой разум был занят другим, все более поглощающим мои мысли. Я желал ближе узнать того Христа, которого встретил однажды.

Какое-то время это было для меня легко: я часто думал о Нем. Это происходило совершенно произвольно. Чтение Библии было ярким, новым для меня переживанием, потому что теперь я впервые мог понять многое из того, что раньше озадачивало меня. Например, как мог Иисус покорить сердца учеников и заставить их следовать за собой, просто сказав: «Идите за Мной». Теперь в это было легко поверить: та близость, которую я испытал, была чем-то таким, за чем можно было идти хоть на край земли. Места Евангелия, говорящие об исцелениях, вновь напоминали мне ту ночь в больнице... Слова Иоанна «Бог есть Любовь» теперь были для меня описанием, а не простым утверждением.

Однако, по мере того, как проходили недели, а затем и месяцы, первоначальная острота впечатлений стала постепенно слабеть. Прошло какое-то время, и уже не так-то легко стало взять в руки Библию; посещение церкви мед-

ленно, но верно снова становится данью рутине; и, наконец, навещая однажды друга в больнице, я рассказал ему о том моем переживании, и сделал это с сухими глазами. Это последнее более всего остального убедило меня в том, что я обладаю теперь лишь воспоминанием, но уже не живой реальностью.

И это уже все, больше кроме этого я уже ничего не буду иметь?! Я почувствовал в какой-то мере так, как должны были чувствовать ученики, когда Христос, пройдя некоторое время с ними рядом, внезапно исчез. Я ощущал глубокую грусть и страстное желание опять соприкоснуться с Ним, но, как и предсказывала Кэтрин, мне ничего не оставалось делать, кроме одного — «идти верой».

Из бесед с другими христианами я узнал, что переживание это было очень и очень обычным. Были «встречи на вершине горы» — дни, когда реальность Христа были несомненной, а затем медленное и верное удаление от Него. Был краткий момент сильнейшего переживания любви, радости и глубочайшего мира, время переживания истинной полноты, когда без всякого напряжения и самоконтроля человек видел, что он терпелив, добр, кроток, нежен. Это было время живой веры. А затем, вместо всего этого наступали скучные и безрадостные дни засухи.

Было ли это то, что как раз и должно быть? Жить воспоминаниями — к этому ли предназначены верующие? Я сомневался в этом: ведь воспоминания бледнеют и путаются.

И вот спустя примерно год после встречи в больнице, я встретил человека, который рассказал мне интригующую историю. Она привлекла мое внимание сначала просто тем, что была очень странной. И, конечно, я и не предполагал, что в ней содержится ответ на мой вопрос.

ГЛАВА II СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ХАРАЛЬДА

Впервые я услышал о Харальде Бридезене от м-с Норман Винсент Пил — она вместе со своим мужем была редактором газеты «Гайдпост». Мы собрались в понедельник вечером на очередное издательское совещание, когда, слегка запыхавшись, вошла она.

«Простите, что опоздала»... — сказала она, и, даже не успев снять пальто, продолжала: «Я только что обедала с молодым человеком, который дал моему уму настоящую встряску — и богатый материал для размышлений!»

Я проработал с Рут Рил десять лет. Все сотрудники ценили ее за уравновешенный и трезвый ум. Всегда можно было рассчитывать на нее в том плане, что если только наш образ мыслей примет слишком абстрактное или мечтательное направление, она непременно «вернет нас на землю». Я подчеркиваю, это обстоятельство потому, что история, рассказанная Рут в тот вечер, была весьма необычайной. История эта выглядела настолько фантастической, что если бы она исходила от кого-то другого, я, наверное, сразу же отмахнулся бы от нее как от выдумки.

«Слышали ли вы когда-нибудь выражение «говорить языками»? — спросила Рут. Большинство из нас стали смутно припоминать эту фразу. Я подумал, что она взята из Библии. «Хотя я говорю языками ангельскими и человеческими» — это?» — спросил я.

«Это лишь одна из ссылок», — сказала Рут. — «Об этом есть в Евангелии, и Павел несколько раз говорит об этом, но большинство ссылок на это явление — в книге Деяний. Очевидно, говорение языками представляло собой существенную часть жизни первохристианской Церкви. Значительно большую, чем я представляла себе.

Так вот, мой гость за обедом сказал, что он испытал это лично. И не только он сам, но и некоторые из его друзей. Мы с Норманом сидели как зачарованные на протяжении двух часов, пока он рассказывал нам о людях, с которыми это случилось — и это по всей стране! Очевидно, «язык» иногда оказывается действительно настоящим языком, который кто-то из слушающих может понять, хотя говорящий никогда не учил этого языка и не имеет представления о том, что он говорит. Это звучит как безумие, не правда ли? Но что-то есть в этом человеке такое...» — она остановилась. — «Что касается меня, то я хочу больше узнать об этом».

После собрания я сказал Рут, что мне хотелось бы встретить ее знакомого, говорящего языками, что из этого, я думал, мог бы получиться хороший очерк для журнала.

И я действительно встретился с ним. Но чем глубже я вникал в вопрос, тем больше я понимал, что я столкнулся с чем-то большим, чем просто материал для журнальной статьи.

Харальд Бридезен — рукоположенный служитель, пастор Первой Возрожденной церкви на Маунт-Вернон, Нью-Йорк. Он примерно моего возраста — тогда ему было под сорок. Он носит пасторский воротничок, лысоват и обладает способностью заражать окружающих своим внутренним подъемом. Мы с Бридезеном завтракали в ресторане неподалеку от моей редакции, и здесь, за чашкой кофе, он рассказал мне историю, которая казалась слишком фантастичной для нашего мира.

За несколько лет до нашей встречи Харальд Бридезен, несмотря на то, что он был очень занят, посвящая себя делам своей церкви, был все же неудовлетворенным молодым человеком. Ему казалось, что его религиозная жизнь не имеет в себе надлежащей силы, особенно когда он сравнивал ее с жизнью первых христиан. «В раннехристианской церкви был подъем, была бурная, активная жизнь», — говорил Бридезен. — «Современная же жизнь в церкви, в общем-то, все это потеряла. Я уверен, что вы сами это чувствуете. Где полностью измененные жизни? Где исцеления? Где убежденность, где вера, за которую люди готовы были бы умереть?»

У себя дома Бридезен начал по вечерам читать те места Библии, где говорилось о первохристианских церквях, надеясь найти ответы на мучившие его вопросы. И почти сразу же нашел ключ к разгадке. Чем больше он читал, тем больше убеждался в том, что христиане первого столетия получали свою жизненную силу от Святого Духа, а именно посредством некоего переживания, названного в Евангелии «крещением Святым Духом».

Бридезен решил, что он сам должен пройти через это переживание, и отправился на его поиски, взяв предвари-

тельно отпуск. Он держал путь в Аллеганские горы. Там он нашел горную хижину и молился в ней круглые сутки. Бридезен решил оставаться здесь до тех пор, пока не достигнет соединения с Богом на совершенно новом уровне. День за днем продолжалась эта непрекращающаяся молитва.

Наконец однажды утром он молился вслух, стоя у дверей своей хижины, и казалось, над холмами застыла тишина: все ткани его тела были напряжены, и Бридезен словно всем своим существом вступал в какую-то новую область познания. На миг он замолчал, а когда начал молиться снова, из его губ вышли... Но вот его собственные слова о том, что он услышал, — так, как я записал их в день встречи с ним.

Из его губ вышли... прекраснейшие сочетания звуков: гласных и еще каких-то странных гортанных звуков. Я не мог понять ни одного из них. Это было так, как если бы я слушал речь на иностранном языке, но только она звучала из моих собственных уст.

Потрясенный, удивленный и несколько испуганный, Бридезен побежал вниз с горы, продолжая громко говорить на этом языке. Он добежал до окраины небольшого поселения. На ступеньках крыльца одного из домиков сидел старик. Бридезен продолжал говорить на языке, который так легко и естественно сходил с его губ. Старик ответил, быстро заговорив на незнакомом Бридезену языке. Когда выяснилось, что они не понимают друг друга, старик заговорил по-английски.

«Как вы можете говорить по-польски, но не понимать польского языка?» — спросил он. «Я говорил по-польски?!» Старик рассмеялся, думая, что Бридезен шутит: «Ну конечно по-польски!»

Но Бридезен не шутил. Насколько он мог помнить, он никогда раньше не слышал польского языка.

Я все еще барабанил пальцами по столу, размышляя над первой историей, как Бридезен рассказал мне о втором подобном случае, на сей раз произошедшем в вестибюле одного нью-йоркского отеля. Бридезен пришел сюда для деловой встречи, которая должна была состояться в гостиничной столовой, и оставил шляпу на стуле в вестибюле. Когда нужно было уезжать, он подошел к стулу, но увидел на нем не шляпу, а хорошенькую молодую леди. Завязался разговор, который вскоре вышел за пределы формального вопроса: «Извините, не видели ли вы мою шляпу?» Девушка обратила внимание на священнический воротничок Бридезена, и через несколько минут они уже увлеченно беседовали о религии. Почти сразу же молодая леди призналась, что она не удовлетворена собственной христианской жизнью. И вот Бридезен уже рассказывал ей о том, что и у него была та же проблема, но что его духовная жизнь получила совсем иное измерение благодаря... говорению на языках.

«Благодаря чему?!» — переспросила девушка.

«Говорению на языках, которые дает Бог», — сказал Бридезен, и продолжал вкратце рассказывать ей о своем переживании. В глазах девушки он прочел недоверие и даже что-то вроде страха. «И вы можете говорить этими языками в любое время, когда только захотите?» — спросила она, причем Бридезен заметил, что она почти бессознательно отодвинулась от него как можно дальше.

«Они нам даны для молитвы».

«Ну, так вот можете ли вы молиться языками, когда захотите?»

«Да, вы бы хотели, чтобы я помолился ими сейчас?»

Девушка с откровенной тревогой во взгляде оглянулась вокруг. «Не волнуйтесь, я не скомпрометирую вас», — сказал Бридезен. Затем он слегка склонил голову и после краткой мысленной молитвы начал говорить на языке, слова которого ему были совершенно непонятны. Звуки текли сплошным потоком, и среди них было много «п» и «к». Когда он кончил, то открыл глаза и увидел мертвенно-бледное лицо девушки. «Но почему... почему... я поняла вас... вы славили Бога! Вы говорили на очень древнем арабском».

«Откуда вы знаете?» — спросил Бридезен. И тут он узнал, что девушка была дочерью ученого египтоведа, и что сама она говорит на нескольких современных диалектах арабского языка и изучает древний арабский. «У вас превосходное произношение. Вы произносили слова абсолютно правильно», — сказала она. — «Ради Бога, где вы выучили древний арабский?» Харальд Бридезен покачал головой. «Я не учил его», — сказал он. — «Я даже не знал, что есть такой язык».

Моя беседа с Харальдом Бридезеном скорее увеличила мое замешательство, нежели внесла какую-то ясность. Несомненно должно было существовать какое-то логическое объяснение всех тех «сказок», которые он мне рассказывал. Или же то, на что притязает, полностью можно расценивать как чудо. Это просто не согласовывалось со всем тем, что я знал о мире на сегодняшний день.

Бридезен сказал мне, что после своего переживания он узнал, что есть целая ветвь христианства, отличительной чертой которой является именно говорение на языках. Это — пятидесятники, которые взяли это название от дня Пятидесятницы, когда впервые произошло говорение языками. Я слышал о них и прежде, но особенно не обращал внимания; я полагал, что это еще одна из тех сект на периферии настоящего христианства, — «околохристианских» сект.

Но хороша «секта»! В библиотеке я выяснил, что по всему миру насчитывается 8500 тысяч пятидесятников, и более двух миллионов из них — в Соединенных Штатах.* В одном только Нью-Йорке, как оказалось, находится 350 пятидесятнических церквей и миссий, большинство из них, правда, лишь небольшие постройки в наиболее бедных районах города.

«Любопытно, не правда ли», — сказал я Тиб в этот вечер за ужином. — «И как это я смог все эти годы проработать в религиозном издании и не разу не переступить порога пяти-десятнической церкви!»

Мы решили, что ситуация вполне поправима. Бридезен сказал мне, что каждый четверг днем идет служение в Рок-Черч, пятидесятнической церкви в районе Восточных шестидесятих улиц. В следующий же четверг Тиб пригласила для детей няню, и мы с ней встретились в городе.

* Книга написана в 1964 году, и автор приводит данные начала 60-х годов, (ред.)

Было очень холодно, когда мы с ней вышли из такси на углу 3-й авеню. Интересное место: это был один из беднейших пригородов Нью-Йорка, пока до 3-й авеню не добралось метро. Теперь это был район, меняющийся на глазах, быстро превращающийся в одну из наиболее благоустроенных и богатых частей города. Старые лавки на авеню, прежде торговавшие уцененной мебелью, теперь продают антикварные вещи, а запыленный хозмаг на углу стал пунктом по приему металлолома. Бездомный старик, словно воплощающий в себе прошлое этого района, толкал по тротуару детскую коляску, полную лохмотьев и бутылок. Рядом прохаживалась дама, выгуливая трех пуделей, и все пудели были в пальто.

Сама церковь представляла собой белое кирпичное здание, некогда бывшее частным домом. Внутри были свежешелые стены в пастельный голубой цвет, очень просто. Позади лестницы, ведущей на хоры, жалкие вентиляторы героически пытались сохранить в помещении свежий воздух. Церковь не отличалась от дюжины других церквушек, в которых я бывал, — за одним только исключением: она была так переполнена людьми, что мы с трудом нашли место, где сесть.

«Никогда не видела, чтобы днем, в четверг, в церкви было так много народу», — прошептала Тиб.

Мы нашли два места далеко в задней части церкви, и начали осматриваться. Паства была более разнородной и состояла из более широкого круга людей, чем это обычно бывает во многих церквях. Тут было несколько норковых шубок, и тут же простые синие рабочие блузы. На передних рядах я заметил несколько человек в форме; некоторые были медсестрами из ближайшей больницы, другие выглядели как детские няни, которые часом раньше, может быть, прогуливались в парке, с детскими колясками на высоких колесах. Был еще человек в форме шофера. По-моему, каждый пятый на этом собрании был негр.

Я не мог сказать, шло ли уже служение или нет. Собрание казалось ожидающим, внимательным, и в то же время не видно было руководителя или кого бы то ни было, кто установил бы порядок в ходе служения. Внезапно женщина, сидящая на один ряд впереди нас, воскликнула вслух: «Слава Иисусу!» — воскликнула, почти пропела, и по всей церкви послышались легкие вздохи согласия. Рядом с нами сидела негритянка с поднятой головой, с плотно закрытыми глазами. Вот ее руки стали медленно подниматься, и, наконец простерлись над головой вверх ладонями, словно прижимая сверху какое-то незримое благословение. Теперь по всей церкви были подняты руки с раскрытыми ладонями — тот же самый жест получения. С другого конца помещения мужской голос выкрикнул: «Слава Богу!»

Меня заинтересовал во всем этом психологический аспект — так называемая «психология массы». Я слышал о «групповом сознании», но пока мы не вошли в эту церковь, я не знал, что такое существует. Между каждой отдельной личностью в этом помещении была какая-то не поддающаяся определению связь, осязаемое, почти осязаемое единение сердец. В собрании был порядок, но он был чем-то живым и естественным, не соблюдением правил и не подчинением указаниям председателя. Это было следование какому-то внутреннему побуждению, это было подобно функционированию клеток одного тела.

Время от времени кто-нибудь из собравшихся вставал с места, шел по проходу и исчезал во второй из комнат, находящихся позади кафедры. Через какое-то время я почувствовал себя легко и свободно; наклонившись к Тиб, я спросил ее, не хочет ли она пройти со мной в эту дверь. «Пойдем», — сказала она.

Мы вошли в комнату размером около 15 квадратных футов, застланную коричневого цвета ковром. По стенам стояли деревянные стулья с прямыми спинками. Другой мебели не было. Десять или двенадцать этих стульев были заняты. Каждый из них фактически являлся чем-то вроде личного алтаря со склоненным перед ним молящимися, который использовал сидение стула для того, чтобы опереться на него руками. Чтобы не стоять глазами, мы тоже преклонили колени. Это, впрочем, было и необязательно: люди в комнате были в полном неведении относительно нашего присутствия. Они молились вслух приглушенными голосами, и временами я улавливал слово «Иисус». Но когда я прислушался более внимательно, я понял, что большинство из них молится не по-английски. Вокруг нас пульсировали и текли необычайные источники звуков, речь с незнакомым ритмом. Каждый, казалось бы, молился сам по себе, но тем не менее общее впечатление было как от коллективной молитвы. Гул молитвы то затихал, то нарастал. «Это, должно быть, молитва на языках», — шепнул я Тиб.

Мы пробыли в маленькой комнате минут пятнадцать. На исходе первых пяти минут у меня уже болели колени от жесткого пола, которого не мог смягчить тонкий ковер. Но другие продолжали молиться, не думая об удобстве. Затем внезапно, как по сигналу, голоса смолкли. Я поднял голову и взглянул. Никто не входил в комнату. Не было никакой видимой причины, которая могла бы подействовать на всех одновременно и одинаковым образом, но вся группа прекратила молиться, как один человек. Пожилая женщина медленно поднялась с колен и вышла из комнаты, не сказав никому ни слова. Мужчина тоже поднялся и вышел. Один за другим люди из маленькой комнаты выходили в основное помещение. Мы тоже поднялись и вернулись на свои места, и были очень рады, что предусмотрительно оставили на наших стульях сборники гимнов, чтобы их никто не занял.

Теперь на кафедру вышла высокая угловатая леди и назвала номер гимна. И что это было за пение! Оно было мощным как взрыв. Довольно полный мужчина слева от нас пел так, будто вся репутация церкви зависела от него одного. Он пел басом, может быть не те басовые ноты, которые были указаны в сборнике, но его ноты достаточно хорошо гармонировали с замыслом композитора! А женщина справа от нас абсолютно преобразилась. По-прежнему с закрытыми глазами она пела, покачивалась в такт, безразличная сейчас ко всему, кроме музыки.

Эта часть служения мне понравилась, даже несмотря на эмоциональность. Когда мы добрались до «Благословенной уверенности»* я говорю «мы», потому что мы с Тиб пели не тише других, произошло то, чего я раньше никогда не наблюдал. Руководительница сделала поющим знак повторить. И мы вновь и вновь стали петь: «Вот моя повесть, вот моя песнь — славить Спасителя каждый мой миг!» Но повторение, вместо того чтобы показаться монотон-

ным, производило впечатление все возрастающего подъема, и оказывало действие почти пьянящее.

Теперь посреди пения началось похлопывание в ладоши. Это были не просто хлопки, но сложный ритм, повторяющийся то раз в два такта, то раз в полтакта, вписывающийся в музыку, вплетающийся в нее и оттеняющий ее. Это был слишком большой отход от привычного нам образа действий, и мы не присоединились к нему. Но я заметил, что носок правого ботинка Тиб вел себя так же по-пятидесятнически, как и у всякого другого здесь присутствующего.

Пение не прекратилось сразу, но постепенно сошло на нет, и вдруг где-то внизу впереди заговорил человек на языке, которого я не понимал. Традиции, доставшиеся мне в наследство от многих поколений, мгновенно возмутились во мне при звуке этого голоса в церковном помещении. Но больше никто, казалось, не возражал. В помещении воцарилась тишина. Когда этот человек кончил, тишина продолжалась. Аудитория насторожилась, как бы ожидая чего-то еще. И затем из другого конца церкви раздался другой голос. Мужчина говорил по-английски, но с тем же возбуждением, торопливой, необычной интонацией, которой пользовался говорящий языками. Это было увещание с призывом «ожидать в эти дни великого».

* Один из гимнов (ред.)

«Господь действует могущественно», — выкрикивал голос. — «Он дал Свое обетование и будет верен ему в наши дни...». И прочее в том же плане. Я наклонился и спросил у моего соседа, что происходит. «Он истолковывает», — сказал сосед. Когда я стал более сведущ в пятидесятническом вероучении, я узнал, что «дар истолкования» считается непременно сопровождающим дар языков, и оба эти дара обычно рассматриваются вместе. «Истолкование» имеет целью передать основное содержание слова, только что сказанного на незнакомом языке, в отличие от перевода, так как здесь «переводчик» понимает язык не больше, чем сам говорящий. Истолкователь чувствует, что ему каким-то сверхъестественным образом дано знать, что именно было сказано на языках, и он поднимается, чтобы поделиться своим знанием со всем собранием. Это я узнал потом, а в тот день, как я уже говорил, я ничего из этого не понял. Я только заметил, что всякий раз, когда кто-то громко заговорит на языках с тем, чтобы слышала вся аудитория (а это случалось трижды через какие-то промежутки времени), — всякий раз кто-то еще сразу же поднимался и говорил для аудитории по-английски.

Проповедь в этот день продолжалась сорок минут. Текст был: Моисей, переходящий Чермное (т.е. Красное) море. Довольно обычная проповедь, за одним исключением: проповедник здесь нуждался в гораздо большей поддержке паствы, чем я привык наблюдать. Его высказывания сопровождалось одобрительными возгласами слушателей: «Да, брат! Аминь!», и даже «Аллилуйя!» — чего я прежде никогда не слышал, разве только в пасхальных гимнах. Когда он видел, что аудитория откликается на его слова, он воодушевлялся и пользовался этим примерно так же, как это было во время хорового пения, — то есть повторял те же слова с возрастающим подъемом: «Он перешел море! Да, Моисей перешел море! Воды разошлись, и он прошел море!» Проповедь кончилась. В открытую дверь видно было, что на улице уже зажглись фонари. Присутствующие уже заполнили проход и начали выходить через боковой выход. Одевая пальто, я понял, что мы пробыли в церкви — и это на дневном служении в четверг! — добрых три часа. Уже был вечер; ухоженные пудели спешили домой к ужину. Пока мы шли домой, нас обуревали противоречивые чувства относительно служения, на котором мы только что были. Время несомненно прошло быстро: по яркости впечатлений и динамичности действия это было похоже на посещение другой страны во время праздника. Но во всем этом чувствовалось что-то еще более интересное и захватывающее. Я почувствовал здесь отголоски великих дел; но вместе с тем я чувствовал смущение от того, что люди должны выставлять перед другими напоказ свои эмоции; да и просто я переживал замешательство и смущение, столкнувшись с незнакомыми формами служения.

Выходя из церкви, я спросил проповедника, откуда идут эти необычайные формы служения. «Ну как — откуда, из Библии же», — сказал он. — «В конце первого Коринфянам, глава 14». В тот же вечер, сидя у огня в нашей гостиной в Чаппакуа, мы с Тиб просмотрели эту главу. Там звучали слова Павла, написанные словно о служении, пережитом нами:

Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть истолкование, — все сие да будет к назиданию. Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу... Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками. Только все должно быть благопристойно и чинно.

(I Кор. 14: 26—28, 39—40)

В тот вечер после того, как Тиб поднялась наверх, я некоторое время сидел один при мерцающем свете одного только догоравшего камина. И мне показалось, что этот огонь чем-то похож на мое переживание, которое я имел со Христом. Мои отношения с ним были как это пламя, когда-то горевшее ярко, а теперь слабо тлеющее.

Правильно ли то, что мы должны вспыхнуть, получив порцию горючего в виде одного единственного переживания, а потом остыть? Я читал книгу Деяний, и мне было ясно, что христиане апостольской церкви не охладевали в своем переживании близости Христа. Так же, как и эти пятидесятники, молящиеся в своей смешной маленькой церкви днем по четвергам. При всей странности и необычности их служения, мне казалось, что эти люди ощущают постоянное присутствие Христа и близость с Ним, что я мог понять, потому что и сам пережил это однажды в больнице. Может быть, их язык был странным, а действия необычными; но если посмотреть, что стоит за всем этим, если взглянуть на их лица, не глядя на их странное поведение, то увидишь радость и увидишь жизнь.

ГЛАВА 3. НЕОЖИДАННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

На следующее утро было холодно, ветрено, шел снег. Часов в 10 утра я с сыновьями вышел, чтобы расчистить среди сугробов дорожку для почтальона. Вся яркость вчерашних впечатлений почему-то ушла. Пока мы работали, я рассказал Скотту и Дону о служении, на котором мы побывали. Но поскольку им было 6 и 9 лет, основной их реакцией было удивление, что кто-то мог пойти в церковь, когда даже не воскресенье.

Мне нужно было передать почтальону для отправки несколько писем, и поэтому я поручил трехлетней Элизабет караулить внизу у окна, чтобы не пропустить его, а сам вернулся наверх, в мой кабинет. Мальчики не пошли в школу, так как занятия были отменены из-за снега, и я слышал, как они играли внизу. Слушая их голоса, я был внезапно поражен мыслью, что дети были правы. Это вчерашнее служение действительно было просто глупым. Невоспитанно и некрасиво вскакивать с места посреди служения и громко говорить. Просто смешно и нелепо размахивать руками над головой. Мой первоначальный вывод был справедлив: это все лишь интересный случай проявления групповой психологии — «психологии массы».

«Идет!» — с величайшим возбуждением вскричала Элизабет, возвещая приход почтальона. Я спустился и обменялся с ним письмами.

Первое из писем, которое он мне вручил, было со штемпелем Маунт-Вернон, и я понял, что оно от Харальда Бридзена. Я был разочарован и чувствовал недоверие ко всем этим из ряда вон выходящим явлениям; поднимаясь наверх, я поймал себя на том, что бессознательно подсовываю письма Юридзена в самый низ пачки. Когда, наконец, на столе не осталось, кроме него, писем, я очень неохотно вскрыл его. В конверте было несколько страниц, вырванных из журнала «Лайф», на первой из которых была нацарапана адресованная мне коротенькая записка. «Я полагаю, что это будет Вам интересно. Х.Б.»

Мне это действительно показалось интересным, отчасти потому, что автором статьи был человек, которого я знал: д-р Генри Питни Ван-Дюзен, бывший тогда президентом Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке. Но особенно меня заинтересовала тема статьи. Д-р Ван-Дюзен писал о том, что он называл «третьей силой» Христианства, что частично относилось к пятидесятникам.

Что же может сказать президент одного из величайших интеллектуальных центров страны об этих самых малоинтеллектуальных людях? Я долил себе остатки утреннего кофе и уселся читать о поездке, которую д-р Ван-Дюзен только что совершил вокруг света. Он останавливался в 20 странах, и в каждой он беседовал с ветеранами и лидерами традиционных протестантских церквей. И везде он сталкивался с одной и той же глубокой озабоченностью относительно феноменального роста называемых «нонконформистских», нетрадиционных религиозных групп, особенно пятидесятников. Он спросил английского епископа по этому поводу: «Вы встревожены тем, что это новое движение увлекает людей так, как не можете увлечь вы, или же тем, что они «перетягивают» к себе вашу собственную паству?» «И тем и другим», — был ответ.

Изложив в определенной системе информацию, собранную в ходе поездки, д-р Ван-Дюзен ввел понятие «третьей мощности ветви христианства», которую смело можно поставить наряду с католичеством и протестантизмом. Центральной струей этого потока — «третьей силы» — является пятидесятническое пробуждение.

«Существует несколько предпосылок, делающих третью силу самым выдающимся религиозным явлением наших дней. Эти группы проповедуют непосредственно Евангельскую весть, которая охотно и с готовностью воспринимается. Они обычно обещают людям переживание мгновенного изменения жизни через встречу с Живым Богом, являющим Себя во Христе; а это для многих людей гораздо важнее и имеет гораздо большее значение, чем та система проповеди, которая принята в традиционных церквях. Они вступают с людьми в непосредственный контакт — в их домах, или на улицах, где угодно — они не ждут, когда люди придут к ним в церковь. Они движимы большим духовным подъемом, природа которого иногда — но не в коем случае не всегда — исключительно эмоциональна. Духовный рост обращенного происходит в постоянно поддерживаемом, очень близком личном общении с группой других верующих: эта характерная черта каждого из важнейших христианских пробуждений, которые происходили с тех пор, как Святой Дух сошел на учеников в день Пятидесятницы. Особое значение эти группы придают Святому Духу — столь пренебрегаемому многими «традиционными» христианами — как проявлению непосредственного, действительного присутствия Бога как лично в каждой душе, так и среди христианского общения. Кроме всего этого, они ждут от своих последователей активной, постоянной христианской жизни, практики христианского хождения на протяжении 24 часов в сутки.

До последнего времени другие протестанты рассматривали это движение как временное и преходящее явление, случайное и не заслуживающее большего внимания. Ныне же мы можем наблюдать все возрастающее серьезное признание его истинных масштабов. Теперь уже можно прийти к заключению, что явление это нельзя отнести к разряду случайных и временных. Тенденция отвергать проповедь пятидесятников как нечто чуждое христианству теперь сменяется готовностью беспристрастно исследовать причины мощного размаха этого движения».

(Журнал «Лайф», 1958 г, № 6)

Это было необычно смелое заявление. Я хотел знать больше, и поэтому написал д-ру Ван-Дюзену в тот же день, прося о встрече.

Дней через десять мы с Тиб вместе поехали встретиться с ним. Этот визит для меня был особенно важен, поскольку мой отец до самой своей смерти преподавал в семинарии, президентом которой являлся этот человек. Сидя в кабинете Ван-Дюзена в здании семинарии, я в открытую дверь мог видеть всего через комнату кабинет моего отца. Как раз за углом — я знал — находится прежняя квартира моих родителей, куда в течение шести лет мы по воскресеньям водили в гости своих детей. Возвращение в эти края несло с собой бесконечное множество воспоминаний. Д-р Ван-Дюзен, должно быть, почувствовал, как много для меня и Тиб значило это возвращение к родным пенатам, поэтому он взял на себя немалый труд по приготовлению чая. Немалый труд потому, что его жена и экономка отсутствовали, и чай ему пришлось готовить самому. Покончив с этим нелегким делом, он сел напротив нас и попробовал как заварилось. «Слишком крепко», — сказал он, покачивая головой. — «Слишком крепко». Еще раз отхлебнув этого слишком крепкого чая, он поморщился и отставил чашку. «Угощайтесь печеньем», — сказал он, — «Я очень рад вас видеть. Вы, наверное, знаете, что я очень интересуюсь пятидесятничеством».

И д-р Ван-Дюзен рассказал нам о своем путешествии на острова Карибского моря, которое он предпринял несколько лет назад. В ходе этого путешествия он первый раз побывал на пятидесятническом служении. «Вы знаете» — сказал Ван-Дюзен, — «это было ужасно компрометирующее обстоятельство. Подумать только — президент теологического объединения преодолев расстояние до Карибских островов для того, чтобы впервые посетить пятидесятническое служение. Это просто шокирующе!»

Д-р Ван-Дюзен вышел с этого служения с определенными впечатлениями. Первое из них было странным. «Я чувствовал себя свободно, как дома, — говорил он. — «Несмотря на совершенно непривычные мне вещи — а их было много — я чувствовал себя как дома. Я чувствовал себя, словно вернулся в прошлое, в дни первых христианских переживаний, может быть на примитивном уровне, но очень ярких и жизненных. Я уверен, что Петр, Варнава и Павел скорее чувствовали бы себя в своей стихии на хорошем пятидесятническом служении, чем на формальной, превращенной в ритуал службе большинства наших современных церквей».

Другое сильное впечатление было впечатление от говорения на языках. Так же как и мы, он наблюдал и слушал, совершенно замороженный, молитвы людей «в Духе». «Мне кажется», — сказал он, — «что это говорение на языках — своего рода духовная терапия. Трудно, конечно, определить впечатление от языков, когда слышишь это в первый раз. Но надо всеми другими впечатлениями у меня явно преобладает одно; я ушел с чувством, что это нечто вроде эмоциональной разрядки, очень благотворное явление, в основе которого лежит что-то очень здоровое. Я оставлял этих людей в лучшем состоянии, чем до молитвы: освобожденными, расслабившимися от напряжения». «Я сам никогда не переживал того», — продолжал д-р Ван-Дюзен, — «но я лучше всего могу понять это чувство, когда думаю о некоторых наших великих поэтах. Они очень часто достигают в своем творчестве таких моментов, когда просто не сообщают читателю никакой связной, уяснимой мысли. Например, Блейк, или Оден, или Джеральд Менли Хопкинс. Все они писали отдельными, совершенно не имеющими логической связи фразами. Они «не искали смысла». Это, мне кажется, как раз близко стоит к иррациональной природе говорения на языках. Человеческое сердце достигает в определенные моменты такого состояния, такой высшей точки, когда слова — само значение слов — просто не в состоянии выразить все то, что рвется из сердца».

Я был поражен серьезностью, с которой он ко всему этому относился. Но перед самым нашим уходом д-р Ван-Дюзен сделал заявление, которое стало для меня решающим и окончательно определило мое решение узнать о пятидесятниках все, что я только смогу узнать.

Было пора уходить. Тиб уже была на ногах, но д-р Ван-Дюзен еще сидел; было ясно, что он должен сказать что-то еще. «Я пришел к ощущению», — сказал он, осторожно подбирая слова. — «Что пятидесятническое движение с его особым отношением к Святому Духу — это нечто большее, чем просто еще одна из воли пробуждения. Это революция наших дней. Это революция, сравнимая, сопоставимая по значению своему с основанием первоапостольской Церкви и с протестантской Реформацией!»

Я не сразу осознал значение этих слов. Д-р Ван-Дюзен утверждал, что это движение — да, даже представляемое отчасти той размахивающей руками, говорящей языками, хлопающей в ладоши маленькой церковью, где мы были с Тиб, — должно быть поставлено в один ряд не с какой-то безумной, отсталой сектой. Оно должно стоять в одном ряду даже не с образованием таких основных протестантских деноминаций, как пресвитерианство или методизм; нет, оно сопоставимо с самими протестантизмом и католичеством!

Мы с Тиб ехали домой с распухшими головами. Как же это д-р Ван-Дюзен мог сравнить пятидесятничество с основанием первохристианской Церкви! И одинок ли он в своем взгляде на значение пятидесятничества?

Следующие несколько недель я много читал на эту тему. И даже при этом поверхностном чтении я нашел два основных момента, которые были для меня исходными. Во-первых, я узнал, что пятидесятническое движение было гораздо более распространено, чем я себе представлял. Оно включало не только 8 миллионов членов пятидесятнических церквей, но, что очень важно, еще и не установленное, но огромное число людей в традиционных, официальных церквях, как католических так и протестантских, которые переживали в своей среде те же самые проявления сверхъестественной и необъяснимой силы.

Во-вторых, я обнаружил, что д-р Ван Дюзен никоим образом не одинок в своей оценке этого явления. Ведущие фигуры протестантизма и католичества выражали аналогичное мнение. Я составил список считающих подобным образом и засунул его на дно папки, которую я завел, дав ей название «Рассказы о языках». Я дал себе слово когда-нибудь обязательно встретиться с этими людьми.

Трудность состояла в том, что эти мои изыскания грозили отнять больше времени, чем я мог им уделить. Сам предмет увлекал меня, но в то же время мы зависели от договорных обязательств с журналами, которые составляли источник нашего дохода. Здесь я чувствовал полный развал, так как понял, что «языки» — это для меня та Большая тема, которая выпадает на долю каждого писателя лишь раз в жизни. И я ничего не мог поделать.

А затем случилось нечто, что полностью изменило положение дел. Как-то раз на званом обеде я рассказал о том, как Харальд Бридзесен говорил по-польски. Я решил, что история эта стоит того, чтобы ее рассказывать; независимо от того, какой взрыв — недоумения или веселья — она вызывала, она всегда интересовывала людей. Но на этот раз на обеде был человек, которого я раньше никогда не встречал, Сэм Питере. Когда мы встали из-за стола, Питере отвел меня в сторону. «Вы знаете», — сказал он. — «Я очень заинтересовался этой историей. Я бы хотел услышать об этом еще больше. Не могли бы вы заглянуть в мою контору?»

Питере, как оказалось, работал в книжном издательстве. Я посетил его контору на Манхэттене, а через несколько недель я подписал контракт, по которому должен был написать книгу — исследование о говорении на языках как явление и о том, что они бы могли означать, причем оплачивать расходы по исследованиям должен был издатель.

«В одном отношении — давайте поставим вещи на свои места», — сказал я Питерсу к концу разговора. — «Вы

все время говорите: «Эти ваши языки». Это не мои языки, Питере, и вряд ли когда-нибудь будут моими. Я заинтересован, я заинтригован, но я отнюдь не поддаюсь на эту приманку. Я приверженец епископальной церкви, как вы знаете, и я думаю, нас не так-то легко увлечь». Питере улыбнулся. «Я знаю. Никто вас и не просит самому входить в это. Просто сделайте хороший добросовестный репортаж. Это все, что мы просим» «Хорошо», — сказал я. — «В таком случае мы с вами понимаем друг друга. Я всегда говорю, что чтобы там ни было, а лучший репортер — это тот, который всегда соблюдает безопасную дистанцию».

ГЛАВА IV «ПРИЧУДА СТОУНА»

В отношении этих людей, как я начал чувствовать, соблюдать безопасную дистанцию было делом очень простым. Я сидел в главном читальном зале Нью-Йоркской общественной библиотеки с внушительной стопкой книг старого издания перед собой на столе, и мир, который они открыли передо мной, казался мне бесконечно далеким от моего собственного привычного мира. Я старался проследить историю говорения на языках в наше время до самого первого, исходного момента, когда кто-то на них заговорил. Одной из подобных кандидатур был фермер из горного района. Другая кандидатура — странствующий цветной проповедник. Еще один — человек, содержавший бесплатную школу. Были также чилийские индейцы, африканцы, представители касты неприкосновенных — парии — в Индии. Тиб очень удачно охарактеризовала пропасть, отделявшую нас от этих людей: «Ни один из них, — сказала она, когда я сообщил ей результаты своих исследований, — никогда в жизни не заботится о таких вещах, как, например, опрыскивание насекомых-вредителей на газоне...».

Она была права. Не у многих из них были во владении газоны, о которых можно было бы заботиться, а у кого и была какая-то лужайка, тот пускал на нее пастись корову. Было это в Соединенных Штатах, в 1900 году. Молодой методистский служитель Чарльз Ф. Пэрхем решил, что его религиозная жизнь нуждается в каких-то изменениях. Читая книгу Деяний и послания Павла, он сравнивал немощь своего собственного служения с силой, отраженной в этих книгах. Где его чудеса? Его исцеления? Несомненно, говорил он себе, христиане первого столетия обладали каким-то «секретом» силы, который утратили теперь он сам и его церковь.

В октябре 1900 года Пэрхем решил попытаться раскрыть этот секрет. Он пришел к выводу, что для этого потребуется более глубокое и тщательное изучение Библии, чем то, которое он мог бы произвести в одиночку. Поэтому он решил открыть библейскую школу, где сам он будет одновременно и директором, и одним из студентов. Он не будет брать платы за обучение, каждый из учащихся просто даст то, что сможет, чтобы покрыть расходы. Первой задачей Пэрхэма было найти подходящее помещение за маленькую месячную плату или вообще бесплатно. И Пэрхэм нашел такой дом в городе Топика в штате Канзас. Оно, это здание, было не очень большим, но живописным. Житель Топика по имени Стоун начал строить для себя большой особняк. Не успел он построить его наполовину, как у него кончились средства. Первый этаж дома был великолепен: резные лестницы, массивные каминные, роскошь панели. Верх же был закончен уже самыми дешевыми сосновыми досками. В городе этот дом имел свое прозвище. Его называли «Причуда Стоуна».

Чарльз Пэрхэм переехал в «Причуду Стоуна» и объявил, что он с радостью примет каждого, кто захочет присоединиться к нему в деле изучения Нового Завета. Объявилось 40 учеников. Должно быть, они задали Топике больше пицци для пересудов, чем сам Стоун! Они прибыли в повозках и фургонах, и пешком, ведя с собой жен и детей. Они захватили с собой все, что нужно для хозяйства, и скоро на заднем дворике великолепного стоунс-кого особняка сушились пеленки, а на лужайке перед домом паслась корова.

Чарльз Пэрхэм знал, в каком направлении должно вестись их изучение. На протяжении пятидесяти лет многие протестанты обращали все возрастающее внимание на некое религиозное переживание, которое обычно имеет место где-то после обращения. Переживание это было конкретным, вплоть до того, что можно было определить день и час его; некоторые называли его «вторым действием благодати», другие — «вторым благословением», иные — «освящением». Но суть его всегда была одна — встреча и непосредственный контакт со Святым Духом.

Обетование каких-то иных, новых отношений со Святым Духом проходит красной нитью через весь Новый Завет. Оно появляется в самых первых главах Евангелия. Какое-то время евреи думали, что Иоанн Креститель, должно быть, и есть обещанный Мессия. Но Иоанн говорил им: «Идет за мною Сильнейший меня, у Которого я не достоин наклонившись развязать ремень обуви Его; я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» (Марк, 1:7,8).

Ближе к последним дням Своей жизни Христос начал делать все больший акцент на Святом Духе. Последний будет утешителем учеников, всегда поддерживающим их в трудностях, направляющим их к истине, — займет место Христа, когда Он уйдет. После Своего распятия Христос явился ученикам и сказал им, что они должны оставаться в Иерусалиме: «Ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня; ибо Иоанн крестил водою, а вы через несколько дней после сего будете крещены Духом Святым», — сказал Он (Деян. 1:4,5).

Ученики ждали, как им было сказано. И вот...

При наступлении дня пятидесятницы они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать.

Деян. 2:1—4

Церковь ведет свое существование с этого момента исполнения Святым Духом. Она была только что родившейся-

ся, маленькой, окруженной врагами, и все же эта молодая Церковь обладала силой: исцелять, убеждать, расти. Церкви, которые произошли из нее с течением времени, сохранили в своих традициях отзвуки этой прежней зависимости от особого наполнения Святым Духом как источника их силы. Приверженцы римско-католической, лютеранской, епископальной церковью в обряде конфирмации подразумевают, что в данный момент конфирмант получает некоторый особый дар силы с тем, чтобы быть настоящим христианином.*

Но такие группы, как методисты — последователи Веслея — и «люди Святости», поняли, что обряд конфирмации часто является простым ритуалом, подчасую фактически не наделяющим человека силой. Они делали упор на то, что крещение Духом не есть переживание, которое происходит автоматически (т.е. посредством обряда), но что его следует искать снова и снова, если нужно, до тех пор, пока христианин не будет совершенно точно, что он исполнен Святым Духом.

Но как может человек быть уверен? Некоторые говорили, что не бывает непосредственного доказательства, что факт своего крещения человек принимает верой. Другие говорили, что вы узнаете, что получили Духа потому, что молитва ваша становится исполнена силы. Но это был какой-то неопределенный критерий. Задача, которую поставил перед собой Чарльз Пэрхэм и его друзья исследователи Библии, заключалась в том, чтобы обнаружить критерий, с которым можно было бы считаться.

В «Причуде Стоуна» Пэрхэм и его друзья проводили дни, читая Библию, моя посуду, доя корову, молясь и ища несомненного доказательства присутствия Святого Духа.

В декабре Пэрхэм должен был уехать в трехдневную поездку. Прежде чем покинуть Топику, он дал своим ученикам задание. «Пока меня не будет», — сказал он, — «я хочу, чтобы вы прочитали книгу Деяний. Изучите каждый случай, когда крещение получалось впервые. Посмотрите, не сможете ли вы найти что-то неизменное для всех случаев, какой-то общий знаменатель».

* Конфирмация (лат. утверждение) — обряд приобщения к церкви (у протестантов) и миропомазания (у католиков) детей, достигших определенного возраста. (Ред.)

По возвращении он обнаружил, что школа гудит от возбуждения. Учащиеся, независимо друг от друга изучая вопрос, все пришли к одному и тому же выводу. В пяти различных описанных в Деяниях случаях, когда крещение получили впервые, было (как они заключили) определенно зафиксировано как произошедшее или как подразумеваемое любопытное явление — «говорение на языках».

Впервые это было в день Пятидесятницы: «И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян. 2:4).

Второй раз это было в Самарии:

Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышавши, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, пришедши, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святого: ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса; тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого. Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получил Духа Святого.

Деян. 8:14—19.

В третий раз это было в Дамаске, когда крещение получил Павел:

Анания пошел, и вошел в дом, и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа. И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел, и встав крестился (буквально: был крещен).

Деян. 9:17—18.

Четвертый случай был в Кесари, когда крещение получил дом Корнилия:

«Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святой сошел на всех, слушавших слово. И верующие из обрезанных, пришедших с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников; ибо слышали их говорящими языками...».

Деян. 10:44—46.

И пятое событие из зафиксированных в Деяниях произошло в Эфесе:

Во время пребывания Апостола в Коринфе, Павел, прошед верхние страны, прибыл в Ефес и, нашед там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Духа Святого, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой... И, когда Павел возложил на них руки, нисшед на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать.

Деян. 19:1—2,6.

Пэрхэм был заинтересован, но не убежден. «Я вижу языки в трех случаях крещения», — сказал он, — «Но не в случае Самарии, а также не в случае Павла!» «Нет», — возразили ученики. — «Ведь мы знаем, что у Павла был дар языков, — впоследствии в его служении. Он писал коринфянам: «Благодарю Бога моего: я более вас всех говорю языками». Где же тогда он получил этот дар? Не могло ли это быть во время крещения?»

Пэрхэм молча размышлял над этим. «Ну, а Самария?» — наконец спросил он. «А в Самарии Симон Волхв был так поражен чем-то, что он видел, когда люди исполнились Святого Духа, что предложил деньги, чтобы приобрести эту силу для себя! Что же такое необычное он мог видеть? Не чудеса, и не исцеления, потому что он уже видел, как христиане делают все это. Он неделями не отходил от Филиппа как раз из-за этих знамений. Нет, с прибытием Петра и Иоанна, когда Самаринские христиане получали Святого Духа, Симон увидел нечто новое, что-то совершенно другое. Разве не могли это быть языки?» Подъем товарищей передался, наконец, и Пэрхэму. Не это ли, действительно, то доказательство, которого они ищут? Был уже поздний вечер. «Интересно, что произойдет», — сказал Пэрхэм — «Если завтра все мы вместе будем молиться о получении такого крещения, как оно описано в Библии: с говорением на языках?»

На следующее утро все в «Причуде Стоуна» объединились в такой молитве. Они молились все утро и после полудня — весь день. В особняке стояла атмосфера ожидания. Но солнце село, и ничего необычного так и не произошло.

И вот, примерно в семь часов вечера — это был канун Нового года, 1900 — молодая студентка по имени Агнес Н. Озман вспомнила одну вещь. Разве не верно, что многие из случаев крещения, описанных в Деяниях, сопровождались не только молитвой, но и определенным действием: не возлагал ли человек, возносящий молитву, руки на желающего получить крещение? В Библии она нашла места, подтверждающие ее догадку. Совершенно верно: в Самарии, в Дамаске в Эфесе, — везде слово «руки». «Возложив на него руки..». «Тогда возложили руки на них..».

Мисс Озман пошла искать Чарльза Пэрхэма. Она высказала ему свои соображения. «Вы не помолитесь за меня таким образом?» — спросила она. Пэрхэм колебался относительно правильности того, что они делают, ровно столько, сколько нужно для того, чтобы произнести краткую молитву. Затем он нежно положил обе руки на голову мисс Озман. Немедленно из ее губ полились тихие звуки, понять которых не могли ни она, ни Пэрхэм. Пятидесятники оглядываются на эту дату — 19 часов, канун Нового года, — как на одну из исходных дат своей истории. Она указывают на нее как на первую со дней перво-христианской церкви, когда было взыскано крещение Святым Духом, когда говорения на языках ожидали как исходного доказательства крещения.

Теперь уже все в «Причуде Стоуна» молились с всевозрастающим рвением о сошествии Святого Духа. Одна из больших недостроенных комнат на верхнем этаже особняка была превращена в молитвенное помещение: сознательное стремление воссоздать — хотя бы по расположению — горницу в Иерусалиме в день Пятидесятницы. («Горница» означает «верхняя комната»). В течение последующих трех дней было множество крещений, каждое из которых было ознаменовано загадочными языками. 3-го января сам Пэрхэм и двенадцать других служителей из различных деноминаций, бывшие с ним в этой комнате, получили крещение и заговорили языками. В радостном возбуждении они строили планы грандиозной миссионерской поездки, которая пронесла бы новую весть из Топики через всю страну вплоть до Канады.

Они уехали не дальше Канзас-Сити *. Здесь их встретили явной, ничем не прикрытой враждебностью. Никто не слушал весть, в которой Пэрхэм был так уверен. Его товарищи по суждению оставили его стараниями местного духовенства и прессы. Маленькая группа распалась. Пэрхэм оказался без единомышленников и без средств. Он остался без кафедры и в конечном итоге даже без куска хлеба. Через несколько недель Пэрхэм вернулся в Топику, и там его ждал новый удар. «Причуда Стоуна» была предназначена к продаже. Приходилось покинуть это старое чудовищное здание, так много значившее для маленькой школы Пэрхэма, и с потерей места исчезла школа, рассеялись ученики.

Чарльз Пэрхэм начал проповедовать на углах улиц. Он назвал свое служение «вестью Полного Евангелия» подразумевая под этим то, что Евангелие, как он верил должно быть проповедано во всей своей полноте и целостности, ни опуская ни языков, ни исцелений, ни каких-либо других даров, обещанных в Духе.

Прошло три года, и никто так и не слушал его. И вот в 1903 году Пэрхэм прибыл в курортный городок Эльдorado Спрингс (штат Миссури). Здесь в его служении произошел перелом, сопровождавшийся драматичными событиями.

Было известно, что воды Эльдorado помогают от любого рода болей и недугов, и Пэрхэму помогла эта атмосфера всеобщей нужды в излечении, он проповедовал на самых подступах к целебным источникам. После каждой проповеди он приглашал любого, кто был болен или испытывал недомогание, прийти для дальнейшей молитвы в маленький домик, который они с женой арендовали неподалеку. Многие приходили. И с самого начала многие говорили, что их состояние улучшилось. Разнеслась молва, что объявился человек, наделенный необычайной силой. Причем было ясно, что он не преследует личный выгоды: он никогда не брал платы, никогда не устраивал сборов пожертвований.

Одной из тех, кто приходили на его доступные всем служения исцеления, была женщина по имени Мэри Артур. Миссис Артур теряла зрение. Она уже перенесла две операции, и после каждой из них состояние ее зрения только ухудшалось. В тот день, когда она посетила домик Пэрхэма, она могла видеть лишь одним глазом, да и то испытывая при этом боль.

* То есть даже не выехали за пределы своего штата.

Во время служения Пэрхэм возложил руки на ее глаза и стал молиться, чтобы сила Духа прошла через него для исцеления. Миссис Артур поднялась с колен, потрясенная и не верящая. Лишь несколько минут назад ей приходилось держать глаза закрытыми, чтобы спастись от боли, теперь же она могла смотреть прямо на свет, не испытывая ни малейшего неудобства. Миссис Артур вернулась к себе домой в Галену (штат Канзас) и начала всем рассказывать об этом чудесном новом служении. Спустя несколько недель она пригласила Пэрхэмов приехать в Галену и провести ряд служений в ее доме. Их решение принять приглашение стало поворотным пунктом в их служении, ибо именно в Галене возгорелось пламя пятидесятнической проповеди.

В каких-то несколько дней гостиная в доме Артуров была полна до предела людьми. На пустующем неподалеку участке друзья поставили палатку. Почти сразу же выяснилось, что даже в этих двух помещениях уже недостаточно, так как люди стекались в Галену за многие мили со всей округи. Пэрхэм и его друзья арендовали на краю города старый склад. Наступала зима; для утепления они поставили по углам огромного помещения чугунные печи; вместо церковных скамей приспособили доски, положенные на пустые бочонки. Здесь, в этой церкви-сарая, Чарльз Пэрхэм проповедовал служение Христа, достигающее своей полноты в крещении Святым Духом.

Вечер за вечером люди собирались в этой самодеятельной церкви с тем, чтобы по прошествии нескольких часов выйти оттуда, унося с собой истории исцелений и впечатления от странных необычайных переживаний.

Цинцинатская газета «Инквайр» послала в Галену корреспондента, который сделал бы обзор пробуждения:

Вряд ли (писал корреспондент) за последние годы случалось что-либо, что так пробуждало бы интерес, вызывало бы толки и заинтересовывало людей этой местности, как это сделали религиозные собрания, проводимые здесь преподобным Ч. Ф. Пэрхэмом. Почти три месяца прошло с тех пор, как этот человек, приехал в Галену, и за это время он исцелил более тысячи людей и обратил более 800... Люди, которые го-

дами не могли ходить без костылей, поднимались с членами настолько выпрямленными, что могли отбросить в сторону свои костыли.... Здесь приверженцы этой проповеди переживают нечто, что они именуют «Пятидесятницей», и делают способными говорить иностранными языками, — языками, с которыми они, когда не находились под действием этой силы, были совершенно не знакомы. Однако это уже можно считать одной из замечательнейших особенностей этих собраний. На прошлой неделе посреди служения поднялась женщина и говорила в течение десяти минут, и никто из слушавших, очевидно, не понимал, о чем она говорит. Индеец, который в тот день приехал на служение из резервации Пони, заявил, что она говорила на языке его племени и что он понял каждое слово в ее речи.

Пэрхэм оставался в Галене больше трех месяцев, уча, проповедуя и исцеляя. Когда он наконец уехал, то уехал с тем, чтобы осуществить мечту, не оставлявшую его с тех пор, как закрылась «Причуда Стоуна»: он хотел открыть другую школу.

Через 5 лет, почти день в день, после того как он открыл школу в Топике, он объявил об основании второй школы, на сей раз в Хьюстоне, штат Техас.

Именно в эту школу пришел учащийся, которому суждено было стать вторым важнейшим лицом в истории пятидесятничества: В. Дж. Сеймур, рукоположенный служитель-негр. Это он принес пятидесятническую весть в Калифорнию, где связал ее с одним из знаменитейших адресов в истории пятидесятничества: Лос-Анджелес, 321 дом по Азуза-стрит.

Сеймур прибыл в Лос-Анджелес с чемоданом в руке, даже не подозревая об успехе, который ему предстояло испытать. Его пригласили проповедовать в местной маленькой негритянской церкви. Память о школе Пэрхэма была еще очень свежа, и Сеймур организовал серию проповедей, посвященных Святому Духу и такому явлению, как говорение языками. Он успел только начать эту предполагаемую серию, так как это было слишком для руководителей маленькой церкви. На следующий день, когда Сеймур прибыл в церковь проповедовать, ее двери оказались закрытыми.

Однако одна из членов церкви не согласилась с таким отношением. Она сказала м-ру Сеймуру, что если он желает, то будет очень хорошо, если он будет проповедовать в ее собственном доме. Дом, конечно, старый, призналась она, но все же это лучше, чем ничего. На протяжении трех дней Сеймур проповедовал там, спокойно и логично излагая Библейское основание своей позиции. Вечером 9 апреля, во время его проповеди, слушавшие начали получать крещение. Они говорили языками, смеялись, они кричали и пели, так что все это очень напоминало настоящую Пятидесятницу, когда Петра и его товарищей обвинили в том, что они напились сладкого вина.

Новость быстро распространилась. На следующее утро, очень рано, в старый шаткий дом набилась большая толпа, и еще большая толпа стояла на улице, ожидая возможности пробраться в дом.

Возгласы и пение, восклицали «Аллилуйя!» и «Слава Господу!» эхом отдавались от крыши. Начались хлопки и притоптывание; старое строение зашаталось. Никто даже не заметил. Затем, при одном особенно громком восклицании «Слава Господу!» здание не выдержало: полы рухнули, стены обвалились, крыша обрушилась. Никто не пострадал. Но было ясно, что быстро растущее собрание требует большего (и более прочного) помещения. После недолгих поисков они нашли подходящее место: Азуза-стрит, 312.

Это место находилось в очень скромной части города. Соседствовали с ним дровяной склад, конюшня и мастерская, где изготовлялись надгробия. Но по крайней мере никто не будет потревожен исполненной «новым вином» ласковой. Это двухэтажное здание само было некогда конюшней, но частично пострадало от пожара и было теперь заброшено. Выгоревшую крышу заменила друга, плоская, придавшая строению вид обрубка. Молящиеся побелили здание снаружи, втащили внутрь бочки из-под гвоздей, чтобы использовать их в качестве сидений. Сам Сеймур спокойно и тихо сидел в углу большой комнаты нижнего этажа, постоянно молился и редко проповедовал. Он был руководитель, но его руководство больше выражалось в форме предположений, чем указаний.

Пробуждение, начатое на Азуза-стрит, продолжалось три года. Равно богатые и бедные приходили посмотреть, что происходит. Люди приезжали из ближайших городов, со Среднего Запада и из Новой Англии, из Канады и Великобритании. Тут были белые и цветные, старые и молодые, образованные и неграмотные. Репортеры съезжались со всей страны, и их репортеры, независимо от того, были ли они сочувственными или же недоброжелательными, всегда были интересны и читаемы.

В ходе моего исследования я переписывался с одним из немногих ныне живущих очевидцев пробуждения на Азуза-стрит. Это м-р Харви Мак-Алместер из Спрингфильда, штат Миссури, который писал мне, что сам много раз посещал служения. Он вспоминает один интересный эпизод:

«Мой брат, Роберт Э.Мак-Алместер, ныне покойный, находился в Лос-Анджелесе, когда произошел этот случай, и он рассказал о нем мне. Эта девушка, которую я близко знал, и от родителей которой я также слышал об этом случае — Кэтлин Скотт.

Это ...случилось в доме, который известен как Старая Миссия на Азуза-стрит. Для того, чтобы разузнать, что же там происходит, люди приезжали со всех концов Земли. Там наверху было большое помещение — «Горница». Дом был открыт и днем и ночью в течение нескольких лет, а люди в «Горнице» молились и днем, и ночью. Когда кончалась проповедь, люди толпой шли в «Горницу» молиться. Когда опять подходило время проповеди, кто-нибудь звонил в колокольчик, и все спускались на служение.

Кэтлин в то время была подростком. В тот самый день она находилась в «Горнице». В дом вошел человек; шло служение, и услышав, что люди молятся, он направился вверх в молитвенную комнату. В тот момент, когда он вошел, Кэтлин, направляемая Духом, встала и указала на этого мужчину, стоящего наверху лестницы, и на протяжении нескольких минут говорила на ином языке.

Её прервал звук колокольчика, призывающего людей, вниз, на служение проповеди. Все стали подниматься с колен и направились к лестнице. Мужчина же, когда Кэтлин подошла вместе с другими к лестнице, взял ее за руку и повел в низ, подвел к месту проповедника и подождал, пока в аудитории не установится порядок. Затем он сказал: «Я еврей, и я приехал сюда, чтобы исследовать говорение на языках. Ни один человек в городе не знает ни моего имени, ни фамилии, так как я здесь под вымышленным именем. Никто в городе не знает, чем я занимаюсь, да и вообще никто ничего не знает обо мне. Я занимаюсь тем, что хожу слушать проповедников с целью анализировать их проповеди и использовать это для своих лекций против христианской религии.

Эта девушка, когда я вошел в комнату, заговорила со мной на еврейском языке. Она сказала мне мое имя и фамилию, сказала мне причину моего появления в городе, и ряд моих занятий в жизни, а затем она призвала меня покаяться. Она сказала мне такие факты моей жизни, которые просто не мог знать никто в этом городе».

Затем (так заключает свое письмо м-р Мак-Алместер) этот человек упал на колени, и плакал и молился так словно у него разорвалось

сердце».

Таково было пробуждение на Азуза-стрит. Без фанфар, без рекламы, хоров и оркестров, без каких-либо обычных атрибутов всякого пробуждения, это движение, родившееся в старом конюшенном сарае, стремительно мчалось вперед. День и ночь, день и ночь — более тысячи дней.

ГЛАВА V. ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫЕ ТЕМПЫ РОСТА

Пришла весна 1960 года, а с ней смена сезонных орудий труда в нашем домашнем хозяйстве. На длительное хранение отправились лопаты для разгребания сугробов, на свет были вытащены опрыскиватели и сенокосилка. В почтовом ящике появился рекламный листок: «Сможете ли Вы этим летом ГОРДИТЬСЯ Вашим газоном, когда на него будут смотреть Ваши друзья?» И я поймал себя на мыслях о корове, пасущейся на лужайке перед «Причудой Стоуна».

Пришла весна, и мое путешествие в странный мир пятидесятничества продолжало оставаться безопасным занятием, лично касающимся меня не более, чем касалось бы путешествие по чужой стране, где я видел бы занятых работой людей только из окна скорого поезда.

В одном я готов был признаться, несомненно, что-то таинственное и необычное действительно имело место в те первые годы пятидесятнического пробуждения. По всему миру давали ростки пятидесятнические церкви, все примерно в одно и то же время: на протяжении первых нескольких лет нашего столетия. Необычным здесь было то, что часто не было ощутимой связи между различными группами, связи, на которую историк мог бы указать и сказать: «Церковь Б развилась из церкви А».

Например, одними из самых первых посетителей миссии на Азуза-стрит были армянские иммигранты, для которых явление Пятидесятницы не представляло ничего нового. За двадцать лет до того подобное же действие, с говорением на языках, началось среди пресвитериан в Армении. Когда эти пресвитериане-пятидесятники иммигрировали в Калифорнию, они привезли с собой и свою религию, и оставались очень одинокими и изолированными, пока, к удивлению своему, не обнаружили, что параллельное движение развивается на Азуза-стрит.

В горных районах штата Северная Каролина члены маленькой баптистской общины в Кэми-Крик начали совершенно независимо от других групп говорить на языках: они никогда до этого не имели контактов с людьми, говорящими на языках, и фактически они даже не знали, что такое явление существует.

В Индии члены трезвого и рассудительного Миссионерского Общества Великобритании были изумлены, когда шестнадцатилетняя индийская девушка заговорила на языке, которого никто не мог определить. Она говорила на этом языке всякий раз, когда молилась. Поэтому по поводу консультировались с каноником кафедрального собора в Боливии; он пригласил друзей помолиться с девушкой в надежде, что найдет кто-нибудь, кто поймет язык. Наконец такой человек нашелся; язык, как он сообщил, был арабский. При этом молитвы, которые она возносила, были об охране церкви в Ливии — стране, о которой насколько всем было известно, она никогда не слышала. Теперь и другие христиане в Индии стали переживать говорение на незнакомых языках, и вскоре началось и шло полным ходом вполне основательное пробуждение. Эта история была опубликована в брошюре, выпущенной миссией в 1906 году. Брошюра еще набиралась и готовилась к выходу в свет, когда до Индии дошли первые вести о подобных же событиях, происходящих в Соединенных Штатах.

Я был заинтересован этим рядом самопроизвольных и независимых друг от друга проявлений говорения на языках, «всплывавших» в значительно удаленных друг от друга районах земного шара. Что же значило?

Даже в тех случаях, когда связь между двумя проявлениями пробуждения прослеживалась четко, мне казалось необычной готовность, с которой подхватывалась новая весть. Казалось, что во всех случаях эмоциональная и духовная почва была такой, что простая листовка, появившись в данное время среди данных людей, могла послужить искрой, зажегшей целое движение. Мисс Минни Абраме, одна из членов Миссионерского Общества в Индии, написала маленькую брошюру о своих переживаниях, которую послала узкому кругу друзей по всему миру. Один экземпляр дошел до методистско-епископальной церкви в Альпараю (Чили).

Пастор В. С. Гувер прочел его с большим интересом. Вот его описание того, что произошло:

«В течение года или более с того дня, как мы получили брошюру, мы делились с нашей паствой этой необычно доброй вестью. И вот... от всего нашего сердца мы поставили своей целью иметь у себя пробуждение. В самый первый вечер..., когда призвали к молитве, произошла поразительная вещь — вся паства, примерно 150 человек, разразилась, как один человек, громкой молитвой! То у одного, то у другого начались необычные проявления и видения. И... кульминацией всего этого было переживание, совершенно точно и со многими подробностями описанное во второй главе Деяний. Это пережило огромное число людей. Смотреть приходили толпы... количество прихожан росло скачками и с большой быстротой. В воскресенье вечером число присутствующих превышало 900 человек» («Уорлд Доминьон», 1932, апрель, приводится Дональдом Джи в книге «Пятидесятница», Лондон, 1941.)

Иногда пробуждение распространялось в каком-либо месте просто так результат газетной статьи о пробуждении в каком-либо другом месте. Именно так движение достигло Южного Китая. Миссионеры читали в газете о странных событиях на Азуза-стрит. Чуть, позже, воскресным вечером, посреди тихого молитвенного собрания один из них заговорил на языке, которого он не понимал. Это было начало большого китайского пробуждения.

Мужчины и женщины, ставшие пионерами современного пятидесятнического движения, были в основном тихими, ни на что не претендовавшими людьми. Среди них не было ни Лютера, ни Нокса *, ни Кальвина, ни Фокса **, ни Веслея *** — ни одной выдающейся личности, которая влекла бы последователей своего учения, притягивая их исключительно собственной силой, силой своего характера. Люди, приезжавшие на Азуза-стрит, были самого средне-

го уровня, часто бедные, нередко необразованные. Но кто бы из них ни возвращался отсюда домой, в том, что они имели рассказать, было что-то такое, что разжигало огонь. И скоро там, где жили эти люди, уже возникали и набирали силу маленькие группки пятидесятников. В Чикаго, в Виннипеге, в Нью-Йорке или Литл-Роке... И еще дальше: В Лондоне и Сандерленде, и Осло, и Амстердаме, Калькутте, в Аллахабаде и в Мукти — ибо люди приезжали на Азузастрит со всего мира.

Это было повсюду одинаково. Обычные люди возвращались домой с некой вестью, и оказывалось, что эту весть мгновенно принимают на их родине. Не было нужды в агитации — к счастью, потому что никто из них не был агитатором. Часто происходило так, как если бы слушающие уже давно ждали эту весть; вспышка узнавания — и дело убеждения сделано.

Но параллельно с этим скорым, подобно пожару, и совершающимся словно бы без всяких усилий распространением пятидесятнической проповеди возникла противоположная реакция, равно сильная и столь же мгновенная: жестокий антагонизм.

Мне знакомо было чувство. Я сам пережил его на следующий день после нашего посещения Рок-Черч, когда все, что было связано с этим, вдруг вызвало во мне отвращение, и я не желал больше ничего об этом слушать. Но такая реакция с моей стороны была всего лишь слабым летним дождиком по сравнению с этим ураганом противления, который пятидесятники вызвали в некоторых кругах.

...Место действия — бедное однокомнатное помещение школы в Кэмп-Крик, в горах Северной Каролины. Пробуждение было в разгаре. Люди приезжали со всей округе в пределах тридцати миль в запряженных волами повозках или шли пешком. Днем собирались на склоне холма около школы. Вечером сходились в самой школе при свете лампы. С каждым собранием росло чувство ожидания.

* Нокс Дж. (1505—1572) — основатель шотландской пресвитерианской церкви.

** Фокс Н. Дж. (1749—1806) — политический деятель в Великобритании.

*** Веслей — основатель движения методистов (Ред).

«Во время горячей молитвы (пишет Чарльз У. Конн в своем захватывающем описании этого пробуждения) несколько — один-двое членов церкви были настолько соединены с Тем, кому они молились, что Святой Дух загадочным образом проявился в них: ... они заговорили на языках, которые были неизвестны слушавшим. Простые деревенские христиане не могли понять, что происходит, так как на памяти даже старейших членов подобного не случалось. Полное неведение относительно истории Церкви делало для них невозможным знать о подобных проявлениях пробуждения в другие времена. Скоро и у других начались такие же экстатические переживания, и независимо от места, времени и обстановки, где это происходило, общим для всех было одно проявление: они говорили на языках, неизвестных тем, кто слушал их с интересом и надеждой...

Весть о великом излиянии Духа распространялась как пожар в прериях, во всех направлениях, и вот как любопытствующие, так и верующие вместе бросились к месту странных событий, чтобы быть их очевидцами. В отдаленных районах в разгаре дня останавливалась пахота; масло оставляли скисать в крынках, не взбив его до конца; коров доили, когда солнце было еще высоко; и, поспешно дав волам корму, люди направляли свои повозки через горы в Кэмп-Крик.

(В кн.: «Подобно могучему войску», Чарльз У. Конн. Кливленд Теннесси, Издательство Церкви Божией, 1955)

С самого начала местные церкви превосходно отнеслись к пробуждению. Люди возвращались домой, в свои общины, и говорили об измененных жизнях и о новом роде близости со Христом. Священники с трудом могли верить своим ушам; они слушали сами и призывали слушать свою паству.

Затем последовала реакция. Она возникла так же неожиданно и мгновенно, как само пробуждение. За одну ночь руководители церкви превратились в противников, враждебно настроенных по отношению к пробуждению. Старший одной из баптистских церквей удалил с конфирмации 33 члена церкви; повод: они говорили языками. Группа служителей отправилась к властям округа и убедила их отменить разрешенные пользоваться школой в Кэмп-Крик. Когда однажды вечером участники пробуждения собрались к школе, они нашли ее двери и окно наглухо закрытыми. Полные решимости, они просто построили для себя собственную маленькую бревенчатую церковь.

Оппозиция приняла еще более сильные меры. В одну дождливую ночь группа фермеров прокралась к новой церкви и подожгла ее. Огонь загасило дождем; тогда несколькими неделями позже они взорвали церковь динамитом. Странники пробуждения строили ее заново. Тогда однажды утром — на сей раз при ярком дневном свете — более ста человек сошлись к маленькому церковному зданию. Среди них были рукоположенные служители, диаконы, старейшины, мировой судья и шериф. Пока члены церкви беспомощно стояли поодаль, эта весьма «активная» группа разобрала церковь по бревнышкам, сложила бревна у дороги и подожгла их. Разобрав таким образом предварительно церковь по частям, они, по их словам, не сожгли священную собственность; они просто подожгли кучу дров.

«Пробужденцы» не пытались отстраивать церковь во второй раз, вместо этого они стали собираться друг у друга по домам. Тогда бдительный комитет стал использовать более разнообразную тактику. Они выволакивали членов новой церкви по ночам из постелей и били их. Каждое утро дворы домов, где проводились служения, были усыпаны камнями и битым стеклом. Стреляли из ружей в окна комнат, засоряли колодцы, сжигали дома. Это насилие продолжалось несколько лет, но в конце концов насильники были усмирены голосом женщины.

Её имя было Эмили Аллен, и она была женой одного из лидеров нового движения. Однажды группа проводила служение в доме Алленов, и вдруг во двор ввалились 25—30 мужчин, вооруженных дубинками, ножами и ружьями и требующих, чтобы собрание разошлось; в противном случае они угрожали сжечь дом вместе с находившимися в нем.

«Бесстрашная жена Аллена, Эмили, с мягкой и обезоруживающей властью встретила этих людей во дворе и попросила их войти, что они отказались сделать, сопроводив отказ глухим ворчанием, нелепыми угрозами... Она сказала: «Нет смысла прятаться за маски, ведь я знаю каждого из вас. Вы наши соседи, и поэтому у вас нет необходимости прятаться, когда вы идете к нам в дом. А теперь уберите все это, и я приго-

товлю вам горячий обед. Но служение Господу мы не остановим».

Мужчины тщетно пытались вернуть свою прежнюю свирепость, но она была отнята у них христианским милосердием этой отважной женщины. Толпа медленно распалась на смущенные и сконфуженные группы из двух-трех человек, которые потом удалялись, пытаясь сгладить свое поражение пустыми угрозами. Этих угроз они не выполнили: больше они не досаждали молящимся», — пишет Чарльз Конн. (Там же.)

С подобными же преследованиями встретились почти все молодые пятидесятнические собрания. Гувер столкнулся с этим в Чили. На его собраниях стали появляться газетные репортеры в поисках сенсационных материалов, и Гувер понял, что оказался предметом какой-то газетной шумихи. Одна из газет возбудила против него уголовное дело, обвинив его в том, что он дает людям пить, «вредное питье, называемое «Кровью Агнца», вызывающее летаргию, так что люди падают на пол».

Очень быстро у Гувера возникли трудности со старшими в его церкви. Епископ пытался уволить его; Гувер отказался уйти. Но в конце концов Гувера все же заставили покинуть методистскую церковь и возглавить свою конгрегацию уже как независимую.

Интересно то, что эти гонения не только не уничтожили пятидесятническое движение, но и объединили маленькие группы и укрепили их единство, которое иначе вряд ли могло бы быть достигнуто. Пробуждение Кэмп-Крик переросло в «Церковь Божию» — одну из крупнейших пятидесятнических церквей. Пробуждение в Чили окончательно оформилось в «Методистскую Пятидесятническую Церковь», которая сегодня насчитывает более 600000 членов.

Однако, несмотря на очевидную несостоятельность и трудность, преследование пятидесятников продолжалось. Люди, ищущие повода для возгревания неослабевающего неприятия пяти-десятничества, обычно указывают на «физическое проявление».

Говорение на языках, выкрики, рыдания, падение на пол — все это кажется многим своего рода эмоционализмом, губительным для богослужения. Но хотя эти вещи и могут вызывать отвращение, но вряд ли могут послужить оправданием, для той неприкрытой злобы, с которой так часто относились к пятидесятникам. Вероятно, д-р Ван-Дюзен более близок к истине, когда спросил английского епископа, откуда пятидесятники берут своих новообращенных. «Многие приходят из рядов язычников. Но, вне сомнения, многие приходят прямо со скамей других церквей», — был ответ.

Особенно сильный ущерб нанесен католичеству. Дюжины испано-язычных пятидесятнических общин возникли в Нью-Йорке. Среди католиков ходит печальная история о том, что у пятидесятников есть свой перевод Библии. Мол, в католической Библии повеление Иисуса Петру было: «Паси овец Моих!», а в переводе пятидесятников: «Кради овец Моих!» И поэтому пятидесятники мастера по краже овец.

Не избежали этой участи и протестантские церкви. Официальные данные о сравнительном росте церквей между 1926 и 1936 годами показали, что за этот период традиционные церкви, потеряли 2 миллиона (т. е. 8%) членов. В то же самое время показатели пятидесятников:

Церковь	Рост (в процентах)
«Пятидесятнические собрания»	на 264,7%
«Собрания Божии»	на 208,7%
«Церковь Божия»	на 92,8%

Люди внезапно стали задаваться вопросом: за счет чего происходит это «почкование» — уже не за счет ли их потерянных двух миллионов? Они спрашивали себя, куда уходят их приверженцы, но не спрашивали почему они туда уходят. Что же такое говорят людям пятидесятники, что же так притягивает их? Никто не позаботился спросить об этом; когда же пятидесятники сами стали предлагать информацию на этот счет, это вылилось во вражду. Разразилась клеветническая война между пятидесятниками и любой церковью, решившейся отвечать им. Привыкший поступать ко всем следуя Евангелию, с мученической преданностью своим убеждениям, пятидесятник как таковой приобрел репутацию крайней узости: «Если вы не поступаете по-моему, вы полностью неправы». Наиболее «неправы» из всех были (по мнению пятидесятников) «либералы», посвящающие свое время тому, чтобы строить красивые церковные здания и «разбавлять водой» Евангелие.

Между пятидесятниками и остальным христианством быстро встали стены. Традиционные церкви отвергли этих «говорильщиков языками» как приверженцев некоей временной прихоти, которая скоро минует. Пятидесятники же отвергли церкви старого образца как потерявшие контакт с действенной силой, которой являлся основным наследственным правом церкви.

Отгородившись друг от друга стеной и не видя за ней друг друга, оба лагеря шли каждый своим путем. Ни у одной стороны не было даже попыток увидеть у другой стороны что-либо ценное; не было даже допущено, что это ценное вообще есть. На протяжении пятидесяти лет к пятидесятникам было отношение по принципу «с глазу долой из сердца вон». А затем вдруг все изменилось.

ГЛАВА VI. СТЕНЫ С ГРОХОТОМ РУШАТСЯ

«Ну, как дела с книгой?» — спросила Тиб. Она перетаскивала тарелки с кухонных полок в упаковочные ящики, которые предоставило трансгентство. «Даже не знаю». — я взглянул на ясный июньский полдень за окном кухни. — «Я устал от церковных склок. Последние три книги, полученные мной из библиотеки, не сказали мне ничего нового,

кроме того, как неправы все остальные».

Дело было в том, что сейчас, когда игроки в гольф толпились на зеленой площадке, которую я наблюдал из моего окна, сам предмет религии, и действенное, реальное ощущение Бога, и мои таинственные видения в больнице казались мне невысказанно далекими. Еще совсем недавно я надеялся, что мои изыскания в истории пятидесятничества могут помочь мне разрешить и некоторые личные проблемы, возможно, проблему сухости духовной жизни, которую ощущал я и которую явно не ощущали пятидесятники.

Но становилось очевидным, что у пятидесятников нет решений, есть только новые проблемы, и книга становится скорее скучной, чем занимательной. Пятидесятники были всего лишь человеческие существа, притом запутавшиеся в своих проблемах — как впрочем, и я.

Грузовик трансгентства лягнул возле дома, и словно по согласованию с ним из-за створок двери появилось три детских личика. «А можно?..». — начал Дон. «Нет», — отозвалась Тиб из глубины буфета. — «У нас сегодня ужин — ужин мороженое». Головы исчезли.

Мы переезжали с той перспективой, что каждый член семьи будет иметь свою спальню. Тиб тоже писатель, и общим нашим рабочим кабинетом была мансарда маленького дома, который мы теперь оставили. Внизу были две спальни. Скотт и Дон спали в одной, Элизабет и стиральная машина в другой, а мы с Тиб спали на диван-кровати в гостиной.

И вот я должен был сообщить, что пригласил к ужину человека для одного из ключевых интервью моей книги. «Кстати об ужине» — начал я, но Тиб вынырнула из буфета, и оказалось, что она все еще думает о моем исследовании.

«Я, кажется, знаю, в чем состоят твои трудности», — сказала она. — «Я думаю, что ты слишком много времени проводишь в библиотеке и слишком мало — с людьми». Это было чудесное открытие. «Ты права!» — с воодушевлением сказал я. — «Я полностью согласен. И я действительно кое-кого пригласил на сегодняшний вечер». Шорох бумаги внезапно прекратился: «Кого?!» «Проповедника».

Взгляд Тиб переходил с древесных опилок на кухонном полу на ящики, сваленные в гостиной. «Его зовут», — быстро продолжал я, — «Дэвид дю Плесси. Он из Южной Америки. Он один из наиболее влиятельных пятидесятников в современном мире, и он только собирался переночевать у нас в городе, и я..». (теперь она уже смотрела на меня — так, словно подбирала для меня ящик моего размера.) «...И я заказал для него номер в гостинице «Кихтли-Хаус». Я воспользовался ее вздохом облегчения, чтобы добавить: «Он знает, что мы переезжаем, и он говорит, что вполне способен есть холодную фасоль прямо из банки».

«Примерно так и будет», — сказала Тиб. Но как умело я ухитрился сообщить мою новость, если говоря это, она улыбнулась мне прощающей улыбкой!

Отовсюду я слышал о Дэвиде дю Плесси. Это явно был тот случай, когда человек, воспитанный в обстановке замкнутости и постоянной готовности обороняться, вдруг, в зрелом возрасте, превратился в открытую и общительную личность, с любовью, а не с осуждением говорящую о людях, имеющих другие традиции. «Среди пятидесятников происходят перемены», — говорили мне. — «Если хотите узнать, что это значит, вам просто необходимо встретиться с Дэвидом дю Плесси». Когда же я услышал, что он собирается быть в Нью-Йорке, я пригласил его, будь то неделя переезда или нет.

Дэвид дю Плесси оказался человеком, которого с самого начала можно называть просто «Дэвид», по имени. Когда он только еще подходил к дому, в его глазах уже видны были искорки. Через десять минут после того как он вошел в наш дом, он был уже без пиджака и упаковывал китайский фарфор. «Вам помогает опытный специалист», — сказал он с мягким южноафриканским акцентом. — «Мы с женой так часто переезжали, что я упаковываю тарелки так же легко, как некоторые мужчины насаживают мух для ловли форели..».

И именно так мы провели остаток дня — склонившись над упаковочными ящиками и беседуя. Тиб была права: я недостаточно времени проводил с людьми. В Дэвиде дю Плесси я увидел отблеск пятидесятнического мира, очень отличного от того пятидесятничества ранних своих дней, о которых я читал. Перемена произошла в пределах жизни одного поколения, и история жизни самого Дэвида была тому примером.

Дэвид дю Плесси играл видную роль в пятидесятническом движении почти с самого его начала. В 1908 году — всего через два года после Азуза-стрит — двое американцев, бывшие очевидцами пробуждения, прибыли в Йоханнесбург, арендовали давно заброшенную пресвитерианскую церковь и начали проповедовать. Их проповедь крещения Святым Духом с говорением на языках была новой для Южной Африки, и с самого начала слушать их собирались большие толпы.

Отец Дэвида был одним из тех людей, кто заглянул в церковь из чистого любопытства. В то время Дэвиду было всего 9 лет, но он все же помнит действие, которое оказала на его отца эта проповедь. «Он вел себя как человек, охваченный огнем», — вспоминает Дэвид. — «Он хотел оставить свое занятие, которым он жил, и делать что-то для Господа».

Отец Дэвида по ремеслу был плотник. Его семья еще не успела все толком осознать, как уже оказалась в африканском буше, где отец строил миссионерские станции для пятидесятников, распространявших свою весть на территориях туземцев.

Семья Дэвида (а впоследствии и сам Дэвид) пришел в пятидесятническое движение в то время, когда более старые церкви сурово его отвергли. Он вырос в атмосфере, наэлектризованной обидами и неприязнью. Когда, будучи уже взрослым молодым человеком, он решил посвятить себя пятидесятническому служению, он твердо знал, кто были его враги: грех, диавол и «либеральные» церковники.

Дэвид постоянно рос как фигура в пятидесятническом движении. В течение двадцати лет, прошедших со дня

его рукоположения, он оставался в Африке, проповедуя в собственной церкви и работая издателем пятидесятнической газеты, затем являясь ответственным секретарем братства пятидесятников Южной Африки. Со временем представилась возможность работать в Интернациональном Пятидесятническом движении, и он оказывался в Женеве, Париже, Лондоне, Стокгольме. К 1949 году он был уже генеральным секретарем Всемирной Конференции Пятидесятнических Братств. И на каждом посту он вместе с остальными вкладывал камень за камнем в стену непонимания, отделяющую пятидесятников от церковей старого образца.

Потом Дэвид попал в автомобильную катастрофу. Это глубоко повлияло на него, на его служение, и в конечном итоге на все пятидесятническое движение. Когда произошла авария, Дэвид находился в США, подготавливая Вторую Всемирную Конференцию Пятидесятников, которая должна была состояться в Париже летом 1949 года. Дэвид, как ответственный секретарь, отвечал за разработку плана Конференции, начиная от наиболее общих ее моментов и до мельчайших деталей. «И я не особенно хорошо управлялся с этим делом», — вспоминает он. — «Я раздражался, если мысли других людей отличались от моих собственных. Я стремился видеть все только черным или белым, а людей был склонен видеть либо как негодяев, либо как героев. К своим убеждениям и мнениям я пришел тяжким путем — путем собственного опыта — и отказывался даже слушать всякого, чей опыт свидетельствовал о другом. Короче говоря, я был — только в малом масштабе — отражением всего пятидесятнического движения, повторявшего то же самое в больших масштабах... Затем, в одно мгновение, все это переменялось».

Был поздний вечер, и Дэвид спешил с одной встречи на другую в холмистой теннессийской местности. Его друг Пол Уолкер предложил ему, что сам поведет машину ради экономии времени. Вечер был темным и дождливым, дорогу застилала облака тумана. Из-за позднего часа и трудной дороги почти не разговаривали. Внезапно Уолкер стал напряженно вглядываться сквозь запотевшее ветровое стекло. Дэвид помнит, как он сказал: «Здесь должен где-то быть белый мост». — но фразы Уолкер так и не закончил. Из тумана внезапно вырисовался корпус локомотива, без огней остановленного прямо поперек шоссе. Уолкер пытался затормозить, но дорога была скользкой и автомобиль врезался в поезд.

Пол Уолкер был лишь легко ранен. Но голова Дэвида из всей силы ударилась о ветровое стекло, так что оно разбилось. От толчка он отлетел назад, по разбитому стеклу, и порезался об это стекло. Его левая нога была сломана выше колена. Спина была искривлена, плечо порезано.

Двенадцать часов спустя Дэвид пришел в сознание. Его нога была в гипсе. Его лицо, скрепленное 37 швами, было так туго забинтовано, что он не мог ничего видеть. И все же происходило что-то очень странное.

«Когда я очнулся», — вспоминает Дэвид, — «я чувствовал себя так, словно проснулся после хорошего сна. Доктор спросил меня: «Как вы себя чувствуете, проповедник?» «Просто чудесно», — сказал я ему. Доктор засмеялся, но я говорил правду».

После того Дэвид пробыл в больнице неделю, осведомиться о его состоянии пришли другие врачи. Они ничего не могли понять. У Дэвида не было температуры. Он нормально ел. Он нормально спал без снотворных препаратов. «У вас сейчас должна бы быть реакция», — сказал один из врачей. — «Как минимум у вас должен быть жар. Вы очень больны». «О нет, доктор», — отвечал Дэвид. — «Как раз в этом вы ошибаетесь. Я не болен, я только сокрушен».

Но, хотя и по другим причинам, Дэвид был поражен своим состоянием не меньше, чем медики. Он начал задаваться вопросом, не могла ли стоять за аварией определенная Богом цель. Последствия были как-то необычно безвредны. Пол Уолкер не получил серьезных повреждений; страховка полностью возместила ущерб разбитой машины; даже больничные счета оплачивала железная дорога. И кроме того, он не чувствовал ни малейшего признака боли.

Единственным реальным последствием аварии», — говорит Дэвид, — «была задержка моей пустоголовой и стремительной подготовки к Парижской конференции. Внезапно я вынужден был отказаться от части моих замыслов, связанных с ней. Я вынужден был просить помощи у других людей и у Бога». В течение следующих нескольких недель, лежа на своей койке в больнице, Дэвид отправил буквально тысячи писем, диктуя их машинистке. Он заметил, что без каких-либо сознательных усилий в тоне его писем появились изменения, очень тонкие: прежде это был тон человека, упрямо отстаивающего свои позиции, теперь — человека, прислушивающегося к мнению другого ради утверждения Божьих позиций — даже если это означало прислушиваться к человеку, выступающему против него лично.

«Я полагаю, что состоявшаяся затем конференция была настоящим успехом», — говорит Дэвид. — «Но я не думаю, что это было основным результатом аварии. Я обнаружил, что прошел через испытание. Я просто уже был другим человеком. Теперь я был терпеливым, более добрым, стал мягче в речах, тогда как на Первой Всемирной Конференции я был тороплив, шумен и решителен. Авария словно переплавляла меня, сделала таким, какой я был нужен Богу для данной ситуации».

Дэвид сначала думал, что Бог его сделал таким именно для самой конференции. И действительно, на конференции царил совершенно иной дух. Но тем более загадочным для Дэвида было то, что произошло после нее. С течением лет он начал все чаще и чаще думать о группе людей, которых он некогда раз и навсегда огульно отверг: о тех «либеральных церковниках», которые, по его мнению, отнимали у Евангелия его основную суть. Почему же они не покидали его мысли? Уж конечно же, Бог не собирается связать его с «либералами»?! «Да ведь я же не смогу даже пробиться сквозь штат их секретарей!» — возражал он. — «Я ничего не добьюсь, кроме холодного приема, а я не хочу получать холодного приема!»

Дэвид обычно говорит таким образом вслух, когда молится. В этом он достигает своего рода диалога с Богом, когда указание приходит к нему как нечто вроде внутреннего голоса. За многие годы Дэвид научился внимательно прислушиваться к этому голосу. На этот раз он услышал его отчетливо, это были слова старого гимна: «Уповай и по-

винуйся». Таково было, невидимому, данное ему указание. Странно было, что это «уповай» каким-то образом могло касаться области тех стен, которые он и его друзья-пятидесятники построили в борьбе за чистоту Евангелия, «Верь мне», — казалось, говорил Бог. — «Пусть стены рухнут, Протяни руку дружбы любому, кто примет ее». Ощущение было настолько ясным, что Дэвид не мог пренебречь им. Хорошо, он по крайней мере проделает опыт. Он попытается пройти в главный центр самых либеральных, самых интеллектуальных, самых экуменически * настроенных модернистов **. Для Дэвида не составляло труда назвать этот центр: это должен быть Всемирный Совет Церквей.

«Хорошо, Господи, если Ты так говоришь», — сказал Дэвид, поднимая трубку телефона, чтобы заказать билеты в Нью-Йорк. Он сам был в Далласе, центр Совета Церквей находился в Нью-Йорке — «Я поеду в Совет Церквей в следующий понедельник утром, и вот увидишь, что будет». Немедленно он вновь услышал внутренний голос: «Нет, не ходи в понедельник. Закажи билет на четверг, чтобы быть в Управлении Всемирного Совета в пятницу». Дэвид немного подумал, затем положил трубку. «Подожди минутку; здесь что-то непонятно». Он подумал над этим еще немного. «Почему я должен ехать туда в конце недели, а не в понедельник, когда все отдохнувшие и на своих местах?» «В понедельник в Управлении никого не будет».

Дэвид все еще был смущен, но отважился и заказал билет на вечерний рейс в четверг. В пятницу утром он вошел в Управление Совета в Нью-Йорке. У него не было никаких конкретных намерений. Он едва знал несколько имен работавших здесь людей. Он не знал, что ему нужно им сказать, если все-таки удастся увидеть их. Но все же он вошел.

В приемной на него подняла взгляд молодая женщина. Дэвид объяснил ей, кто он такой и затем отважился спросить: «Скажите... э... доктор Карпендер свободен?» — вызвав в память одно из немногих имен, которые он вообще знал.

«К сожалению, его нет».

«Ну, а тогда — д-р Бэрнс?» — сказал Дэвид.

«К сожалению..».

«Есть в Управлении кто-нибудь, кого я мог бы повидать?»

«Нет, сэр, совсем никого нет..».

Вот пожалуйста! Вот тот холодный прием, которого он все время ожидал. Какое наваждение овладело им, заставив думать, что может быть иначе? Слово «пятидесятник» всегда захлопывало двери в некоторые круги, и, кроме того... «Они все сейчас как раз на конференции», — продолжала секретарша, — «Но они должны очень скоро закончить, и тогда, я думаю, вы сможете увидеть любого, кого вам угодно». Она взглянула на свой настольный календарь и засмеялась: «Это первый день за всю неделю, когда здесь хоть кто-то есть. Я отсылала людей толпами. Но сегодня утром все пришли на совещание, так что вам повезло».

* Экуменизм — движение, ставящее своей целью объединение существующих церквей.

** Модернизм — богословское направление, утверждающее необходимость критического подхода к Библии.

Дэвид сел, уже более благодарный за полученное им указание свыше. В эту пятницу он встретился во Всемирном Совете с несколькими людьми, и они не только выслушали его, они делали у себя отметки, когда он говорил, они звонили по телефону и зачитывали записанное другим, они были заинтересованы!

Это было начало. В конечном итоге переплавка, произведенная автокатастрофой, толкнула Дэвида к многим другим неожиданным для него дверям. Он обнаружил, что его представляют людям, которых он всю жизнь до сих пор избегал. Один богослов звонил другому и представлял его! Он переходил из колледжа в университет, из университета в семинарию. «В какие же?» — спросил я его. «Сейчас посмотрим». Он достал из кармана истрепанную записную книжку. «Здесь где-то были несколько записей прошлой осени. 27 октября я был в семинарии конгрегационалистов в Майерстауне, штат Пенсильвания. На следующий день, 28 октября, меня пригласили на богословском факультете Йельского университета. А 30 и 31 октября я был в узком кругу в Гринвиче, штат Коннектикут, с профессорами Гарвард, Йель, Объединенная семинария, и Чикаго. После этого, 2 ноября; я был в Богословском колледже в Пристоне. 5 ноября я отправился в Объединенную семинарию в Нью-Йорке..».

Дэвид убрал записную книжку назад в карман. «И вы знаете», — продолжал он, — «Происходило что-то совершенно необычное. Я буквально получал удовольствие, я наслаждался встречами с этими профессорами, учеными и церковниками. Я, который так и не закончил даже второй год обучения в колледже. Я думал, что будучи окружен подобного рода людьми, я стану держаться натянуто, боясь показать свое невежество. Но, к моему удивлению оказалось, что я чувствую себя среди них легко и свободно. Я никогда не записывал своих лекций, не разрабатывал их. Я не пользовался даже краткими записями. Я просто сделался орудием, которое Дух мог использовать по Своему назначению. Интересно, что мне было дано выражать свои мысли, — сам я этой способностью не обладаю».

В Главном управлении Епископальной церкви Дэвиду задали самый трудный вопрос из всех вопросов, который в прошлом более всех других был причиной недоброжелательства по отношению к пятидесятникам. Он уже около получаса беседовал с группой священнослужителей об опыте пятидесятников, когда один из священников вдруг встал и сказал с некоторой резкостью: «М-р дю Плесси, хотите ли вы сказать, что у вас пятидесятников, истина, а у нас, других церквей, ее нет?» Прежде чем ответить, Дэвид не мог не помолиться. «Нет», — сказал он. — «Я имею в виду совсем не это». Он пытался найти способ выразить разницу, которая — пятидесятники чувствуют — есть между ними и другими церквями; это чувство так часто бывает понято наверно... И вдруг он поймал себя на мысли об электроприборе, который они с женой купили, когда переехали в свой дом в Далласе.

«Истина и у вас, и у нас», — сказал он. — «Вы знаете, когда мы с женой переехали в Америку, мы приобрели

чудесный прибор под названием морозильник, и мы храним в нем великолепную техасскую говядину. Так вот моя жена может взять один из кусков этой говядины и положить его в замороженном состоянии прямо на стол. Это говядина, несомненно, не может быть и речи, что это не так. Вы и я можем сесть вокруг стола и исследовать этот кусок: мы можем обсуждать его происхождение, возраст, из какой части он вырезан. Мы можем взвесить его и перечислить содержащиеся в нем питательные вещества. Но вот если моя жена поставит этот кусок говядины на огонь, все будет совершенно иначе. Мой малыш почувствует его запах, еще находясь во дворе, и прибежит с криком: «Мам, как здорово пахнет! Дай кусочек!» Так вот, джентльмены» - продолжал Дэвид. — «В этом разница между нашим и вашим обращением с одной и той же истиной. Ваша подается во льду; наша — на огне».

Дэвид пробыл у нас сутки и оставил после себя на полгода черновой работы: я исписал в блокноте страницу за страницей именами и адресами людей, не принадлежавших к церквам пятидесятников, — методистов, баптистов, лютеран, пресвитериан - получивших крещение Духом. Я уже мог видеть, что связаться со всеми этими людьми потребует громадного труда. Одно только писание и отправка писем каждому из них, например, отняли у меня три недели. Потом, по мере того как начали приходить ответы, встала задача организации интервью. К некоторым мне пришлось поехать, другие сами собирались быть в Нью-Йорке в течение года. С некоторыми я беседовал по телефону, с некоторыми познакомился ближе в ходе дополнительной переписки. С несколькими людьми я опробовал новую технику интервьюирования. Беседа, записанная на магнитофон, где на одной стороне ленты я объяснял цель моей книги и задавал вопросы, а на другой они отвечали мне.

По телефону я познакомился с Чарльзом и Элен Морисами из Ричмонда, штат Виргиния. Получив мое письмо, Чарльз сразу же заказал междугородние переговоры, и, пока я виновато подсчитывал, во сколько это ему обойдется, ответил полностью на посланный ему список вопросов. Знакомство с этими людьми было очень полезно, может быть потому, что эта живущая в пригороде семья с проблемами, в основном сходными с нашими, по совпадению, оказалась горячим сторонником крещения Святым Духом. «У низ есть проблемы с газоном», — сказал я Тиб. И Чарльз, и его жена часто звонили нам с очаровательным пренебрежением к ежемесячным счетам за телефонные разговоры — исключительно для того, чтобы осведомиться, как продвигается книга или предложить мне дополнительные пути, ведущие к людям, говорящим языками, чьи имена, как они полагали, у меня в списке могли не быть.

Чарльз сказал мне, что у него в Ричмонде юридическая контора, и что он помощник городского адвоката. Он и Элен были настолько полны спокойного доброго юмора и радости жизни, что мне захотелось встретиться с ним лично, и я сказал об этом Чарльзу. Чарльз на миг задумался. «Слышали ли вы когда-нибудь об Интернациональном Обществе Коммерсантов Полного Евангелия?» — спросил он.

«Повторите пожалуйста медленнее».

«Сокращенно ИОКПЕ. Это группа коммерсантов и людей различных профессий из всех деноминаций, которые получили или ищут крещения Святым Духом... собираются вместе несколько раз в год, чтобы обменяться опытом».

Очередное собрание ИОКПЕ должно было состояться в Атлантик-Сити в конце ноября, сообщил Чарльз, и они с Элен собирались быть там. Если бы мы с Тиб могли приехать, то это дало бы нам возможность увидеться.

«Это довольно сильное впечатление», — предупредил он меня. — «Но если вы приедете с открытым сердцем и без предубежденности, то вы станете другим человеком».

«Хорошо», — сказал я, не подозревая, на что я соглашаюсь. — «Запишите нас, и мы там увидимся». Так была назначена эта дата. 30 ноября 1960 года.

Мое исследование говорения на языках среди членов традиционных церквей затруднял элемент «секретности», которой окружалось у них это явление. Были и исключения, подобные Морисам, но большей частью говорящие на языках не-пятидесятники хранили этот факт в тайне, как будто секрет атомной бомбы. Типичным для ответов на мои письма, посланные в начале 1960 года, был ответ одного служителя из маленького городка на среднем Западе: «Я был бы весьма счастлив поделиться с Вами какими-нибудь моими переживаниями, которые способствовали бы дальнейшему распространению Царства Божия, как указывает Святой Дух. Однако в настоящее время, поскольку в моем приходе имеется, кроме меня, лишь только одна семья, с которой я нахожусь в контакте во всем, что касается Святого Духа и Его проявлений, я вынужден попросить Вас, чтобы Вы не использовали мое имя».

Вновь и вновь в течение первых месяцев года я должен был оканчивать интервью с пресвитерианами, баптистами или методистами, получившими крещение Духом, услышав их слова: «Вы, конечно, понимаете, что все это не для печати».

То тут, то там появлялась статья на эту тему, но всегда обезличенная, всегда не указывающая имен. Журнал епископальной церкви «Живая Церковь» опубликовал, например, передовицу, в которой говорилось, в частности:

«Говорение языками больше не представляет собой явление, которое встречается лишь где-то далеко от нас, в необычайно религиозных сектах. Оно упражняется в нашей среде как священнослужителями, так и мирянами, имеющими хорошее положение и репутацию в церкви. Его проникновение и широкое распространение коробит наше эстетическое чувство и некоторые из наших наиболее крепко укоренившихся предубеждений. Но мы знаем, что мы являемся членами Церкви, которая определенно нуждается во встряске — и если Господь избрал именно это время для того, чтобы взорвать то, что епископ Стерлинг из Монтаны назвал «епископальной респектабельностью», то мы не знаем более ужасающе-эффективного взрывчатого вещества».

И вот взрыв произошел. Произошло событие, которое внезапно вырвалось в заголовки газетных статей и сорвало завесу «секретности». Это случилось в большой епископальной церкви в городе Ван-Найз, штат Калифорния.

Отей Деннис Беннетт был преуспевающим человеком. Он родился в Лондоне, получил образование в Чикагском университете и Чикагской богословской семинарии и в 1953 году возглавил едва начавшую свое существование церковь св.Марка в Ван-Найзе. Под его руководством церковь неуклонно возрастала, пока, наконец, не стала насчитывать 2 600 членов и штат из четырех священников.

Но отец Беннетт чувствовал, что в его личной духовной жизни чего-то недостает. Когда ему было 11 лет, он пе-

режил обращение к Господу, которое оставило у него воспоминание тепла и любви, достичь которых вновь он редко когда был в состоянии.

Однажды летом 1959 года отцу Беннетту позвонил его друг священник, Фрэнк Мэгайр из Монтери-парк, Калифорния. Отец Мэгайр был весьма озадачен событиями, происходившими в его церкви: двое из его прихожан — недавно вычеркнутые из церковных списков как неактивные — вновь появились в церкви и проявляли заметные признаки крайне сильной веры.

Отец Мэгайр был поражен. Тем не менее он чувствовал какое-то смутное беспокойство из-за некоторых выражений, которые постоянно слышались в их речи: «крещение Святым Духом» и «говорение языками». «Я думаю, что эти люди переживают какие-то побочные явления, значение которых преувеличивают» — сказал Фрэнк Мэгайр Деннису Беннетту. — «Но я бы хотел, чтобы вы приехали посетить их вместе со мной и могли мне дать оценку происходящему». Так началось трехмесячное исследование этого переживания двумя священниками. К середине ноября 1959 года оба они сами пережили крещение. «Меня смущает только одно», — сказал отец Беннетт. — «Я бы хотел получить крещение без языков». «Ничего не поделаешь, отец», — сказал ему. — «Языки не могут быть отделены от остального. Так это было с нами, и мы не знаем какого-то другого пути...».

За Денниса Беннетта молились, и он получил крещение 14 ноября; Фрэнк Мэгайр — 17 ноября.

Когда люди в церкви Беннетта спрашивали его о перемене, которую заметили в нем, он рассказал им, что произошло. На протяжении нескольких месяцев около 70 человек из его прихода взыскали и получили крещение. Это были верующие члены церкви: младший староста, президент женского кружка, помощник приходского священника. И получившие таким образом крещение были в восторге от этого переживания. Однако другие испытывали иные чувства. Из четырех священников двое уже получили крещение, двое нет. Двое неполучивших были глубоко против самой идеи крещения, и скоро за ними последовали другие, чувствовавшие то же самое. В церкви образовался серьезный пролом, и отец Беннетт произнес проповедь о своем переживании с тем, чтобы в церкви не осталось людей, несведущих в этом вопросе, он рассказал все от начала до конца, включая тот факт, что он говорил на языке, которого не мог понять. Для многих это было уже слишком. Один из коллег Беннетта посреди служения снял свое облачение и заявил, что при подобных обстоятельствах у него нет иного выбора, как только подать в отставку. После служения казначей подсказал о.Беннетту что, может быть, ему лучше отказаться от должности. Так он и сделал.

На следующий день эта история была уже достоянием газет. Её подхватила служба телеграфа. Еще через день она облетела всю страну: в обычной, хорошей церкви появилось говорение языками и вызвало отчуждение, разделение и распри. Эту историю опубликовали «Тайм» и «Ньюс уик».

Моей первой реакцией было, что в 1960 году это подтверждало то, что история пятидесятничества уже заставляет меня предположить: «языки» вовлекают людей в борьбу. Епископ Фрэнсис Эрик Блой из Лос-Анжелеса опубликовал пасторское послание, запрещающее говорить языками в церкви. Отец Беннетт был переведен в Сиэттль, где возглавил маленькую церковь-миссию. Это показалось мне совершенно явной попыткой устранить с дороги зачинщика беспорядков. Я написал о.Беннетту по его новому адресу, рассказал ему о книге, которую пишу, и попросил изложить его собственную точку зрения на то, что произошло в Ван-Найзе. Пришел ответ, без помощи секретаря. «Пожалуйста, извините за ошибки при печатании на машинке», — начал он свое письмо. — «Я делаю это сам, а печатаю я плохо, с ошибками!» Я быстро прочел письмо, ожидая найти в нем разгадку личности, которая вызвала «отчуждение, разделение и распри» в Ван-Найзе. Но не нашел. Отец Беннетт лишь мельком упомянул о Ван-Найзе: все его внимание было обращено на работу, которая предстояла ему в Сиэттле.

«Здесь отклик епископальной церкви на мое свидетельство о Святом Духе и языки был потрясающим, и я занят день и ночь. Не менее радостным для меня было возвращением к жизни маленькой церкви С. Луки, которую я принял в июле. В этой маленькой миссии теперь уже пятьдесят человек крещены Святым Духом. Около 14 священников этой епархии сегодня имеют дар языков. Так слава Господу!»

За все время долгой переписки, которая у нас была с о.Беннеттом, он никогда — ни разу! — не пожаловался на плохое отношение которое он встретил, никогда не сказал недоброго слова по отношению к людям, с ним не согласным. Значительно позже я встретился с ним в Нью-Йорке и обнаружил, что таков же он и в личном общении. Он был спокоен и собран, хотя и полон необычайной энергии, — человек, настолько исполненный сознанием важности сегодняшнего дня, что у него не было времени пересказывать события дня вчерашнего. Единственный раз, когда он упомянул о прошедших событиях, он сказал: «Я, конечно, пытался просто понять, почему мы в Ван-Найзе подверглись всей этой сенсационной шумихе, тогда как сотни других церквей по стране, среди которых проявляется крещение Святым Духом, вообще не имеют никаких неприятностей. Единственный вывод, к которому я пришел, — это то, что Бог хотел, чтобы люди заговорили о своем переживании со Святым Духом. До событий в Ван-Найзе мы все предпочитали помалкивать. А теперь, я думаю, люди готовы начать делиться своими переживаниями».

Это было верно. Я вдруг стал едва справляться с потоком корреспонденции от людей, которые хотели мне рассказать о своих переживаниях и без страха подписывались под ними. Писали отовсюду. Весь штат священников в степенной, здравомыслящей пресвитерианской церкви в пригороде Нью-Джерси принял крещение Духом! 85% членов баптистской церкви того же штата приняли крещение! В Витоне (штат Иллинойс) члены епископальной церкви Троицы получили крещение...

Студенты в Принстоне, Йеле, Гарварде, Стенфорде, Уитоне, начали проводить молитвенные собрания, на которых просили о крещении и получали его. В Йельском университете, к примеру, двадцать человек, включая члена совета факультета, пятерых дьяконов университетской часовни и аспирантов получили крещение и начали молиться, исполненные Духом.

Мои исследования выявили, что в своем начале пятидесятническое движение привлекало в основном и больше

всего полуобразованных и простых людей. Теперь же, посмотрев лишь часть моей переписки, я составил следующий интересный список профессий моих корреспондентов: математик, психиатр, дипломированная медсестра, врач, капитан полиции, владелец автомобильного агентства, зубной врач, психолог, агент по страхованию недвижимого имущества, оператор Голливуда, домохозяйка, актер, священник, молочник, жена владельца авиационных заводов, фабрикант инструментов и красок, инженер, адвокат, коммивояжер, швейцар, сотрудник Госдепартамента, нефтяной магнат, еврейский раввин, владелец ресторана, таможенный чиновник, биолог, профессор, директор школы.

Все большее число церковных лидеров выступало с констатацией пятидесятнического движения в их деноминациях:

Преподобный Сэмюэль М. Шуэмейкер: «Что бы ни означало староновое явление «говорения языками», удивительно то, что оно имеет место, и не только в группах пятидесятников, но среди приверженцев епископальной церкви, лютеран, пресвитериан. Сам я лично не имел этого переживания. Но я видел переживавших его людей, и оно благословило их и дало им силу, которой они не имели прежде. Я не утверждаю, что понимаю это явление. Но я почти уверен, что это — показатель присутствия в жизни Святого Духа, как дым над трубой, указывающий на то, что внизу есть огонь. Я знаю, это значит, что Бог хочет войти в Церковь, упрямую, неподатливую и эгоцентричную, какой она часто является, — войти и дать ей такую силу, которая сделала бы ее излучающей свет, радостной и способной к самопожертвованию. Мы должны постараться понять это явление и уважать его, а не игнорировать его или презирать».

Д-р Джеймс И.Мак-Корд, президент Принстонской Богословской семинарии: «Наше время становится Эпохой Духа, эпохой Бога, действующего в мире, потрясающего и разрушающего все наши традиционные формы и вызывающего отклик, созвучный Евангелию и нуждам мира».

Д-р Эрнест Райт, Гарвард: «... установление Царства Божия должно сопровождаться великим пробуждением и возрождением харизматических проявлений. Как лидеры, так и рядовые верующие будут тогда исполнены Духом и силой Его в невиданных доселе масштабах».

Билли Грэм: «Мы, члены основных деноминаций, смотрели несколько исков на наших братьев из пятидесятнических церквей из-за того, что они делали акцент на учении о Святом Духе, но я считаю, что приходит время дать Святому Духу надлежащее Ему место в наших церквях. Нам нужно еще раз уяснить себе, что это означает — быть крещенными Святым Духом».

За океаном Церкви Великобритании также отмечала важность пятидесятнического движения.

Епископ Лесли Ньюбигин в своей книге «Дом Божий» назвал три основных потока жизни внутри христианской церкви. Первый — католичество. Второй — протестантство. И третий — пятидесятничество.

Д-р Филип Эджкамб Хьюэс, издатель англиканского ежеквартального органа «Служитель церкви», посетил Калифорнию, где услышал, как члены епископальной церкви говорят языками. Прежде чем отправиться в эту поездку, он приписывал это «заигрыванию с пятидесятническим сумасбродством под горячим солнцем Калифорнии». Но вернулся он оттуда с прямо противоположным мнением: «Дыхание Живого Бога», — писал он, — «проникает в иссохшие кости верующих, уважаемых, давно существующих деноминаций, и в особенности в епископальной церкви».

С избранием на папство папы Иоанна в римско-католической церкви стали делать особый акцент на Пятидесятнице. Папа Иоанн постоянно говорил о Совете Ватикана как о «Новой Пятидесятнице». Под термином «Пятидесятница» он подразумевал Пятидесятницу с теми же харизматическими проявлениями Духа, что давно уже имеют место в пятидесятнических церквях, включая говорение на языках. «Католический вестник», обсуждая дела Совета Ватикана, дал определение слову «харизма», которое употреблялось в католических кругах с такой возрастающей частотой:

«Итак, похоже, что нам необходимо будет включить слово «харизма» в наш словарь, поскольку последние новости из Рима таковы, что это слово стало одним из наиболее важных для совета. «Харизма» происходит от греческого слова, означающего — буквально — «дар любви». У богословов это понятие означает особую способность, дарованную кому-либо Святым Духом не столько ради его личной выгоды, сколько ради пользы других... Исходя из этого, кардинал Суэнес сказал своим коллегам — служителям, что мы сегодня должны признать существование харизмы, ради единства Церкви, причем рассматривая её (харизму) не как случайное добавление, но как необходимую часть самой сущности Церкви».

Отец Даниель Дж.О'Хенлон, профессор теологии в колледже Альма, в Лос-Гатосе, Калифорния, писал в статье для журнала «Америка» (национальный католический еженедельник):

«Мало кто из католиков рассматривает пятидесятников как нечто большее, чем просто забавное явление, если вообще замечают их существование. Даже большинство протестантов держатся на расстоянии от этих нешаблонных христиан и находят для себя затруднительным сказать о них что-нибудь доброе. Тем не менее быстрый рост пятидесятнического движения во всем мире и его необычайная притягательность для того рода людей, к которым Господь особенно обращался, — бедных и обездоленных, — должны заставить нас отбросить наши привередливые буржуазные предрассудки и серьезно, тщательно рассмотреть это движение».

Как же католики собираются его рассматривать? Отец О'Хенлон вносит предложение, необычное в его церкви: «Самый лучший, если не единственный, способ узнать, что же представляют собой пятидесятники, состоит в посещении их служений, несмотря на то, что для большинства католиков это означает шаг в странный, новый мир. Те, которые действительно сами познакомятся с ними, найдут очень многое, достойное восхищения, и, возможно, кое-что достойное подражания».

Материалы на моем письменном столе все растут. Приходит известие, что епископ епископальной церкви преподобный Чендлер У.Стерлиг получил крещение. Студенты в Орегонском государственном университете проводят молитвенные собрания исполнения Духом. А также члены церкви Непорочности, город Кортэ-Мадера, штат Калифорния. Айзен С. Гэбл, пастор первой пресвитерианской церкви Принца Руперта в Канаде, рассказывает своей пастве, что он принял крещение Святого Духа и что его жизнь изменилась. Дэвид дю Плесси принимает приглашение проповедовать с кафедры кафедрального собора епископальной церкви в Детройте. Д-р Джон Питере, методистский

служитель и президент Мирового Содружества, получает крещение при молитве баптистских служителей. Каждую субботу исполненная Духом молитвенная группа собирается в номере отеля «Бенджамин Франклин» в Филадельфии. Пятидесятницу переживают лютеранские церкви — церковь Сиона в Бэндиве (Монтана) и церковь Троицы в Сан-Педро, (Калифорния). Редактор журнала «Граница» (Орган Американского Совета Баптистов) крещен Духом. Официальные издания лютеранской и методистской церквей — «Знамя лютеранства» и «Сторонник Христианства» дают обзор пятидесятнического движения в своих деноминациях; тон статей осторожный, но не враждебный. Переживание это приходит и в методистскую церковь Каса Линда в большом городе Далласе (Техас), и в епископальную церковь Пришествия в маленьком Элис в том же штате. Приходит оно и в пресвитерианской церкви в городах угольных районов, например в Элпин, штат Теннесси, и в общины больших городов, как, например, в Хилл-Сайдскую пресвитерианскую церковь Ямайки на Лонг-Айленде, Нью-Йорка. И так далее. Все больше и больше. Движение набирает размах. Еще каких-нибудь 25 лет, и мы окажемся перед лицом пятидесятнической революции.

ГЛАВА VII ПОСЕЩЕНИЕ ЛИДИИ

Но если мы и жили во время революции, трудно было заметить, каким образом она затрагивает нашу повседневную жизнь. Наш новый газон перед домом был вскопан; я отправился на распродажу хозяйственного инвентаря по случаю окончания сезона и назначил цены за электрические машинки для стрижки травы. Тиб вытащила из шкафов зимнюю одежду малышей и ей пришлось пережить травму, которая повторялась каждый год; оказалось, что все стало мало.

При разборе почты я нашел письмо Интернационального общения Коммерсантов Полного Евангелия (ИОКПЕ). На наше имя было предоставлено два места на предстоящей через 2 месяца встрече ИОКПЕ; нас просили оплатить расходы. Чарльз Морис сдержал обещание. Его энтузиазм при междугородних переговорах весной заставили меня заинтересоваться встречей; но сейчас все это казалось мне страшно скучным, а я сожалел, что мы ввязались в эту затею. Я отложил это письмо в мою папку с надписью «Рассмотреть в будущем», вместе с другим письмом, предлагавшим за пониженную стоимость подписку на журнал, который мне был не особенно интересен. И то, и другое — предложения, которыми я мог бы воспользоваться... когда-нибудь.

Теперь я почти ежедневно ездил на пригородном поезде в город. Я решил собрать несколько магнитофонных лент с записями людей, говорящих на языках, у меня была идея дать их прослушать некоторым специалистам-лингвистам и посмотреть, что они из всего этого извлекут. Наш дом в Чаппакуа находился слишком далеко, чтобы просить людей приехать к нам, и поэтому я проводил сеансы записи в редакции «Гайдпост» в Нью-Йорке.

Сотрудники «Гайдпост» постепенно привыкли к энергичным личностям пятидесятников, которые приходили записываться на магнитофон. Первый раз, когда секретаршу приветствовали воодушевляющим «Доброе утро, сестра! Брат Шерил у себя?» — ее ответ имел довольно холодный оттенок. Но уже вскоре она сама обращалась «брат» и «сестра» к большинству из них и буквально ждала этих маленьких ярких вспышек в рутине рабочего дня.

Для записи я приглашал посетителя в свой личный кабинет, где находился магнитофон, и закрывал дверь. Если я надеялся этим изолировать остальных сотрудников редакции от отвлекающих звуков, то это был напрасный труд. Пятидесятники исключительно лишены самоконтроля при говорении на языках.

Громкость звука возрастала, необычайные сочетания звуков и интонации выходили за пределы маленькой комнаты, где сидел я и мой гость, и судя по молчанию в общем помещении редакции я мог сказать, что вся работа прекращалась, и каждое ухо было повернуто к закрытой двери.

Языки стали излюбленной темой разговоров во время перерывов за чашкой кофе, заменив по оживленности даже «Мировые серии». Отношение машинисток и редакторов было различным и варьировалось в диапазоне от удивления до веселой забавы. Подошел день моего рождения, и помимо традиционного торта, которым редакция отмечает подобные события, я обнаружил небольшой сверток. В нем была миниатюрная греческая ваза с росписью в древнегреческом стиле, обрамляющей ее края. «Для нас, Джон, это греческая тарабарщина», — гласила прикрепленная к горлышку записка. — «Но продолжайте записывать. С днем рождения!»

Пожелание, конечно, было шуточным. Но я полагаю, что оно помимо шутки выражало серьезное сомнение, которые многие в редакции испытывали по отношению к этому явлению, и которые я безусловно разделял. Дина Донохью — одна из наших редакторов — однажды в дождливый полдень, когда сидела за бутербродами, присланными из буфета, подвела итог этим нашим общим сомнениям. Мы сидели вокруг стола в большой комнате, и Дина вдруг заявила: «Я тоже могу говорить языками. Слушайте». И она начала: странные похрюкивания, щелканье и бессмысленные сочетания звуков, издаваемые с большим выражением и удивительно похожие на настоящий язык. Дина была вознаграждена аплодисментами за свое искусство, но посреди последовавшего за этим молчания моя секретарша сказала: «И вы хотите сказать, что есть какая-то разница между тем, что только что изобразила Дина, и теми «языками», на которых эти люди будто бы говорят?» И я должен был признать, что я лично увидеть этой разницы не мог.

Не это ли — иллюстрация всей проблемы «языков»? Не то чтобы говорящие языками пытались обмануть кого-либо, скорее они крайним образом обманывали себя. Под воздействием религиозных эмоций и по давней традиции, заставляющей их ожидать определенных проявлений, не принимают ли они ошибочно за действия Самого Бога простую тарабарщину, какую каждый мог произвести?

Как раз в тот период, когда эти мысли в моем сознании были преобладающими, и нанесла мне визит Лидия.

Я слышал о Лидии Мэксэм от нескольких разных людей. Для ее характеристики чаще всего использовалось

слово «аристократка». Она была членом епископальной церкви и одной из немногих не-пятидесятников, согласившихся наговорить речь языками для моего магнитофона. Лидия понравилась мне с того самого момента, как вошла в помещение редакции: высокая, полная достоинства, улыбающаяся. «Я соглашаюсь записываться с одним условием», — сказала она, когда мы остались одни в маленьком кабинете и я объяснил ей принцип действия магнитофона. — «Для меня языки — это всегда молитва, причем особый вид молитвы. Я пользуюсь ими, когда молюсь о проблемах, для которых мой собственный разум не знает решения — обычно это молитва за кого-то другого, когда я, возможно, не могу знать всех обстоятельств и осложнений. Поэтому, если вы хотите, чтобы я говорила языками, вам придется дать мне возможность помолиться о какой-нибудь реальной проблеме, предпочтительно о проблеме, касающейся вас или кого-то близкого вам».

Я задумался на мгновение. В данный момент не было какой-либо серьезной проблемы ... и вдруг я вспомнил о рукописи Тиб. Это была статья для журнала, над которой она работала уже несколько недель.

Вариант за вариантом находил свой конец в мусорной корзине, и в это утро она сказала мне, готовая расплатиться (чего я никогда прежде не видел у нее из-за работы), что последний срок уже завтра, а она сейчас не ближе к завершению, чем в день, когда подписала обязательство написать статью. Я описал эту ситуацию Лидии: «Вы имеете в виду нечто подобное?»

«Совершенно верно», — сказала она. — «Если бы ваша жена была здесь, я бы попросила ее сесть вот в это кресло. Потом я бы просто возложила руки ей на голову и попросила бы Святого Духа использовать меня как канал, через который Он мог бы войти в эту нужду. Я бы попросила Его удалить любые отвлекающие факторы или личные проблемы, какие бы ни препятствовали совершенному пониманию, являющемуся одним из Его даров. Я бы попросила Его использовать ее статью Для Своей собственной славы. Языки же просто были бы выражением подчинения моей воли и понимания Ему».

За отсутствием человека, за которого возносится молитва, Лидия сказала, что вместо Тиб мог бы сесть кто-то другой. Не сяду ли я вместо нее в кресло, чтобы за меня помолились, как за представляющего ее? Я согласился и сразу же начал сожалеть об этом. Не ужасно ли будет для меня сознавать, что все эти уши за дверью будут все это слышать? Как я смогу лично соприкоснуться с тем, по отношению к чему у меня такие противоречивые чувства?

Но отступать было уже слишком поздно. Я включил магнитофон, отодвинул кресло к окну как можно дальше от двери и сел. И сразу же обнаружил нечто еще худшее, чем слушатели. Прямо напротив моего окна находился верхний этаж дамского ателье, где около пятнадцати девушек сидели за швейными машинками, и, как мне вдруг показалось, совершенно не интересовались своей работой. Наши окна смотрели друг на друга уже много лет, и впервые за все это время это мне помешало. Лидия же была, казалось, безразлична к тому, что делалось вокруг. Она встала за моим креслом, легонько положила руки на мою голову и начала молиться — по-английски — об исцелении от того, что препятствует творчеству Тиб. Одна из девушек в ателье бросила взгляд в нашу сторону. Она что-то сказала своей соседке, и теперь они уже обе смотрели на нас. Я закрыл глаза, чтобы удалить отвлекающие помехи, но стало еще хуже, так как теперь перед моим мысленным взором все девушки ателье собрались у окна и уставились на элегантную леди, молящуюся над субъектом с лысеющей головой.

Ситуация была слишком комичной для меня. Я начал было смеяться, но проглотил смех, потому что Лидия молилась с такой несомненной искренностью. И именно в этот момент, когда я еще боролся со смехом, случилось необычайное.

Не меняя интонации голоса, Лидия начала молиться на языках. И в это же мгновение я почувствовал — действительно почувствовал — волну тепла, исходящего из ее рук к моей голове и затем быстро растекающегося по моей груди и рукам. Было ощущение тепла, но без неприятных воздействий тепла: я не чувствовал, чтобы я покраснел или чтобы мне было жарко. Я словно приблизился к какому-то мощному источнику тепла, к очагу или солнцу, который грел, но каким-то образом не обжигал. Это продолжалось все время, пока Лидия молилась языками, хотя ощущение было уже не столь сильным, как в первое мгновение. И вдруг я обнаружил, что плачу. Крупные слезы катились по моему лицу и капали на воротник. Эти слезы были не больше связаны с моими переживаниями, чем тепло, которое я чувствовал — с радиатором в стене. Я явно ощущал взгляды девушек в доме напротив; я не смел открыть глаза из страха встретить эти взгляды. По мере того как Лидия молилась, я все больше и больше обретал самоконтроль. Когда она кончила наконец и сняла руки с моей головы, я резко отвернул вращающееся кресло от окна и надолго занялся магнитофоном. В большой комнате сразу начали стучать пишущие машинки.

Вскоре после того Лидия ушла, такая спокойная и собранная, как бы мы с ней обсуждали открытие балетного сезона, но я оставался один в моем маленьком кабинете большую часть дня. Мне нужно было многое обдумать, взвесить, многое «разложить по полочкам». Я чувствовал себя как человек, который наклонился приласкать котенка, а обнаружил свою руку на голове тигра. Что представляет собой та явно ощутимая сила, которая наполнила эту комнату, когда Лидия молилась языками? Возможно ли, что я ошибаюсь, рассматривая это явление как просто вторичное, вызванное чем-нибудь другим? Имеет ли оно в себе и само по себе какую-то таинственную силу?

Вечером того дня Тиб встретила меня на станции с весьма удовлетворительным выражением лица. «Как статья?» — спросил я, спрыгивая с подножки. «Уже отослала!» — ответила она, подходя ко мне. — «Опустила ее в ящик, когда выходила из дому. Не знаю, почему же в конце концов я так мучилась с этой статьей. Она оказалась такой простой, когда я наконец ее написала! А я все пыталась ее усложнить. Я села за нее сегодня днем, и вот она налицо. Почти сама написалась!»

Я не сказал ей о молитве Лидии. Я даже не знал, как подойти к этому. Было очевидно, что прежде чем что-то еще говорить об этом, мне придется еще многое осмыслить, еще больше копнуть, еще дальше исследовать. В этот вечер я записал три вопроса, на которые хотел получить ответ.

1. Говорит ли Библия что-нибудь о том, что языки имеют странную силу?

2. Если они действительно имеют силу, почему же они были вне употребления на протяжении столь многих веков?

3. Признают ли наличие этой силы люди, говорящие на языках в наши дни?

Я начал с Библии. На следующее утро я достал мою «Симфонию» (алфавитный указатель) и обнаружил: в Новом Завете языки упоминаются около 30 раз. Но даже самый беглый просмотр перечня этих упоминаний показал мне, что Библия говорит о двух весьма различных аспектах применения языков.

Первый аспект был мне уже знаком: когда языки рассматривались в качестве знака, знамения того, что Святой Дух вошел в данного верующего. В том случае язык сам по себе, по-видимому, имеет небольшое значение, он ценен лишь как доказательство, или проявление, другого факта. Этот аспект языков упоминается впервые (если во всяком случае судить по последовательности появления таких упоминаний в Библии) в Евангелии от Марка. Иисус был распят, воскрес из мертвых и теперь является Своим ученикам с повелением проповедовать Евангелие по всему миру. «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения», — сказал Он им. «... будут говорить новыми языками». (Марк 16:17). Как слова Самого Христа, это место Писания несомненно высоко авторитетно, и пятидесятники придают ему большое значение. Однако я скоро обнаружил, что не все в равной степени принимали эти слова за подлинные. Перевод Библии короля Иакова был сделан с манускрипта, называемого «Кодекс Александиус», который датируется V веком н.э. В нем содержится этот стих. Однако более ранние рукописи, датируемые четвертым столетием, этого стиха не имеют. Конечно, в IV веке слова Христа могли быть частью устной традиции, еще не закрепленной письменно. Не исключено, что последовательный, неизменно повторяющийся опыт большого количества христиан убедил их, что эта традиция является неотъемлемой частью письменного наследия Церкви.

Книга Деяний, написанная к концу I столетия, которую никто не может заподозрить в наличии в ней позднейших вставок и добавлений, несколько раз сообщает о языках как знамении пребывания Святого Духа. Я пришел к выводу, что в связи с данными Деяний следует отметить три вещи.

1. Языки принимались как неоспоримое доказательство того, что Святой Дух сошел на данное лицо или группу лиц. «И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников; ибо слышали их говорящими языками...». (Деян. 10:45—46).

2. Равно неоспоримо было то, что языки являются результатом того, что Сам Дух говорит через людей. «И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать». (Деян. 2:4).

3. Языки сами по себе не возбуждали особенно большого внимания. Когда Петр описал свое пребывание в Кесарии Иерусалимской церкви, он не подумал даже упомянуть о языках вообще, хотя они были существенной частью Кесарийских событий (Деян. 11:15).

Таким образом, к языкам относились как к знамению прихода Святого Духа. Но когда я обратился к посланиям Павла, для меня стало очевидным, что он смотрит на них совершенно иначе. Павел рассматривал языки не как однократное излияние, но как постоянное переживание. Они важны не только как доказательство Божьего пребывания, но еще и постольку, поскольку представляют определенную пользу для Церкви. Это дар Духа на пользу верующим, который надлежит использовать наряду с другими восемью дарами к созиданию народа Божьего. С точки зрения Павла существует, очевидно, три принципиально важных стороны практического значения языков.

1. В личной молитве языки помогают молящемуся славить Бога.

2. Они дают ему возможность молиться даже в тех случаях, когда он не знает, о чем просить.

3. Наконец, в общем служении, будучи сопровождаемы другим из девяти даров, «истолкованием», языки являются средством непосредственной связи между Богом и человеком.

Первое послание к Коринфянам было написано около 54 года н.э. Павел жил в Эфесе, когда до него дошло известие о том, что в Коринфской церкви возникли затруднения. Среди прочих проявлений беспорядка и злоупотребления, которые прокрались в христианскую практику, был своего рода беспорядок, вносящий неустройство в общее служение, — результат неправильного употребления некоторых даров Духа, особенно языков. 12-, 13- и 14-я главы его послания посвящены рассуждению об этих дарах, причем значительный акцент делается на языки. Но, предостерегая христиан от неправильного употребления духовных даров, Павел вместе с тем оставил нам совершенно четкую картину того, как они должны использоваться. Я проштудировал эти три главы и отметил следующее.

Прежде всего я отметил отношение Павла к происходящему в Коринфе. Нет ни тени удивления, ни возгласов «Что там происходит!» Он, очевидно, был хорошо осведомлен о явлениях, о которых идет речь. Он принимает их без обсуждения, как неотъемлемую часть христианской практики, и озабочен только тем, чтобы они получили должную направленность.

Далее, Павел считает, что Источник языков — это Святой Дух. «Каждому дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости... иному разные языки, иному истолкование языков» (Жор. 12:7-8, 10).

Третье: Павел верит: что их использование определяется назначением от Бога. «И иных Бог поставил в Церкви... дал... разные языки» (В английском варианте: «Поставил говорящими на разных языках») (1Кор. 12:28).

Но он смотрит на языки только как на один из многих даров, в которых проявляется Дух. Он перечисляет девять даров; слово мудрости, слово знания, вера, дары исцелений, чудотворение, пророчество, различение духов, разные языки, истолкование языков (1Кор. 12:8-10).

Павел считает, что все эти дары, включая языки, даны с определенной целью: «...каждому дается проявление Духа на пользу» или (в другом варианте перевода): «В каждом из нас Дух проявляется с какой-то полезной целью» (1Кор. 12:7). Что касается языков, то здесь целью является укрепление того, кто использует их. «Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя» (1Кор. 14:4). Будучи же сопровождаемые даром истолкования, языки также дей-

ственны в деле созидания Церкви в целом. «Когда вы сходитесь, и у каждого из вас... есть языки... есть истолкование..., — все сие да будет к назиданию».

Однако языки не принадлежат к числу наиболее высоких и наиболее важных даров. Павел упоминает их в конце перечисления: «Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные... также разные языки». (1Кор. 12:28). Павел считает языки формой молитвы: «Ибо, когда я молюсь на незнакомом языке...». (14:15)*

* Здесь и ниже ссылки приводятся на 1-е послание к Коринфянам (Ред.)

Он связывает эту форму молитвы главным образом с хвалой и благодарением. «Ибо, если ты будешь благословлять Духом ... ты хорошо благодаришь...». (14:16-17). Он также смотрит на языки как на возможность молитвы в том случае, если разум в смущении. Послание к Римлянам, 8:6: «Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией».

Павел рассуждает не теоретически, но на основании своего личного опыта. Он сам широко применяет языки. «Благодарю Бога моего: я более вас всех говорю языками» (14:18).

Он не только молится, но также и поет языками: «Буду петь Духом, буду петь умом» (14:15).

Он вовсе не ждет, что язык, на котором говорят, будет признан слушающими (в отличие от дня Пятидесятницы, где каждый слышавший узнавал свой родной диалект). «Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает его...». (14:2).

Павел не считает, что служение языков (т.е. говорящего языками) дается каждому верующему. «Все ли говорят языками?» (12:31). В контексте здесь подразумевается отрицательный ответ: нет, не все говорят языками. Пятидесятники указывают, что в этих трех главах Павел говорил о языках только как о даре, а не о языках как изначальном знаменнии крещения Святым Духом. Они считают, что каждый говорит языками, хотя бы и недолго, в момент своего крещения, независимо от того, будет ли ему в последствии дан дар языков для использования в его повседневной христианской жизни.

Несмотря на звучащие в послании предупреждения относительно злоупотреблений языками, Павел тем не менее велит коринфянам говорить на них: «Желаю, чтобы вы все говорили языками» (14:5) и «не запрещайте говорить языками» (14:39).

Но тогда, если два проявления языков — как знамение и как дар — были известны авторам Нового Завета, и если их сопровождала столь несомненная польза и преимущества, то почему вообще языки исчезли из Церкви? На этот второй из моих вопросов я нашел немедленный ответ: они не исчезали! Языки продолжали играть свою роль в христианской жизни на протяжении многих столетий. Их лишили того значения, которое придавали им вначале, вероятно, в результате таких предостережений, которые приводил Павел. Люди, имеющие это переживание, предпочитали настолько мало говорить о нем, что легко было вообще пропустить всякое упоминание об языках. Но как только я начал искать их, я их нашел.

Если обратиться ко второй половине второго столетия нашей эры, то для некоторых христиан того времени характерны были жалобы на то, что Церковь потеряла свой воодушевляющий огонь. Пробуждение, возглавляемое Монтаном, заставило христиан взыскать новой Пятидесятницы и ожидать тех же самых проявлений, которыми сопровождалась первая. Сначала монтанизм принимался хорошо. Двое из наиболее уважаемых и влиятельных отцов раннехристианской Церкви — Тертуллиан и Ириней — нашли в этом движении многое, о чем следовало говорить, и поддерживали это. Но затем, когда начали распространяться языки и другие харизматические явления, Рим испугался крайностей. Монтанизм заклемили как еретическое течение, и даже влияние Тертуллиана и Ириней не смогло смягчить этого приговора.

Имелись однако и другие случаи харизматических проявлений, которые не были заклеены столь сурово. Имеются сведения, что в четвертом веке св. Пахомий, который основал первый христианский монастырь, мог говорить по-гречески и по латыни, хотя не учил и не знал обоих этих языков. Эта таинственная способность говорить на незнакомом языке вновь обнаруживается в XIV веке в практике св. Винсента Фаррара. А в XVI веке этот дар получил Франсис Ксавье. Франсис Ксавье был одним из первых иезуитов-миссионеров, проповедовавших среди индусов и японцев. Имеются сведения, что он мог проповедовать на языках, которых никогда не изучал.

Языки появляются в начале многих великих пробуждений. Вальденсы* на ранних этапах говорили на незнакомых языках. То же самое можно сказать об янсенистах**, квакерах***, шэкерах**** и методистах. «Когда мы предстояли пред Господом», — писал У. С. Брейсвейт, описывая раннее собрание квакеров. — «Мы часто получали Духа, изливающегося на нас... и... говорили новыми языками».

Начиная с XIX столетия, я нашел в библиотеке не только значительно больше первоисточников, но и гораздо больше упоминаний о языках.

Шотландия, 1830 г. Мэри Кэмпбелл, молодая девушка из Ферникэрри, собирается стать миссионером. Однажды вечером, молясь с группой друзей, мисс Кэмпбелл начинает говорить на незнакомом ей языке. Она предполагает сначала, что это тот язык, который поможет ей в ее миссионерской работе, но так и не может определить, какой именно это язык.

Англия, 1834 г. Молодой и уважаемый лондонский служитель пресвитерианской церкви, Эдвард Ирвинг, обнаруживает в своей церкви глоссолалию (т.е. говорение языками) и одобряет ее.

Соединенные Штаты, 1854 г. Некий В. П. Симмонс сообщает о глоссолалии в Новой Англии: «В 1854 году от Рождества Христова церковный старейшина Ф. Г. Мэтьюсон говорил языками, а старейшина Эдвард Бёрнхэм истол-

ковывал его речь».

- * Вальденсы — средневековое религиозное движение протестантского типа (XII в.), объявленное ересью.
- ** Янсенизм — религиозное течение в католичестве (XVII в.), воспринявшее некоторые черты кальвинизма.
- *** Квакеры (Общество Друзей) — члены религиозной христианской общины, основанной в середине XVII в.
- **** Шэеры (букв, трясуны) — одно из религиозных течений (Ред.)

Соединенные Штаты, около 1855 г. В своей колонии Нову, штат Иллинойс, языками говорят мормоны*. Седьмой пункт Символа Веры «Святых последнего дня» гласит, что они «верят в дары языков, пророчества, откровения, видений, исцелений и истолкования языков».

Россия, около 1855 г. Сообщается о пятидесятнических проявлениях в греческой православной церкви в глубине царской России.

Англия, 1873 г. Языки возникают по следам проповеднических поездок Дуайта Л. Муди. «Когда я добрался до места», — пишет Роберт Бойд после посещения Муди Санклер ленда (Англия).— «собрание было в возбуждении. Молодые люди говорили языками и пророчествовали. Что бы это значило?! Только то, что в этот день им проповедовал Муди».

Соединенные Штаты, 1875 г. Р. Б. Свен, пастор вг. Провиденс, пишет: «В 1875 году наш Господь начал изливать на нас Своего Духа: мы с женой, а также некоторые другие, начали произносить некоторые слова на незнакомом языке».

Соединенные Штаты, 1879 г. В Арканзасе на языках говорит В. Джетро Уолтелл. «Я ничего не знал о Библейском учении о крещении Духом или говорении на языках», — пишет он.

Армения, 1880 г. Среди армянских пресвитериан в Кара-Кала идет сильное пятидесятническое пробуждение с говорением на языках.

Швейцария, 1880 г. Мария Герберт отмечает, что в момент особой радости, которую она характеризует как «подчинение моего беспокойного сердца Духу», она пела духовные песнопения на языке, которого никогда не знала. Впоследствии Мария приезжает в Америку, совершенно не умея говорить по-английски. Однажды, во время молитвы за больного друга, ее слова, к бесконечному изумлению их обоих, оказались безупречно произнесенными английскими словами.

Разница между этими эпизодическими проявлениями языков и пятидесятническим движением, которое началось в двадцатом веке, вероятно, в том, что до Чарльза Пэрхэма и его библейской школы в «Причуде Стоуна» никто не придавал языкам никакого значения. Не было и попыток убедить других следовать этому примеру, не было и огня евангелизации, который бы шел по пятам этого явления. Говорение языками оставалось изолированным, случайным, незамеченным. Но все-таки оно оставалось.

* Мормоны (Святые последнего дня) — религиозная секта, основанная в США в 1-ой половине XIV века Дж. Смитом (Ред.)

ГЛАВА VIII ЗАЧЕМ КОМУ-ТО ХОТЕТЬ ГОВОРИТЬ ЯЗЫКАМИ

Третьей задачей, которую я поставил перед собой после посещения Лидии, было побеседовать со всеми известными мне людьми, говорящими языками, и выяснить, считает ли каждый из них, что эта практика внесла в его жизнь нечто такое, чего не могла сделать обычная молитва на английском языке. Я все еще помнил тот таинственный поток тепла, исходящий от рук Лидии, и тот факт, что когда я вернулся домой, молитва, в которой она просила за Тиб, уже была исполнена. Было ли это простым совпадением, а может быть, и где-то результатом моего воображения, или и другие люди переживают подобное?

Конечно, когда я спрашивал пятидесятников, что сделали для них языки, первый ответ всегда был: «Убедили меня в том, что я был крещен Святым Духом». Это и было как раз то доказательство, которое искали Пэрхэм и его ученики, когда начали свое длительное изучение Библии, и конечно же это было бы бесценным достоянием для верующего — знать несомненно наверняка, что Дух Самого Бога явил себя в нем. Пятидесятники верят, что таким несомненным доказательством являются языки. Для них поистине является аксиомой, что крещение Святым Духом всегда сопровождается языками.

«Крещение верующих Святым Духом», — гласит основное положение пятидесятнической церкви «Собрания Божий», — «бывает засвидетельствовано изначальным физическим знаменем говорения на иных языках, как Дух Божий дает им провещать». Символ (Декларация) Веры конгрегации «Церковь Божия» содержит, в основном, те же положения: «Мы верим в говорение на иных языках, как Дух дает провещать, и в то, что оно является изначальным доказательством крещения Святым Духом».

Однако вне пятидесятнических деноминаций я обнаружил, что люди не были столь в этом уверены — даже те, которые сами говорили на языках в момент крещения. Лютеранский служитель Ларри Кристенсон, пастор в церкви Троица, Сан-Педро, штат Калифорния, выражает взгляды едва ли не большинства не-пятидесятников, говорящих на языках. Оценивая сведения о крещении Духом данные в книге Деяний, он спрашивает:

«Значит ли это, что каждый, получающий Святого Духа будет говорить языками, — что если вы не говорили языками, вы на самом деле не получили Святого Духа? Я не думаю, что можно сделать такой вывод на основе Писания. Однако я действительно верю, что книга Деяний

предлагает нам весьма полезный образец: 1) получение Святого Духа как определенное, четкое выраженное однократное переживание; 2) простой и определенный Богом способ объективного проявления дара Святого Духа с верою возвысить голос и заговорить на незнакомом языке по усмотрению Святого Духа».

(В журнале «Троица», Т. 3, № 1).

Крайности, противоположной пятидесятникам, придерживаются те, которые убеждены, что получили крещение Святым Духом, но отрицают, что языки являются неотъемлемой частью этого переживания вообще. Один из таких людей № — д-р Э. Стенли Джонс. Мы с Тиб беседовали с этим ветераном миссионерской работы в Индии о его отношении к данному вопросу и впоследствии получили от него письмо, в котором он рассказал о некотором переживании, которое он имел во время пребывания в колледже Эсбери в Уилморе (штат Кентукки). «Я находился на молитвенном собрании в комнате одного из студентов, моего товарища по учебе», — писал д-р Джонс — «Там было еще трое-четверо человек. Мы не ощущали никаких особых эмоций и ничего особо не ожидали, и вдруг мы неожиданно исполнились Святого Духа — буквально были сбиты с ног. Я не мог спать до утра, мог только ходить взад и вперед по комнате и славил Его. В течение трех дней не было занятий, и они превратились в дни молитвенных собраний. Люди, приезжали из провинции, обращались, прежде чем успевали переступить порог аудитории. Они падали на колени прямо во дворе колледжа и обращались к Господу. Проповедей не было, только молитвы и свидетельства об освобождении и победе. Все студенты колледжа обратились. Я удивлялся, что это могло значить. Вскоре я это выяснил. Этим посещением я был подготовлен к труду моей жизни. Я понял, что ответил «да» на призыв стать миссионером. Доказательство Святого Духа? Святой Дух Сам был доказательством. Другие доказательства были не нужны и никто их не хотел. Просить доказательства здесь было все равно что просить доказательства солнца в полдень. Никто не говорил языками, так как об этом не учили».

Итак, мы столкнулись с разнообразием мнений о том, важны ли языки для определения присутствия Духа: «необходимы» — «важны» — «полезны» — «не обязательны». Но о языках было известно, что они служат не только знамение крещения, но имеют и другие функции. Павел говорил о языках как о даре, он связывал их с возможностью славить Бога.

Мы получили интересную возможность проследить эту функцию языков в современной практике христианской жизни, когда побеседовали с одним молодым выпускником Йельского университета. Роберт В. Моррис был членом Йельского Христианского Товарищества и считал, что его духовная жизнь не оставляет желать лучшего во всех отношениях, за исключением этой сферы хвалы. Он вспоминает, как он остановил себя однажды на собрании Товарищества, когда была его очередь вести общую молитву. Он использовал обычную, привычную форму молитвы, и дойдя до слов «мы славим Тебя, мы поклоняемся Тебе...», он вдруг резко остановился. «Нет, я не могу», — сказал он с искренностью, которая давно уже была достигнута между членами группы. — «Я не знаю, что значит поклоняться Богу». Он, конечно, знал, что значит благодарить Его за то или другое. Он часто испытывал восторг, когда слушал прекрасную органную музыку во время служения или видел изумительную деталь витража. Но славить Бога просто Самого по себе, как такового, — не за что-то, что Он совершил, — Сам или посредством человеческих способностей или таланта, — это, как признался Моррис своим друзьям, было на том уровне, какого он еще не достиг.

Вскоре после этого в Йельском университете произошли события, которые получили такое широкое освещение в газетах и журналах страны. Многие члены Йельского христианского Товарищества (ЙХТ) и других объединений Йельского университетского городка получили крещение Святым Духом с харизматическими явлениями, включая языки. Хотя пресса ухватилась за языки как наиболее сенсационную информацию для печати, Боб Моррис и другие очень мало заостряли на них внимание в своем личном понимании, чувствуя, что дары пророчества, исцеления и прежде всего плод любви, — эти дары, которые Дух излил на их группу, были гораздо более важны. Но в личной духовной жизни Боба языки заполнили вполне определенный существенный пробел. «Для меня, — сказал нам Боб; — дар языков обернулся даром хвалы. Говоря на незнакомом языке, который мне дал Бог, я чувствовал, как во мне поднимается и растет любовь, восторг, чистое и беспримерное восхищение и поклонение, которых я не в состоянии был достичь в молитве умом. Хвала поклонение — это, в основном, вещи, идущие не от разума, и молитва языками — это молитва, идущая не от разума. Она освобождает нас от нашей зависимости от специфических способов мышления и деятельности и постепенности мыслительного процесса, и приводит к прямому, непосредственному познанию Бога, — точно так же, как мы получаем впечатление о личности человека, не выделяя составляющие его детали.

Но этот новый уровень молитвы наблюдался не только когда Боб молился языками. Он сразу же заметил, что обладает новой способностью славить и восхвалять Бога по-английски. Часто он начинал свои обращения к Господу с молитвы языками, чувствовал в себе подъем этой новой способности и затем переходил на английский, убеждаясь в том, что вся его молитвенная жизнь изменилась. «Я заметил новую способность прославлять Бога, явленного во Христе», — писал он для журнала «Троица» в те дни, когда по всей стране вспыхнул интерес к событиям в Йельском университете. — «Не просто благодарение, идущее от разума, — но хвала, которая исходит словно из неведомых глубин твоего существа, но не на эмоциональном, а вполне осознанном уровне». И далее он добавляет: «Я ощутил также вполне определенно буквально физическую способность и силу в решении и противостоянии проблем повседневной жизни». («Троица», Т. 2, № 2). Эта дополнительная физическая сила и способности были еще одним назначением языков, отмеченным ап. Павлом. Человек, говорящий на языках, назидает, — или созидает, т.е. укрепляет, — себя, писал Павел (I Кор. 14:4).

У нас есть друг, который все время ездил на пароме, соединяющем в Нью-Йорке Манхэттен со Стейтон-Айлендом. Эти поездки занимали каждая почти по полчаса и могли бы стать нарушением в ритме делового дня. Но этот человек, Дэвид Вилкерсон, использовал время на борту парома для молитвы на языках. Он начинал с того, что принимался думать о всех вещах, за которые ему следовало быть благодарным. В последовательности, обратной по-

следовательности Боба Морриса, он начинал с того, что перебирал их мысленно одну за другой, по-английски, славя Бога за каждую. Постепенно он чувствовал возрастающее в нем чувство радости. Он сознавал, что его любят, о нем заботятся. Он начинал опять мысленно «проигрывать» то, что с ним происходило. И внезапно, пытаясь выразить свою благодарность, он оказывался перед «языковым барьером». Английский язык был больше не в состоянии выразить то, что он чувствовал. Это язык был просто неадекватен для Того, Кого видел перед собой Вилкерсон. И именно в этот момент он вступал в общение, не ограниченное словарем. Его дух, как и его разум начинали славить Бога.

К тому времени, как Дэвид достигал Манхэттенской пристани, была налицо перестройка: он укреплялся телом и духом. Он чувствовал себя смелым и бодрым, готовым решить непосильные задачи, вдохновленным и обновленным, готовым встретить любые трудности предстоящего дня. А это часто было немаловажно, потому что Дэвид Вилкерсон молодой проповедник, работающий среди уличных банд в нью-йоркских трущобах — работа, в ходе которой он находится в контакте с подростками-наркоманами, детьми, занимающимися проституцией, малолетними убийцами, сталкивается с самыми удручающими и неразрешимыми проблемами современного мира.

Ниже приводятся некоторые аналогичные ответы на мой вопрос о значении языков:

«Какая польза от говорения языками? Единственное, что я могу ответить, это спросить: «Какая польза от синей птицы? Какая польза от заката?» Просто явный, всеобъемлющий подъем, просто невыразимая словами радость, а с ней здоровье, мир, покой, отдых и освобождение от всех тягот и напряжений».

Марианна Браден, домашняя хозяйка из Парксбурга, Пенсильвания.

«Часто, и даже очень часто, мне приходится ночью спать сидя в междугороднем автобусе или в реактивном самолете. Я не рекомендую это как достойный заменитель хорошей постели. Но у меня есть секрет: в ту же минуту, когда я закрываю глаза, я начинаю молиться Духом. Я молюсь таким образом всю ночь, просыпаясь и снова погружаясь в сон, не прекращая молитвы. Я не сплю много, но получаю огромный отдых. Наутро я свеж, силен и готов работать весь день».

Дэвид дю Плесси,
пятидесятнический служитель,
Окленд, Калифорния.

«Когда я начал молиться на языках, я почувствовал себя (и люди стали говорить, что я выгляжу) на двадцать лет моложе. Когда я говорю языками, на сознательном уровне я не знаю, что именно я говорю, но безусловно знаю об этом на несознательном и подсознательном уровне, ибо происходит как раз то, о чем говорил ап. Павел: «Молящийся на незнакомом языке назидает (или созидает, укрепляет) себя». Я укреплен, мне дана радость, мужество, мир, чувство присутствия Бога; а я слабый человек, нуждающийся во всем этом». Вильям Т. Шервуд, 75-летний священник епископальной церкви, Сент-Питерсберг, Флорида. Когда 10 лет тому назад преподобный Шервуд достиг пенсионного возраста, он писал, что очень рад уйти в отставку: на протяжении многих лет он чувствовал себя физически истощенным, израсходовавшим последние остатки энергии. С тех пор, как он получил крещение Святым Духом, наступили наиболее продуктивные годы его работы и жизни.

Следующая функция языков, указанная Библией — давать нам возможность молиться даже тогда, когда в нашем собственном сознании нет представления о том, чего же нам просить в данной ситуации (ср. Рим. 8:26,27). Лидия Мэксем явно глубоко полагалась на этот род молитвы на языках, когда ходатайствовала за постороннего человека, сознавая, насколько мало она вообще знает о его проблеме. Интересно, используют ли другие люди языки таким же образом? Вот отрывок из письма, которое я получила от одного врача-психиатра:

«Каждое утро перед началом ежедневного приема (пишет врач) у нас с женой — час совместной молитвы. Мы молимся за наши собственные нужды, а затем за каждого больного, которого мне предстоит сегодня увидеть... Сначала мы основываем молитву на наших собственных соображениях о его болезни, используем записи, которые я сделал во время прежних сеансов, и все, что мы вообще знаем из области медицины и психиатрии. Но затем, сознавая, сколько многое в психических заболеваниях все еще не поддается пониманию, мы включаем в нашу молитву за него молитву языками. Я часто бываю поражен исцеляющей силой, действующих на сеансах после таких молитв».

Один из наиболее поразительных приемов, мне известных, когда разум просто отказывается молиться в критических обстоятельствах, связан для меня с именем Вильяма С. Нельсона. Преподобный мистер Нельсон сейчас является издателем журнала «Граница» Американского Объединения Баптистов, но в то время, когда произошел описываемый случай, он был пастором Первой Баптистской Церкви в Уитмэне, штат Массачусетс.

Однажды глухой ночью осенью 1959 года зазвонил телефон на столике у постели Билла. Снимая трубку, Билл был еще в полусне, когда услышал женский голос, обладательница которого представилась медсестрой ближайшей больницы. Произошла автомобильная катастрофа, продолжал голос. «К нам привезли Кэрол Виннэлл. Ее мать дала ваш телефон, сказала, что вы служитель. Если вы собираетесь придти, то лучше сделать это немедленно. Доктор не думает, что она проживет больше часа».

«Сейчас я буду». Билл натянул на себя одежду не теряя времени добрался до госпиталя. Дежурная сестра уже знала, что он должен придти, и направила его на третий этаж. Часы напротив лифта показывали 3 часа 15 минут ночи. «Пожалуйста, сюда», — сказала сестра. Тринадцатилетняя Кэрол лежала в кровати с высокими бортами без всяких признаков жизни. Ее мать стояла у кислородного аппарата. «Удар головой», — сказала она Биллу. — «Она не двигалась с тех пор, как я здесь». Очевидно, Кэрол ударом бросила на ветровое стекло. Врач объяснил, что поврежден мозг. «Если она выживет», — сказала миссис Виннэлл, — «то говорят, что она может не быть ... нормальной».

Билл знал, что он должен молиться. Он Был их служителем. Миссис Виннэлл была вправе ожидать от него под-

держки и утешения. Но о чем ему молиться? Он взглянул на Кэрол и почувствовал, что предположение врачей о часе было слишком оптимистичным. Девочка так и лежала в своей одежде; черный свитер был порван и в крови. Волосы, откиннутые назад с обезображенного лица, были мокры от крови. Наскоро наложенные швы, стягивающие порезы, набухли и были воспалены. И это еще не худшие из повреждений, худшие, он знал, были вообще не видны. Глубоко в черепе разбиты кости, в которых помещался ее мозг. Насколько поврежден сам мозг? Имел ли он какое-нибудь право молиться за физическое исцеление, когда налицо были все шансы, что Кэрол в этом случае станет существом, похожим больше на животное, чем на человека? Но не может же он молиться и о том, чтобы она умерла.

Билл приблизился к девочке и положил руки на единственную часть ее тела, которая, казалась, не пострадала, — на верхнюю часть правой руки. Человеческие, мрачные мысли переполняли его. «Господи», — сказал он. — «Помоги мне, дай мне знать, как молиться?» И сразу же в его сознании всплыли слова Писания: «Мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердце знает, какая мысль у Духа...». (Рим. 8:6).

Как это было кстати! Билл глубоко вздохнул и начал молиться не умом, а только языком и губами, отбросив все сомнения и колебания своей человеческой природы — звуками, которые давал ему Бог. Он полностью поручил молитву Святому Духу, зная, что Он любит Кэрол больше чем может любить любое человеческое существо. Билл чувствовал парадоксальность ситуации: именно степень, в которой он только мог стать пассивным и покорным, была степенью, в которой он мог стать для Бога действенным каналом. Так Билл молился Духом, тихо и затаив дыхание, на протяжении 15 или 20 минут. Он смутно сознавал то, что было вокруг: торшер, который отбрасывал свет на стену, колбы с физиологическим раствором, кислородный аппарат, сосуды с плазмой, стоявшие у койки Кэрол, другую больную в палате, которая молча смотрела на все происходящее широко раскрытыми глазами. Он ощущал напряжение миссис Винэлл. Но сильнее всего он чувствовал то, что происходило в нем самом. Во-первых, он чувствовал, как поток тепла проходил через него в тело девочки, которую он легонько держал за руку в молитве. И второе, он чувствовал непонятную, но четкую уверенность, возрастающую с каждой минутой: твердое знание, что Кэрол будет вновь здорова.

Вдруг Кэрол пошевелилась. Больше ничего. Только одно мгновенное движение. Дыхание жизни, которое коснулось ее маленького тела и затем вновь ушло. Но это придало Биллу Нельсону мужества сказать вслух то, что пело в его сердце. То, в чем он был уверен. То, что он знал! «Миссис Винэлл, Кэрол будет здорова!». Лишь только он произнес эти слова, они показались ему абсурдом. Как он посмел! Медсестра склонилась над койкой, невозмутимо следя за дыханием и введением плазмы.

Часы на стене в коридоре показывали 3.45. Билл находился в палате всего полчаса; а казалось, куда больше. Миссис Винэлл дошла с ним до лифта, словно хотела оставаться рядом подольше с единственным голосом надежды, который она слышала. У лифта он снова сказал ей то, что было непонятно ему самому: Кэрол будет здорова.

И Билл оказался прав. Через 12 недель Кэрол снова вернулась в школу. Сейчас, когда после катастрофы прошло пять лет, единственным ее последствием остались крошечные шрамы на лице и руках Кэрол. Нельсон убежден, что и сегодня, как и в те дни, когда Павел писал послание к Римлянам, если мы не знаем о чем молиться, то «Дух подкрепляет нас в немощах наших». Четвертое и последнее, что Библия говорит о языках, это то, что — вместе с сопровождающим их даром истолкования — они представляют для Бога средство прямого общения с группой христиан, собравшихся вместе для молитвы.

Должен откровенно сказать, что в той форме, в которой этот дар применяется в наши дни, именно это использование языков в общем служении само по себе отталкивало меня как нечто подозрительное. Я к тому времени побывал на очень многих пятидесятнических служениях, и у меня сохранились записи об этих посещениях. «Меня раздражает», — написал я после одного такого служения, — «что эти люди говорят так громко и с такими монотонными интонациями, когда они говорят на языках или истолковывают. Кажется, что они чуть ли не впадают в транс, который может означать, что они по-настоящему взяты в удел Духом, но может и означать, что они просто стремятся выглядеть исполненными Духом». В другой вечер я записал просто: «Очень уж театрально».

Я отметил также, что часто не было связи между объемом (по времени) слова на языках и объемом истолкования. У меня часто бывало чувство, что истолкование (часто даваемое служителем) делать только потому, что на нем настаивал ап. Павел, а не в ответ на подлинное внутреннее побуждение. Я был обычно разочарован содержанием истолкования: чаще всего это были стереотипные увещания типа «стойте твердо в последние дни...», «идите этим путем... идите путем Господним...». Меня беспокоило и то, что язык этих истолкования был исключительно английским языком, которым написан перевод Библии короля Иакова. Почему бы Богу, если Он действительно использует это средство, чтобы говорить с современными людьми, не использовать и современный язык;

И вот в один из дней я лично получил такого рода слово от Бога, которое с тех пор «преследовало» меня, когда бы я ни думал об этом. Мы с Тиб отправились в Филадельфию на собрание «Субботней группы» — не имеющего постоянного состава и преднамеренно неорганизованного объединения христиан, говорящих языками, большей частью из не-пятидесятнических церквей. Они занимали номер в отеле «Бенджамин Франклин» раз в месяц по субботам и проводили молитвенное собрание исполнения Духом, которое продолжалось весь день.

За неделю до нашего приезда туда я принял решение, которое с той поры не давало мне покоя. Оно было связано с одним молодым человеком, с которым я встречался несколько лет назад в связи с материалами для журнала. В ходе исследования для статьи о преступности несовершеннолетних мне случилось сыграть определенную роль в приостановке для него в некоторых других приговора по обвинению в воровстве. С того времени я был в контакте с его семьей, помог ему устроиться на работу, и дважды меня приглашали на собеседование, когда на работе его обвиняли в кражах. Теперь он на основании неопровержимых улик снова был в тюрьме, и я пришел к трудному для себя выводу, что пытаюсь вызволить его, заступаясь за него, вставая между ним и наказанием, я могу оказать ему лишь плохую

услугу.

Это было долгое, сложное дело, в нем участвовала и церковная группа, и другие люди, но в основном решение я принимал сам, и теперь колебался между глубокой убежденностью и глубокими сомнениями. Члены семьи этого парня написали мне письмо, в котором обвиняли меня в том, что я непостоянный друг, и использовали другие малопривлекательные эпитеты, которые трудно было отрицать.

Во всяком случае как раз в конце этой недели мы отправились в Филадельфию. На протяжении первого часа или около того, когда мы присоединились к «Субботней группе» на их одиннадцатом этаже, собрание протекало подобно другим, на которых нам уже приходилось бывать. Было очень много молитв языками, но это были личные молитвы: либо отдельные лица тихо молились про себя, либо небольшие группы из трех-четырех человек поддерживали в молитвах друг друга.

Но внезапно на середину комнаты выступила женщина — методический служитель и произнесла речь на языках, которая явно предназначалась для слышания всех присутствующих. Немедленно наступила тишина. Затем мужской голос начал истолковывать. Я не мог видеть говорящего оттуда, где я сидел, но в его голосе не было и следа какого-либо транса. Он говорил спокойно, простым современным английским языком: «Не беспокойся. Я доволен позицией, которую ты занял. Это трудно для тебя, но другому это принесет большое благословение».

Эти слова произвели на меня действие неопишуемой силы. Я знал, что они предназначены для меня, лично для меня, именно сейчас. И действительно, они дали мне мужество отстаивать свое решение в последующие недели, несмотря на сильное противодействие. Произошедшие с тех пор события показали, что это действительно был правильный путь для решения данной проблемы. Но что касается моих сомнений насчет языков, то моей внутренней реакцией на это слово и его истолкование было чувство абсолютной уверенности. Я не сомневался в то время, что это были слова Господа, обращенные ко мне, как не сомневаюсь в том, что сейчас передо мной на столе пишущая машинка.

Впоследствии, конечно, я перебирал различного рода другие значения, которые эти слова могли иметь. Но я не могу оспаривать характер моих собственных чувств в тот момент. Налицо было то, о чем я не читал в посланиях Павла и о чем не мог догадываться: что Господь может сопровождать Свое слово одновременным чувством убежденности, возникающим у того, кому оно предназначено.

Я не пытался, естественно, особенно оспаривать это: слово от Бога лично для тебя — это прекрасно! Но это уже было и какое-то приближение к решению поставленной задачи. Ведь когда я задался целью выяснить, имеют ли языки практическое значение, я имел в виду, конечно, пользу для других людей.

ГЛАВА IX. ИСТОРИЯ ОДНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Один из самых чудесных людей, которых я знаю, это чрезвычайно решительный и общительный еврей по имени Яков Рабинович. Мы с Тиб однажды завтракали с ним за крайним столиком в одном Нью-Йоркском кафе, и вдруг он неожиданно спросил: «Вы слышали о правоверном еврее? А об еврее обращенном?» Мы кивнули на оба вопроса. «Да, но слышали ли вы когда-нибудь о «совершенном» еврее?» Когда мы сказали, что нет, Яков рассказал нам свою историю. Он был раввин, сын раввина, внук раввина и так далее до семнадцатого поколения: сотнями лет Рабиновичи были раввинами, учителями своей веры. Когда несколько лет назад Яков начал убеждаться в истинности христианства, он чувствовал себя изменником столь долгой семейной традиции. «Я собирался стать обращенным евреем», — сказал он нам. — «Как это ужасно звучит. Как если бы кто обратился спиной к своему еврейству. А я гордился тем, что я еврей. Но сейчас я понимаю, что в этом нет противоречия. Я не обращенный еврей, я совершенный еврей, как Петр и как Павел».

А затем Яков рассказал нам о событии, которое привело его к пониманию, что он, наконец, стал совершенным, или настоящим евреем. Яков был, как он говорил, христианином по убеждению, но с чувством внутренней вины и глубокой внутренней раздвоенности. И вот в один знойный июльский день 1960 года один друг пригласил его на Первую Ассамблею Церкви Божией в Пасадене (Техас), где шло пробуждение. С некоторыми колебаниями — так как он не любил эмоционализма — Яков согласился туда пойти.

Служение было типично пятидесятническим. Было пения, свидетельства, хлопанье в ладоши и в заключение проповедь. В конце своего обращения служитель пригласил тех из присутствующих, у кого есть личные затруднения, выйти вперед, чтобы собрание помолилось за них. Вдруг Якова охватило страстное желание сложить с себя бремя двойной жизни, которое он так долго нес, разрешить это внутреннее противоречие раз и навсегда. Он вышел вперед и вместе с некоторыми другими преклонил колени. Но когда проповедник спросил его, в чем его личная нужда, Яков молчал. «Хорошо», — сказал проповедник. — «Бог знает, каковы ваши нужды, лучше, чем вы сами». И обратившись к собранию, он попросил вознести за Якова молитву Духом. Сразу же несколько человек встали с мест и вышли вперед, чтобы встать вокруг коленапреклоненного раввина. Кто-то стоял рядом, кто-то позади него; некоторые возложили руки на его голову и плечи, другие просто склонили головы. Затем они начали молиться, заговорив все вместе, некоторые по-английски, некоторые на языках.

Неожиданно Яков поднял голову и оглянулся назад. Его щеки горели и были мокры от слез. «Это было прекрасно», — сказал он. — «Кто из вас еврей?» Никто не ответил. «Кто из вас знает меня? Простите, но я не узнал вас...». Никто по-прежнему не отвечал. Теперь смолкла вся церковь. «Это шло вот отсюда, из-за моей спины», — сказал Яков. «Как раз оттуда, где стоите вы (обратился он к одному из мужчин). Вы еврей?» «Я?» — мужчина улыбнулся. — «Мое имя Джон Грувер. Я ирландец». «Это тот голос! Это тот голос!» — в возбуждении воскликнул раввин. — «Но вы... вы говорите по-древнееврейски? «Ни слова», сказал Грувер. Яков встал. «Вот тут вы не правы», — сказал

он. — «Потому что вы только что говорили по-древнееврейски..».

Яков рассказал нам эту историю с глубоким чувством. «Можете ли вы себе представить, чтобы этот громадный ирландец позади меня говорил на прекраснейшем древнееврейском языке, который я когда-либо слышал. Можете ли вы вообще представить себе, чтобы ирландец говорил по древнееврейски? И как он мог знать имя моего отца? Никто в Техасе не знал моей семьи. Но вот что он сказал: «Я видел видение», — по-древнееврейски сказал он это, на превосходном древнееврейском. — «Я видел видение, что ты отправишься в большие города, в многонаселенные места и там будешь проповедовать. И те, которые еще не слышали, поймут тебя, ибо ты, Яков, сын рабби Иезекииля, пойдешь в полноте благословения Евангелия Иисуса Христа».

Раввин взглянул на нас. «Ну что вы скажете!» Он вынул салфетку из-за воротника и задвинул стул. «Бог говорил со мной одновременно и как с евреем и как с христианином. И не было различия. В Иисусе Христе исчезает всякое различие».

Это стало началом нового этапа в моих поисках.

Месяцами я старался избежать очевидных противоречий в рассказах о языках. Судя по одним рассказам, язык никогда не был узнан ни говорящим, ни слушающим, и так до конца и оставался набором не имеющих значение звуков. Это явно был язык того рода, с которым был так хорошо знаком Павел. «Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает его» (I Кор. 14:2). «Незнакомые языки» — так часто называет Библия это явление, и в наши дни оно также встречается очень часто.

С другой стороны, начиная с Библейских времен имеются примеры, когда язык, бессмысленный для говорящего, бывает узнан кем-то другим, и когда тот факт, что это известный язык, составлял существенную часть его воздействия. Примером тому служит сам день Пятидесятницы, как он описан в Деяниях. Уличные толпы в Иерусалиме были изумлены учениками Иисуса, потому что слышали их говорящими на настоящих, реально существующих языках, которых они не могли бы знать естественным путем.

Для Пахомия его сверхъестественное знание греческого языка имело, должно быть, очень важное значение в его общении с чужестранцами, для которых этот язык был единственным, который они знали. Еврей, забредший на собрание на Азуза-стрит, был обращен потому, что Кэтлин Скотт заговорила с ним по-древнееврейски.

Я понял, что не могу больше игнорировать эти случаи. Они слишком часто имели место среди людей, которых мы знали лично. Харальд Бридзесен рассказывал, что он говорил и по-польски и по-арабски; Яков Рабинович слышал, как ирландец говорил по-древнееврейски; и как раз на той неделе я получил письмо от Ленниса Беннетта из Сиэтла, великолепно отпечатанное на машинке (из чего я понял, что у маленькой церкви-миссии теперь есть секретарь); в письме говорилось, что в его приходе получил крещение один водитель грузовика, и что один китаец опознал его язык как классический китайский.

«Ты веришь всем этим рассказам?» — спросил я Тиб, когда мы ехали домой после завтрака с Яковом. На миг она задумалась. «Я верю людям, которые это рассказывают», — ответила она. Я знал, что она хочет сказать. Невозможно было подумать, что Харальд, Яков и Деннис могли умышленно лгать с целью в чем-то убедить меня, — ведь они сами так очевидно верили в то, с чем они говорили. Их жизни были пронизаны этим переживанием: вряд ли они бы могла всю жизнь строить на собственной утонченной лжи.

Несомненно, то, на чем они настаивали и во что верили, было чудом. Но здесь я «уперся». Непременно должно быть естественное, не обращающееся к области чудес, объяснение таким вещам. Я тщательно посмотрел свою переписку с лицами, говорящими на языках, отобрав каждое письмо, имеющее целью описать случай, когда Дух вложил в чьи-либо уста известный язык. Я сложил их на письменном столе, и они составили внушительную пачку. Теперь я ориентировал себя на то, чтобы найти для каждого из этих случаев объяснение, которое как удовлетворяло бы требованиям логики, так и соответствовало бы представляемым в письме фактам.

Не возможно ли, например, такое, что эти «чудеса» — ничто иное, как одна из проделок подсознательной памяти? Говорящий мог слышать этот язык очень давно, может быть в детстве, и в его подсознании удержались отдельные фразы, тогда как на уровне сознания он был о всяком соприкосновении с этим языком. Сначала я думал, что напал на след, который может куда-то привести. Вызвано это было тем, что во многих письмах я находил выражения типа «обрывки из..» или «фразы из..» или «слова, которые звучали, как из..». известных языков. Это казалось мне, легко было объяснить содержащейся в подсознании забытой основой, элементы которой оно может «выдавать».

Труднее было подвести эту теорию под случаи, когда на иностранном языке говорилось не фраза или две, а велась долгая связная речь. М-р Рой Х. Уид (Саут-Бенд, Индиана) описал мне в письме следующее событие, случившееся в 1934 году. «Брат Ричардсон» в его истории — это м-р Л. Б. Ричардсон, ныне живущий в Джексонвилле, Флорида, но тогда в 1934 году он посещал ту же пятидесятническую библейскую школу, что и Рой Уид.

«...Бр. Ричардсон в то время (пишет м-р Уид) проходил через трудное испытание, со значительными сомнениями, касающимися крещением Святым Духом. Он сомневался даже в своем собственном переживании, когда, будучи ребенком, он несколько лет назад принял Святого Духа.

Он начал искать в молитве Господа, находясь в своей комнате в школе, и продолжал молиться большую часть дня. Моя комната была напротив, через коридор, и я мог слышать как он молится, когда шел на занятия. В полдень, после нескольких часов молитвы, стало очевидно, что он одержал чудесную победу и теперь ликовал в Господе, славя и превознося Его на незнакомых языках, исполненный Духом.

Несколько позже, когда я шел по коридору к себе в комнату, я заметил в дверях комнаты, соседней с комнатой бр. Ричардсона, молодого китаецца Сэмьюэла Ко, который учился в нашей школе; он слушал, как бр. Ричардсон говорит на незнакомых языках. Бр. Ко, очень возбужденный, начал говорить мне, что бр. Ричардсон говорит по-китайски и что он, бр. Ко, может понять, о чем тот говорит. Потом он утверждал, что бр. Ричардсон говорил о событиях в Китае, которые были известны бр. Ко. Бр. Ричардсон говорил по-китайски на протяжении некоторого времени: не менее получаса или даже значительно больше».

Далее в письме говорилось, что Ричардсон совершенно не был знаком с китайским языком. Этот факт весьма укрепил его: период испытания миновал.

«Ну хорошо», — сказал я себе. — «Допустим, ради исследования, что м-р Уид честен и у него прекрасная память — Ричардсон говорил по-китайски полчаса. Не возможно ли, что каким-либо труднопредставимым, но все же не невероятным путем Ричардсон не только слышал китайский язык в очень раннем детстве, но и был в близком контакте с беглой китайской речью? Предположим, он играя с маленьким китайчонком, или у него была няня-китаянка, которые при нем говорили о каких-то особенностях жизни в Китае, которые потом узнал Ко. Мы знаем, что Ричардсон был в состоянии большого эмоционального возбуждения, когда это произошло; он промолился в течение многих часов — не было ли это самой серьезной предпосылкой для возникновения в памяти столь давно забытой и похороненной в подсознании информации?»

Более убедительным опровержением моих сомнений было бы, если бы ребенок, чья история известна со дня рождения, заговорил на реально существующем иностранном языке — а среди пятидесятников дети, говорящие языками — это обычное явление. И я действительно скоро нашел описание как раз такого события среди кучи писем на моем столе. Письмо было от Вильяма К. Пиктерна (Пало-Альто, Калифорния). Он говорил о случае, который он записал в своем дневнике в субботу, 30 июля 1932 года.

«Это произошло на домашнем молитвенном собрании, которое, согласно моим записям, состоялось «примерно в двух милях от шахты «Ной», Айронвуд, Мичиган. Я помогал пастору по фамилии Блок, который пытался организовать в Айронвуде церковь. Преподобный Блок был из Винегера, штат Висконсин. Он свидетельствовал большому числу людей в окружающих городах и затем призвал миссионерскую группу, членом которой я являлся, попытаться реализовать эти свидетельства в организованное объединение верующих.

Общее собрание проводилось в палатке в Айронвуде. Значительное число влиятельных людей, известных в обществе, пришло на служение. Запись в дневнике за 30 июля отмечает посещение дома семьи Эриксонов. Там была одна молодая леди, которая говорила со мной накануне вечером. Ее мать была в прошлую зиму исцелена по молитве преподобного Блока. Вся семья интересовалась крещением Духом, но боялась его, потому что им сказали, что «языки» — от дьявола. Мать говорила, что хотела бы побыть на одном из домашних собраний, но боится туда пойти.

Все же наконец она согласилась и была на этом собрании. Я заметил, что она особенно усиленно наблюдает за одним мальчиком лет двенадцати, который сидел на полу, обхватив колени руками. Мальчик горячо молился, когда я наблюдал за ним, он начал говорить на языке, которого я не мог понять. Затем он начал петь на языке, которого я также не понял. Миссис Эриксон начала плакать. Я был очень встревожен и пытался извиниться перед ней. Последовал примерно такой ответ: «Нет, этот мальчик не расстроил меня. Я не потому плачу. Я знаю этого мальчика со дня рождения. Я была с его матерью, когда он родился. Он только что спел мне песню хвалы Господу, песню которой я никогда прежде не слышала, и которой, я знаю, он тоже никогда прежде не слышал. Он спел на моем родном языке — шведском, а он не знает моего языка. Когда он молился, он молился по-шведски».

Если эта информация была полной, то она несомненно говорила против теории подсознательной памяти. Но была ли она полной? Миссис Эриксон не могла быть с мальчиком ежеминутно на протяжении пятнадцати лет, как бы хорошо, по ее убеждению, она ни знала его. А он жил в такой стране, где шведские эмигранты селились в большом количестве.

Затем я наткнулся на историю, которая уже никоим образом не укладывалась в рамки моей гипотезы о выдаче подсознанием забытой информации. Однажды молодой человек из Нью-Джерси по имени Клиффорд Тоннисен был на пятидесятилетнем собрании в Мичигане, которое проводилось на открытом воздухе. Во время этого собрания Клиффорд получил крещение Святым Духом и начал говорить на языках. Стоявшая рядом леди пришла в чрезвычайное возбуждение. Клиффорд говорил по-немецки, сказала она. На беглом, прекрасном верхне немецком диалекте.

Но не только это привело леди в такое возбуждение. Дело было в том, что она знала, что он не мог говорить на этом языке никаким естественным образом. Он не мог говорить даже на своем родном языке — английском. Клиффорд был глухонемым и не слышал ни одного звука с тех пор, как в двухмесячном возрасте болезнь лишила его слуха!

В сочетании со случаями, подобными этому, был, как я вынужден теперь признать, и еще один фактор, который свидетельствует против того, что источником ряда таких как бы чудес является подсознательная память. Иногда говорящий в ходе своей речи на иностранном языке упоминает факты или события, известные только слушающему. Джон Грувер назвал по имени отца Якова Рабиновича. Кэтлин Скотт сказала пришедшему на Азуза-стрит, зачем он приехал в Лос-Анжелес и каков род его занятий. Даже если эти люди естественным путем пришли к языку, то как они пришли к фактам?

Я отодвинул от стола стул, вытянул ноги и попытался подытожить состояние моего исследования. Несомненно, что некоторые случаи проявления подсознательной памяти действительно могли иметь место, но я все больше становился уверенным в том, что налицо множество случаев которые нельзя объяснить таким образом. «Я должен попытаться найти другой путь», — сказал я пустому кабинету.

На этот раз я обратил свое внимание к Библии. В Писании имеется только один пример, когда языки были узнаны как известные, и было это в сам день Пятидесятницы. Я снова перечитал это событие. И когда я читал, мое внимание приковали три стиха. Каждый из них повторял одну и ту же мысль: первый, второй и третий раз. Этой трижды высказанной мысли предшествовала фраза, которую я теперь так хорошо знал: «И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать». Но дальше следовали такие стихи: «Когда сделался этот шум, собрался народ и пришел в смятение; ибо каждый слышал их говорящих его наречием.

И все изумлялись и дивились, говоря между собою; сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились?»

(Деян. 2:6—8)

...слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих.

(Деян. 2:11).

Не предполагает ли это, что основное внимание должно быть обращено не на говорящего, а на слушающего? В

толпе «каждый слышал их говорящих его наречием». И далее, как бы подтверждая: «как мы слышим каждый собственное наречие» и «слышим их нашими языками говорящих».

Не могло ли быть так, что чудо было феноменом не столько речи, сколько слуха? При таком толковании многое сразу бы стало на место. Это объяснило бы, например, каким образом можно было услышать Л. Б. Ричардсона говорящим по-китайски в течение получаса. Бессмысленные сочетания звуков наполнились значением в жадном слуховом восприятии Сэмьюэла Ко. Подобно слушавшим в день Пятидесятницы, он слышал Ричардсона «говорящим его наречием». Это объяснило бы, каким образом миссис Эриксон могла услышать, что ребенок, чьи языковые контакты были известны, говорит по-шведски. И каким образом глухонемой юноша, не могший говорить даже на своем родном языке, мог быть услышан говорящим по-немецки? Это объяснило бы даже все те случаи, когда речь на незнакомом языке содержала упоминание о вещах, известных лишь слушателю.

Но это не могло бы удовлетворить объяснить случаи, когда не один, а несколько человек слышали одно и то же. Если считать это феноменом слухового восприятия, то мне пришлось бы поверить, что в сознании каждого слушающего одновременно происходит идентичный внутренний процесс, что само по себе было бы чудом.

Д-р Т. Дж. Мак-Кроссээн из Миннеаполиса рассказывает о девяти моряках флота США, которые однажды субботним вечером вошли в маленькую пятидесятническую церковь в Сиэттле (шт. Вашингтон), привлеченные музыкой, и затем со все возрастающим изумлением выслушали, как одна американка, которую они знали, встала и произнесла речь на языках. Все девять моряков были филиппинцами, все девять знали один редкий филиппинский диалект и сошлись в понимании смысла услышанного. Эта женщина, как они знали, вообще не могла сама по себе говорить по-филиппински, а тем более на этом странном диалекте малопосещаемого жителями Западного района.

Нечто подобное имело место на Пасху в 1950 году в маленькой пятидесятнической церкви в Гэри, штат Индиана. Один из членов церкви, Пол Гудвин, встал и произнес увещевание на языках. Когда он говорил, среди группы итальянцев — членом общины было заметно возбуждение, а когда он кончил, молодой человек по имени Лео Пелла поднялся и сказал: «Мы знаем Пола Гудвина, и он не говорит на нашем языке. Но только что он говорил на превосходном итальянском, как если бы он получил в Италии высшее образование».

Но самая удивительная история в моей подборке касается группы людей, которые узнали свой родной язык не на чужбине, а у себя дома; иностранцем в этом случае был говорящий. Это произошло в центре Африки в 1922 году.

В этом году преподобный Х. Б. Гэрлок и его жена из Томс-Ривер (штат Нью-Джерси) добровольно приняли опасное назначение: они собирались ехать в Африку в качестве миссионеров к паанам, небольшому племени в глубине Либерии. До сих пор никто из миссионеров не работал с паанами. Причина была простая. Пааны были людоеды.

Гэрлоки прибыли в Либерию и расположились лагерем вместе с группой христиан-африканцев, территория племени которых граничила с территорией паанов. Почти сразу же миссис Гэрлок свалилась с приступом малярии. Их скудная аптечка скоро была опустошена, а лихорадка все усиливалась. Гэрлоку с трудом пришлось убеждать туземцев отправиться кратчайшим путем за дополнительной партией лекарств, поскольку путь лежал через территорию паанов. Наконец все-таки Гэрлок убедил вождя, что опасный район можно обогнуть, а что если лекарство не прибудет в скором времени, миссис Гэрлок вполне может умереть. И вот однажды утром на рассвете группа людей покинула лагерь и, полная дурных предчувствий, направилась за медикаментами. Около полудня проводник партии неожиданно появился в дверях глиняной хижины, где лежала миссис Гэрлок. Он задыхался. Тяжело дыша, он выдавил из себя, что произошло. Одного из его людей захватили людоеды. Африканец уверил обоих миссионеров, что если только этого человека не спасут, он будет съеден.

Гэрлок понимал, что это его вина. К счастью, в то самое утро лихорадка его жены начала спадать, как раз в тот час, когда партия ушла за медикаментами. И Гэрлок без колебания сам отправился к паанам, взяв с собой несколько отборных воинов: он собирался попытаться выручить захваченного негра.

Перед самым наступлением темноты маленький отряд пришел в деревню, где находился захваченный носильщик. Несколько хижин были обнесены деревянной оградой, но никакой охраны не было. Гэрлок осторожно заглянул внутрь и увидел, что перед одной из хижин были поставлены часовые. Двое мужчин, вооруженных копьями, сидели в пыли на корточках. Их волосы были заплетены в длинные мелкие косички, передние зубы были остро отточены. Это, должно быть, и есть тюрьма, решил Гэрлок. Он обернулся к своим людям. «Я войду», — прошептал он. — «Если что-то случится, устройте как можно больше шума. Я постараюсь выбраться в суматохе».

Гэрлок рассчитывал на две вещи, которые должны помочь ему. Первой была вероятность того, что пааны никогда не видели белого человека: он надеялся, что сможет воспользоваться их изумлением при виде его. Во-вторых, он верил в рассказы Библии о чудесах, где говорилось о сверхъестественной помощи, приходившей именно тогда, когда она более всего необходима. Вступая в селение людоедов, Гэрлок молился. Он молился, чтобы Бог шаг за шагом показывал ему, что ему следует делать. Насколько возможно выпрямившись и подтянувшись, он решительно двинулся прямо к хижине-тюрьме. Стража настолько была поражена, что даже не остановила его. Он прошел между стражниками и, нагнувшись, вошел в хижину. Он слышал, как снаружи стражники закричали; потом он услышал топот босых ног по земле — другие бежали к ним за помощью. В темноте хижины Гэрлок наощупь пробирался вперед, пока его руки не нащупали человека, привязанного к столбу в центре хижины. Гэрлок выхватил нож и разрезал веревки. Носильщик заговорил с ним, но, казалось, был сам не в состоянии сделать хоть какое-то усилие ради своего же спасения. Гэрлок вытащил напуганного африканца из хижины. Но дальше пути не было. Перед хижинной собралась толпа африканцев, вопящая и угрожающая. Гэрлок надеялся услышать, что его собственный отряд поднимет шум и отвлечет туземцев. Но за оградой селения все было тихо. Гэрлок понял, что его покинули.

Не оставалось ничего другого, как только попробовать сохранять спокойный, уверенный вид. Он решительно прислонил пленника к стене хижины, а затем сам уселся на череп слона, который лежал у ее порога. Все это время он

молился. Толпа держалась на расстоянии, продолжая кричать и угрожать, но не подходя ближе. Поднялась полная луна. Гэрлок спокойно сидел на слоновом черепе. В конце концов люди племени уселись вокруг него на корточках большим полукругом; все глядели на хижину. Гэрлок заметил среди них вождя и рядом с ним деревенского колдуна. Колдун внезапно поднялся. Он сделал несколько крупных шагов по направлению к Гэрлоку, затем остановился. Он протянул Гэрлоку тростниковую палку и угрожающе потряс ею, затем начал ходить взад и вперед между миссионером и вождем, громко говоря что-то и указывая жестами на пленника. Гэрлок не мог понять ни слова из того, что он говорил, но ему было ясно, что он находился перед судом.

Колдун разглагольствовал на протяжении часа и затем внезапно прервал свою речь. Впервые он подошел прямо к Гэрлоку и уставился в его лицо. Колдун то вытягивал шею вперед, то втягивал ее под ободряющие возгласы зрителей. Затем, явно очень гордясь собой, он положил палку на землю к ногам Гэрлока. После этого он отступил назад, чего-то ожидая. Гэрлок догадался, что теперь его очередь говорить в собственную защиту. Но как?! Гэрлок не знал ни слова на языке паанов. Толпа начала проявлять признаки беспокойства. Выгадывая время, Гэрлок встал и поднял палку. Туземцы мгновенно умолкли. Пока они ждали, Гэрлок молился. «Господи, покажи мне, что делать. Пошли Твоего Духа мне на помощь».

Вдруг Гэрлока начало сильно трясти. Это испугало его, так как он не хотел, чтобы эти люди увидели у него признаки страха. Но с этим дрожанием пришло и ощущение близости Святого Духа. В его памяти всплыли слова Иисуса: «... не заботься наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите; обо не вы будете говорить, но Дух Святой». (Мк. 13:11). Гэрлок почувствовал необычную смелость. Он сделал глубокий вдох и начал говорить. Из его губ лился поток слов, которых он не понимал.

Гэрлок увидел, что туземцы подались вперед, внимательно слушая. Он видел, что слова — какими бы они ни были — оказывали на слушателей волнующее действие. Он знал, что вне всякого сомнения говорит с паанами на их родном языке. Гэрлок говорил с паанами на протяжении двадцати минут. Затем способность говорить на их языке исчезла так же внезапно, как и пришла. Гэрлок понял, что подошел к концу своей речи. Он сел.

Какой-то момент все ожидали; вождь и колдун совещались, приблизив друг к другу головы. Затем, выпрямившись, колдун отдал приказ, и на середину вынесли белого петуха. Резким движением колдун свернул петуху голову. Он слегка побрызгал кровью лбы Гэрлока и пленника. Впоследствии Гэрлок истолковал значение этого обряда: петух занял его место; должна была пролиться кровь, но, говоря Духом, он сказал что-то такое, что убедило этих людей, что его и этого пленника следует освободить.

Через несколько минут Гэрлок и захваченный было негр шагали через джунгли обратно к миссии. Вождь даже снабдил их двумя своими людьми, чтобы они сопровождали их первую часть пути. Со временем пааны отказались от людоедства и были обращены в христианство. Гэрлок уверен, что обращение их началось с семени, посеянного тогда, когда он стоял в потоке лунного света и произносил речь, ни единого слова из которой не понимал.

Я сделал перерыв в работе и попытался объективно оценить состояние моих поисков. Действительно ли я хоть сколько-нибудь приблизился к тому, чтобы выяснить; говорят ли на настоящем языке? Имелось множество различных случаев, предлагавших разного рода ответы, но не было ли в самом подходе к этим случаям одного неизменного слабого места? Откуда, спрашивал я себя, исходят все эти истории? Я собрал их из писем, написанных мне людьми, говорящими языками, или из статей, опубликованных людьми, говорящими языками, и из интервью с людьми, опять же говорящими языками. Другими словами, мне приходилось полагаться на предвзятые свидетельства. Так получилось, что все собранные мной истории исходили от людей, которые не были объективными наблюдателями, а как раз наоборот — были глубоко вовлеченными участниками, некоторым образом лично заинтересованными в выводах.

Месяцами я записывал на магнитофон людей, говорящих языками. Если бы я проиграл эти записи перед группой незаинтересованных лингвистов, и хотя бы один из них узнал бы язык, ситуация была бы иной. Тогда я мог бы подвергнуть изучению языковую базу говорящего, чувствуя, что такое исследование опиралось бы на какое-то прочное основание.

Примерно через три недели в отдельном кабинете ресторана Клуба Колумбийского университета я встретился с Дэвидом Скоттом, издателем религиозной литературы на Мак-Гроухилл, и шестью лингвистами. Трое языковедов были из числа сотрудников Колумбийского университета, двое — профессора Объединенной Богословской Семинарии, один — профессор Главной Богословской Семинарии. Трое были специалистами по современным языкам, трое — по древним, и один из них был кроме того специалистом по изучению языковых структур.

Реакции специалистов на наш эксперимент были интересны. Они были крайне внимательны, скептически, но без враждебности. Когда я поставил первую пленку, каждый из них подался вперед, напряженно ловя каждый звук. Некоторые делали записи. Но ни разу я не увидел, чтобы чье-нибудь лицо зажглось узнаванием. Я проиграл другую пленку, затем еще одну. На протяжении доброго часа мы слушали одну молитву «Духом» за другой. И когда, наконец, мы подошли к концу, я осмотрел их лица и спросил: «Ну, джентльмены?...». Шесть голов отрицательно качнулись. Никто из них не услышал языка, который мог бы определить.

И все же в ходе прослушивания были сделаны некоторые интересные наблюдения. Один из языковедов сообщил, что, хотя он не распознал слов, он почувствовал, что речь одной записи была построена по тому же принципу, по которому строятся современные стихи. «Современная поэзия зависит от звуков в той же мере, в какой зависит от значения слов, чтобы выразить свое содержание», — сказал он. — «Вот в этой одной молитве — я чувствовал, что хотя и не понял буквальный смысл ее слов, я уловил эмоциональное содержание речи этой женщины. Это был гимн любви. Прекрасный гимн».

Было интересно также то, что хотя эти люди не распознали никакого известного им языка, они часто определяли среди записей тот или иной языковой тип. Специфика, присущая настоящему языку — разнообразие звуковых

комбинаций, частота повторов и так далее — все это, как говорили они, фактически невозможно воспроизвести преднамеренно или искусственно. Вспоминая породню Дины Донохью на говорение языками, я включил пленку с записями чистойшей тарабарщины, набора звуков, в одном случае наговоренного нашим сыном Скоттом, а в другом Тиб. Они старались насколько возможно, чтобы их речь звучала как можно более похоже на другие языки на пленке, но лингвисты немедленно заметили этот обман. «Это не язык», — сказал один из них. — «Это просто набор звуков».

Когда они уже поднимались, чтобы уходить, другой профессор заметил, что согласно последнему подсчету, проведенному Французской Академией, в современном мире известно около 2800 языков и диалектов — не принимая в расчет все ранее существовавшие на земле и исчезнувшие языки. «И Академия назвала даже этот перечень современных языков далеко не полным» — сказал он. — «Все мы, находящиеся в этой комнате, говорим лишь на ничтожной части этого множества. Даже если бы на этих пленках были настоящие языки, шансы, что сможем опознать их, ничтожно малы».

Хотя мы не сказали об этом ученым, мы знали, что с точки зрения пятидесятников современные и мертвые языки на земле — это только начало. Имея дело с другим миром помимо мира людей, пятидесятники, верят, что их языки могут исходить из духовных сфер. Я всегда читал вступительные слова прекрасной тринадцатой главы Первого Послания к Коринфянам — «если я говорю языками человеческими и ангельскими» — в поэтическом смысле. Но если рассмотреть их в свете предыдущей и последующей глав, для меня теперь нет сомнения, что Павел говорил о языках в специфическом пятидесятническом смысле и об ангельских языках как одной из их разновидностей.

В целом же результаты эксперимента были отрицательными. Мы предложили опытным лингвистам около сотни образцов речи на языках, и ни один из языков не оказался поддающимся узнаванию. Моя попытка обнаружить, имеет ли место настоящий язык или нет, по-видимому, не привела меня к четкому заключению, и я поэтому решил обратить мое внимание на другие пути. Как ни странно, наиболее веский аргумент в пользу такого решения исходил от людей, которые говорили языками. Однажды я беседовал с д-ром Говардом Эрвином, баптистским служителем в Атлантик-Хайлендс (штат Нью-Джерси), твердо верящим в ценность языков, и рассказал о моей попытке обнаружить среди них настоящий язык.

«А вы уверены, что не делаете принципиальной ошибки?» — спросил д-р Эрвин. «Должно, быть, ведь я не приближаюсь к ответу». Д-р Эрвин продолжал: «Я думаю, что ошибка состоит в отделении языков от сути целого, частью которого они являются. Позвольте мне рассказать вам маленькую историю. Я увлекаюсь церковной архитектурой. Однажды я вел машину и обнаружил прелестную маленькую готическую часовню. Я остановил машину и вышел полюбоваться ею. Однако оказалось, что при входе в эту церковь была ярко-красная дверь. Мой взгляд пытался проследить за устремленными ввысь линиями готической архитектуры, но каждый раз его отвлекала эта красная дверь. Она была настолько яркой, что это мешало мне видеть остальные части церкви, всю церковь в целом. Языки, Джон, как эта дверь. Пока вы стоите вне, ваше внимание неизбежно будет все время отвлекаться на них, и вы не в состоянии будете видеть ничего другого. Однако стоит вам пройти в нее, и вы будете окружены тысячами чудес света, звука и формы, к чему и стремился архитектор. Вы осматриваетесь кругом, и оказывается, что изнутри эта дверь даже не красная. Она здесь. Ею нужно пользоваться. Но она заняла в конструкции всей Церкви уже подобающее ей место. Вот что, я надеюсь, вы сделаете, Джон. Я думаю, что для вас наступило время войти в эту дверь. Если вы действительно хотите выяснить, что представляет из себя пятидесятническое переживание, не сосредотачивайтесь на одних только языках, но войдите в дверь и встретитесь со Святым Духом».

ГЛАВА X КРЕЩЕНИЕ СВЯТЫМ ДУХОМ

На следующее воскресенье я рассказал одному другу о красной двери д-ра Эрвина. Он улыбнулся несколько грустно. «Ну, когда ты встретишься со Святым Духом», — сказал он, — «пожалуйста, представь Его мне. У меня никогда не было о Нем ясного представления».

В этом отношении он не был единственным, я помню один воскресный день, когда я был маленьким мальчиком, жившим в Луисвилле (штат Кентукки); в тот день я слушал проповедь о Святом Духе. Это был единственный раз, когда я слышал, чтобы Его упоминали не просто в перечислении с кафедры, и все, что я помню из этой проповеди — это то, что мы с сестренкой рисовали картинки на полях бюллетеня, и привратник строго нахмурился, глядя на нас.

Но лучше ли я был осведомлен сейчас? Не был ли Святой Дух для меня по-прежнему тенью? Ипостась Божества, третье лицо Троицы, нечто, что вы каждое воскресенье признаете, читая Символ Веры; но в то же самое время что-то призрачное, обезличенное, то немногое, что осталось от Того. Кто некогда в жизни Церкви был действительно очень реальным, а теперь стал немногим больше, чем воспоминание.

Я знал, что обозначающее Его личное местоимение употреблялось правильно: правильным было слово «Он», а не «Оно». Но я не действовал так, как если бы верил в это. Около больницы в соседнем городке Маунт-Киско есть светофор. Если бы мне нужно было по спешному делу перейти улицу и попасть в больницу, я мог бы горячо взывать к светофору, но не мог бы ни на секунду изменить этим его работу. Я смогу перейти улицу, но только тогда, когда устройство внутри светофора завершит свой автоматический цикл. Однако может случиться, что полисмен отключит светофор и сам начнет регулировать уличное движение на этом перекрестке. Если он будет там, когда я произнесу свою настоятельную просьбу, то я несомненно увижу, что нормальное движение транспорта прервано, последовательность нарушена и для меня сделано исключение. Так вот в моих молитвах, если имя Святого Духа в них вообще призывалось, я заметил, что Он выполнял скорее функцию светофора, чем регулировщика. Д-р Эрвин предложил мне

войти через красную дверь и встретиться со Святым Духом. Прежде чем я мог сделать это, я хотел получить более подробную информацию о Том, с Кем меня приглашали встретиться. Итак, вновь вооружившись «Симфонией» и Библией, я отправился на поиски этой информации. Несколько лет тому назад у меня было интервью с Робертом Фростом. Поэт набросал образ, который с особенной живостью встал в моей памяти, когда я начал поиск. «Если вы хотите выяснить, как человек чувствует Бога», — сказал он, — «не спрашивайте у него об его кредо, а лучше понаблюдайте за его жизнью. Это — как можете ее увидеть, но вы можете узнать ее достоинство, если начнете чертить карандашом по бумаге. Из всех ее многочисленных подъемов и углублений выявится ответ». Я надеялся применить этот способ относительно Святого Духа. Я хотел выяснить, кто Он, не из прочтения различных кредо, но наблюдая Его в действии в Библии. Может быть, исследуя «подъем и углубления», я смогу получить Его портрет.

Я думал, что все упоминания о Духе будут только в Новом Завете, но к моему удивлению я нашел, что это не так. Это правда, что сами слова «Святой Дух» встречаются в Старом Завете всего трижды, но само понятие о Духе Библия начинает развивать уже с книги Бытия. Одно из первых, что я заметил, было то, что путаница в отношении того, подобен ли Дух более неодушевленной силе или же личности, восходит к самому началу Библейского изложения этого вопроса. Словом «дух» переводится древнееврейское слово от корня «руэ», а это слово имеет два различных значения. Первое значение — «ветер». Второе — «дыхание». Одно обозначает безличную силу, другое — нечто гораздо более личное, допускающее сознательность и осведомленность, так как не может быть без того, кто дышит. Общее же основное качество того и другого — движение. «Руэ» всегда действовало. Оно двигалось. Оно всегда воздействовало на любого, с кем бы ни соприкасалось. Другое понятие, которое включало древнее значение этого слова, было «творческая способность», «созидательность». «Руэ» тесно связано с рождением. Это был Божий Дух, который носился над водою при сотворении мира. Это было дыхание жизни, которое, будучи вложено в человека, сделано его душою живою.

В более поздних книгах Старого Завета Дух изображался играющим особую роль в жизнях определенных личностей. Сошествие Духа на человека обычно сопровождалось резкой переменой в его личности. Самуил сказал Саулу, что Дух Господень в силе сойдет на него и после этого он настолько изменится, что станет как бы другим человеком. И действительно, юный Саул из «малейшего племени из меньшего из колен Израилевых» стал благодаря этой перемене одним из великих вождей Старого Завета. Дух неизменно делал героев из обыкновенных людей. Никто иной, как Дух Господень дал Самсону его силу. Дух Божий сошел на Иисуса Навина как раз перед тем, как тот затрубил в трубу, знаменовавшую падение Иерихона. Давид считал, что через него говорил именно Дух Божий. Перечень людей, которых касался Дух — это перечень великих личностей Старого Завета:

Иосиф	Моисей
Иисус Навин	Иеффай
Нафан	Гад
Иезекииль	Даниил
Иоиль	Осия
Амос	Оводия
Иона	Михей
Наум	Аввакум
Аггей	Малахия

Но была и другая сторона сошествия Духа Божьего на человека. В 50 и 138 Псалмах Дух приходит к псалмопевцу не как источник силы для могущественных деяний, но как нечто очень личное и близкое и сравнительно хрупкое, Вождь не армий, но одной человеческой души.

Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня.

(Пс. 50:12—13).

Господи! Ты испытал меня и знаешь.

Сзади и спереди Ты объемлешь меня, и полагаешь на меня руку Твою. Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?

(Пс. 138:1,5,7).

В этих строках чувствуется присутствие Бога, совершенно отличное от исполненного страхом поклонения далекому и неприступному Иегове.

Неизбежны параллели с Новым Заветом, и это является еще одним из сделанным мною наблюдений. Дух очень четко выступает в тех местах Старого Завета, которые, по убеждению христиан, предсказывают приход Христа. Наиболее сильные из этих пророчеств появляются у Исаяи:

И произойдет отрасль от корня Иессеева; и ветвь произрастет от корня его; и почтет на Нем Дух Господень (Ис. 11:1—2).

Вот Отрок Мой, Которого Я держу за руку; Избранный Мой. к Которому благоволит душа Моя. Положу Дух Мой на Него, и возвестит народам суд.

(Ис. 4—:1).

Если мое наблюдение верно, то мне следует ожидать, что большое количество упоминаний о Духе я найду при описании рождения Иисуса. Так и оказалось. Сам Иисус был зачат Святым Духом. Симеону было обещано Духом, что он умрет, пока не увидит Мессию. Иоанн Креститель, главное действующее лицо в признании Христа, сопровождавшем Его приход, был связан со Святым Духом с начала своей жизни. Мать Иоанна исполнилась Духом, приветствуя Марию. Его отец получил Духа в день, когда ребенку дали имя. Сам Иоанн был наполнен Святым Духом с момента

своего рождения. Кроме того, был специальный знак, по которому Иоанн должен был узнать Христа, когда увидит Его; на кого он увидел сходящим Духа, Тот и был Божиим Сыном. Земное служение Христа началось лишь после того, как Дух был дан Ему при крещении. Именно силою Духа Иисус творил чудеса, и именно посредством этой силы должны люди входить в Царство, которое Он проповедовал. «Если кто не родится от воды и Духа», — говорил Христос, — «не сможет выйти в Царство Божие».

С приближением дня Своей смерти Иисус начал подготавливать учеников к приходу своей силы, говоря, что для них неизбежно, что он должен уйти, так как если бы Он не ушел, то не пришел бы Дух. Когда же Он, Дух, действительно придет, то пребудет с ними вовек. Он будет руководить ими, наставлять и укреплять их, и Его силою они будут совершать дела даже больше тех, которые совершал Христос.

После Своей смерти Христос напомнил ученикам об этом обетовании и повелел им оставаться в Иерусалиме до тех пор, пока Дух не сойдет на них. На этом месте я прервал чтение и попробовал суммировать все, что выяснил о Духе, который должен был придти:

Как в Старом, так и в Новом Завете, Дух обозначается понятиями, подразумевающими активное действие. В отношении Его употребляются слова, предполагающие движение: огонь, ветер, дыхание, дождь, голубь. Дух динамичен; Он — Бог в действии.

Старый Завет дает понятие о личных качествах Духа; в Новом Завете эта Его сторона особенно подчеркивается. Христос постоянно называет Духа именами, отражающими Его сущность как пастыря, воспитателя, подчеркивающими присущую Ему заботливость. Он называет Духа Вождем, Советником, Утешителем, Ходатаем.

Как в Старом, так и в Новом Завете понятия силы и Духа очень тесно связаны. В Старом Завете сила воздействия главным образом через великих царей и пророков — вождей народа. В Новом же Завете сила предназначается как дар обычным рядовым людям, следующих за Христом.

И в Старом, и в Новом Завете, когда Дух затрагивает жизнь человека, его личность преобразуется.

Итак, таков был портрет, который возник из моего изучения деятельности Святого Духа. Теперь ученики ожидали в Иерусалиме Его пришествия. И когда — в день Пятидесятницы — Он пришел, то Он превратил робкую кучку учеников (буквально «слушателей», «учащихся») в апостолов («посланных»). Для мужчин и женщин, ожидавших в Горнице, это было немедленным началом удивительных исполненных силы деяний. В этот же самый день Петр — тот самый Петр, который всего лишь несколько недель назад в ночь ареста Иисуса бежал в страхе за свою жизнь — смело стоял перед властями и во всеуслышание проповедовал настолько красноречиво и убедительно, что 3000 человек обратились не сходя с места. И это от проповеди рыбака и притом человека из всеми пренебрегаемой Галилеи! Не удивительно, что после этого апостолы настаивали, чтобы новообращенные также приняли эту силу. Она была необходимым средством труда, без которого они не могли бы выполнить ту гигантскую задачу, которую Христос возложил на них.

Что же чувствуешь, получая Святого Духа? Полного описания в Библии нет, но из всего сказанного в ней мы можем это себе представить.

Прежде всего, исходя из того, что Святой Дух — это Бог в Его динамическом аспекте, познание Его обязательно должно быть каким-либо переживанием. Более того, это должно быть переживание близости с Личностью, и с Личностью глубоко заботящейся. Это должно быть переживание дружбы. Созидательной, животворной, преобразующей дружбы, в некоторых отношениях нежной как голубь, в других — опаляющей как огонь, как всякая хорошая дружба, неуловимой и загадочной.

«Крещение» — это лишь одно из слов, употребляемых в Библии для описания момента, когда человек вступает в полный контакт с этой дружбой. Другие обозначающие это переживание слова также подтверждают мысль о том, что Святой Дух — это Бог в действии. Иногда читаем, что Дух «сходит» (буквально — «ниспадает») на людей. Иногда они «исполняются» Духом. В других случаях — «принимают» или «получают» Его. О Духе говорится, что Он «исходит от Бога».

Это переживание было таково, что вызывало два рода ответных реакций. Прежде всего языки. А затем, во всяком случае так было в день Пятидесятницы, люди становились несколько возбужденными, настолько, что наблюдавшие это люди интересовались, не пьяны ли они. Меня поразило — как любопытный контраст степенной здравомыслящей проповеди наших дней — что первую христианскую проповедь пришлось начать с решительного отрицания проповедником того, что он и его друзья пьяны. «Послушайте», — сказал он. — «Сейчас девять часов утра, как кто-нибудь может быть пьян?»

А как в новозаветные времена люди подходят к этому переживанию? Очевидно, было несколько путей. В день Пятидесятницы ученики просто собирались вместе и терпеливо ждали. Но Корнилий, его друзья и родственники, слушая проповедь Петра о Христе, ничего не ожидали, когда Дух сошел на них. В других случаях христиане, исполненные Духом, передавали Его другим, возложив на них руки.

Я закрыл Библию, чувствуя, что то, что я читал, странным образом производит впечатление чего-то очень современного. Я знал, откуда это ощущение. Письма в моей папке, беседы с людьми, исполненными Духом, все свидетельствовало о том, что со времени написания Нового Завета в отношении Духа мало что изменилось. Даже то, каким образом он сходил на христиан первого столетия, имело параллели в наши дни. Я помнил один недавний пример, когда группа людей, слушая Божие слово так же, как дом Корнилия, и не больше ожидая Святого Духа, чем те, неожиданно исполнилась Им таким же образом. В 1954 году менонитский проповедник Джеральд Дерстайн проводил в северной Миннесоте недельный семинар по изучению Библии. Однажды один молодой человек в его классе внезапно стал на колени и начал плакать. «Такого рода эмоции весьма необычны в церкви менонитов», — говорит Дерстайн, — «и мы сначала попытались положить этому конец. Но не успели мы что-то сделать, как уже плакал еще один студент. Потом еще один. Мы пытались удалить плачущих слушателей из аудитории, но как только мы брались за одного, на-

чинали плакать двое или трое других. И тогда мы заметили странную вещь: из уст некоторых из этих молодых людей исходили странные звуки. Были ли это «лепечущие уста», о которых мы читали в Библии? Насколько я знаю, такого еще никогда не случалось в нашей церкви. Менониты не учат, чтобы эти проявления относились к современности; насколько мы понимали, они принадлежали к прошлому, к дням 1900-летней давности. И все же — вот, на наших глазах, студенты вдруг заговорили на языках, совершенно как в день Пятидесятницы».

Наш друг Лила Джинтер была наполнена Святым Духом еще в детстве, даже не зная, что существует такое религиозное переживание. Однажды Лила стояла посреди яблоневого сада своего отца в Огайо и смотрела сквозь усыпанную белыми цветами ветви деревьев на голубое небо над головой, и вдруг ее переполнило чувство Божьего присутствия. Она открыла рот, чтобы заговорить с Ним, так самозабвенно, как это свойственно детям, но слетевшие с ее губ звуки не были английской речью, и хотя этот скорый лепет продолжался довольно долго, ее губы так и не смогли выговорить непонятных для нее слов. «Я никогда никому не рассказывала об этом переживании», — сказала Лила. — «Я думала, что я единственный человек, с которым такое вообще случилось. И только через сорок лет я обнаружила, что существуют целые группы людей, для которых это нормальное явление».

В наши дни это переживание значительно чаще приходит тогда, когда к нему сознательно и активно стремятся. Но в то же время разнообразие путей поисков так же велико, как было велико в Библии. Некоторые отталкиваются от предписания Христа учениками: «и Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь (буквально: ожидайте) в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше». (Лук. 24:49). Основной упор они делают на слово «ожидайте». Они чувствуют, что им следует ждать, иногда днями, молясь и славя Бога, пока не произойдет крещение. Другие чувствуют, что ждать не нужно. Они указывают на другие случаи в Новом Завете, когда Дух давался, как только верующий попросит о Нем.

Иные чувствуют, что ожидающий крещения должен пребыть в глубокой молитве, прежде чем сможет получить его. Но другие держатся прямо противоположной точки зрения; они считают, что крещение — это не что-то совершенно особое в христианской жизни, а скорее обычное, чуть ли не заурядное явление, знаменующее очередную ступень в жизни верующего.

А какие чувства сопровождают крещение? Некоторые говорят, что вместе с языками должно придти «внутреннее удостоверение»: «чувство» или «ощущение» соединения твоего духа с Духом Святым. Другие верят, что крещение происходит на уровне, совершенно отделенном от эмоционального, и более надежно, когда не сопровождается даже малейшей степенью эмоций.

Единственное, что кажется, отсутствует в переживании крещения Святым Духом — это абсолютные критерии. «И меня бы беспокоило, если бы это было иначе», — сказала Тиб однажды вечером, когда мы говорили об этом. — «Раз Дух подобен ветру, дующему там, где Он хочет, жесткие рамки были бы подозрительны. Это было бы похоже на попытку включать и выключать ураган как электрический вентилятор».

Но хотя этот ветер Духа и «дышит где хочет» (Ин. 3:8), также невозможно отрицать и то, что определенные личности — как во времена апостолов, так и в наши дни — имеют особое служение передавать Его другим. В самом начале пятидесятнического пробуждения покойный Дж. Э. Стайлд путешествовал по всему миру, встречался с небольшими группками христиан и молился за них, чтобы они приняли Духа. Во время таких встреч буквально тысячи людей получали крещение. Это особое служение имеет Дэвид дю Плесси, а также преподобный Ричард Уинклер, настоятель епископальной церкви Троицы в Уитоне, штат Иллинойс.

Одним из наиболее активных в этом отношении людей, которых мы знаем, является женщина. Это Джин Стоун, мать и домашняя хозяйка, живущая в пригороде Ван-Найза (штат Калифорния). Она была членом церкви Св. Марка в Ван-Найзе, когда поднялся шум по поводу проповеди Денниса Беннетта. Джин почувствовала, что этого непонимания могло бы не возникнуть, если бы люди были лучше информированы о действиях Духа в наши дни. Однажды вечером она заявила своему мужу, что решила начать выпускать журнал, который должен выполнить эту функцию в других приходах.

«Я лишь улыбнулся со знающим видом», — сказал Дональд, муж Джин. — «У Джин не хватило бы делового подхода даже подписаться на журнал, а не то что выпустить его». Мы с Дональдом Стоуном беседовали в номере одного из Нью-Йоркских отелей, куда он приехал по делам. «Она была совершенно непрактичная», — продолжал он. — «У нее были какие-то представления о роскошном ежеквартальном издании, предназначенном интеллигенции. Она собиралась назвать его «Троица». И Дональд засмеялся, доставая из портфеля действительно роскошный журнал, издаваемый ежеквартально, предназначенный для интеллигенции и названный «Троица»:

«Помимо того, что Джин издает журнал, она ездит по стране с лекциями о крещении Святым Духом и, если ее просят, молится с теми, кто хочет его получить. У нее особый подход к людям, для которых издается журнал: к высокообразованным консервативным жителям пригородов, членам традиционных церквей. «К другим явлениям жизни эти люди отнюдь не относятся возбудимо и не ищут внешних эффектов» — говорит она. — «И я не вижу, почему нужно вызывать у них такое отношение к Святому Духу». Мы слышали как она обращается к этим группам людей, и делает она это очень трезво и спокойно. «Апостолы утверждали, что христиане должны получать крещение», — говорит она своим слушателям. — «Они опрашивали новообращенных: «Приняли ли вы Святого Духа, когда уверовали? И если ответ был «нет», они просили Бога дать им Духа сейчас же, убежденные в том, что Бог не откажет в этой необходимой силе ни одному из верующих».

«Мне нравится быть в этом особом служении», — часто говорит Джин. — «Это единственное служение, в котором вы можете ожидать стопроцентного успеха. Ведь крещение — для всей Церкви. Для каждого христианина».

Джин не ожидает и большого всплеска эмоций в момент крещения. «Новый язык обычно бывает спокойным и прекрасным», — говорит она. — «Радостным, но не безумным». Для Джин Стоун получение крещения скорее подоб-

но приобретению набора инструментов для работы, чем эмоциональному переживанию. «Это контакт между Главным Архитектором и его рабочим. «Не поработаете ли вы на строительстве Моего здания? Вот необходимое для вас снаряжение». И Он обеспечивает нас дарами исцеления, пророчества, мудрости, языков — всем, что мы можем использовать в деле своего личного участия в строительстве».

Но крещение отнюдь не всегда бывает тихим и спокойным. Д-р Джон Ф. Бэрто, зубной врач из Уэст-Хартфорда (штат Коннектикут), рассказал мне, что свое собственное крещение он ощутил как большой заряд электрического тока, безболезненный, но встряхивающий. Иногда такие заряды силы вызывают физические проявления. Мышцы человека могут реагировать, то сокращаясь, то расслабляясь, настолько, что он начинает весь трястись. Или он может начать плакать, или же петь. Или он может буквально пасть ниц: «Катающиеся святые», которые в большинстве своем пятидесятники из негров, получили свое прозвище из-за этого необычного проявления силы.

Физические проявления имеют сторонников в совершенно неожиданных кругах. Я был удивлен, прочитав в «Дневнике» Джона Веслея следующее:

Опасно пренебрегать ими (писал Веслей о выкриках, конвульсиях, танцах, видениях, состоянии экзальтации и т. п.); опасно также осуждать их, воображать, что все они не от Бога и являются помехой в Его труде, тогда как в их отношении справедливо следующее:

1. Бог внезапно и с силой убеждает многих, что они являются погибающими грешниками, и естественным следствием этого бывают неожиданные вскрикивания и сильные конвульсии тела.

2. Для того, чтобы утешить и одобрить их, а также, чтобы сделать Свою работу более очевидной, Он даровал одним из них Божественные сновидения, другим — состояние экстаза или видения.

3. В некоторых из этих случаях впоследствии к проявлениям благодати примешались проявления человеческой природы.

4. Также и сатана имитирует эти действия Бога с целью дискредитировать все Его дела; и все же неразумно отказываться от этой части, как мы не отказываемся от всего целого. Сначала это, несомненно, полностью исходило от Господа. Отчасти это так и в наши дни; и Он даст нам способность различать, насколько в каждом случае действия чисты, а где наблюдается примесь или вырождение. Тень не очернит сущность настоящего бриллианта.

Физические проявления не являются единственно возможными ответными реакциями при крещении. Существуют также сильные эмоциональные реакции. В моей переписке постоянно говорилось об ощущении полноты жизни. Вот примеры:

«Это было как бы переполнение радостью».

«Я начал славить Бога на новом языке, который был мне дан. Вместе с этим было такое чувство, что мой дух обрел крылья; я парил в небесах». «Я начал смеяться. Для меня это было странно, но я просто хотел смеяться и смеяться, как это бывает, когда вам так хорошо, что вы просто не можете высказать этого. Я смеялся, держась за бока, пока не сгибался от смеха. Тогда я на какое-то время останавливался, потом начинал снова. Смеялся, смеялся, смеялся...».

«Впервые я понял для себя, почему учеников в день Пятидесятницы обвинили в том, что они пьяны. Именно так я чувствовал себя в день моей собственной Пятидесятницы: в прекраснейшем настроении. Я был просто пьян от радости».

«У меня был мир. Просто — чудесный, тихий, постоянный, глубокий мир».

Вместе с этим ощущением хорошего самочувствия довольно часто приходит какая-нибудь форма исцеления. Среди людей, встреченных нами в филадельфийском отеле «Бенджамин Франклин» на собрании «Субботней группы», была жена баптистского служителя, которая рассказала нам удивительную историю. У этой леди от рождения одна нога была короче другой на целых два дюйма, и всю свою жизнь она носила на этой ноге специальную обувь. В тот вечер, когда она получила крещение, она почувствовала жжение в этой ноге, но не обратила на это внимания в момент такой огромной радости. Радость — такова была ее главная реакция при крещении; она несколько часов просидела на диване, и слезы счастья текли по ее щекам. Но когда она наконец встала, чтобы идти домой, то тут же оступилась. Сделала еще шаг — то же самое. Когда она так проковыляла всю комнату, она поняла, что случилось. Ее короткая нога выросла на два дюйма и теперь уже была длиннее другой за счет специальной обуви. И это исцеление, сказала она в тот субботний вечер, взглянув на оба остреньких носка своих туфель, было неизменным.

Преподобному д-ру Дэвиду С. Уилкоксу из Мильвоки (штат Висконсин) его врач посоветовал трижды в день выпивать по унции коньяка, разбавленного горячей водой, для снятия нервного напряжения. Шесть лет спустя мистер Уилкокс выпивал ежедневно по литру водки, пачку за пачкой глотая таблетки, чтобы сохранить свой алкоголизм в тайне. Он пробовал молитву, психиатрию, гипноз, принудительное лечение — но ничто ему не помогало. И вот однажды вечером он заснул на коленях после долгой и усиленной молитвы. Когда он проснулся, то он осознал, что происходит что-то необыкновенное важное для него. Он чувствовал, что Святой Дух наполняет его силой. Характерно, что он понимал, что с этого мгновения он полностью преодолел свой алкоголизм. «Бог изумительно и чудесно освободил меня от духа алкоголизма», — говорит сегодня Уилкокс, спустя пять лет после своего крещения Духом. — «Это освобождение снизошло мягко, как утренняя роса, и все же с такой ошеломляющей силой, что полностью изменило мою жизнь».

Другая разновидность исцеления, о которой часто сообщают, это исцеление духа. Марианна Браун из Парксбурга (штат Пенсильвания) сейчас — по-настоящему жизнерадостный человек. У нее чудесная, заразительная улыбка, но морщинки вокруг ее глаз — не от улыбок: их отложили те годы, когда Марианна постоянно была в беспокойстве. Марианна жила в доме из 11 комнат, построенном еще в те дни, когда это было недорого и доступно. Это было также еще до того, как Брауны переехали в этот дом рядом со старой пресвитерианской церковью. Марианна постоянно не управлялась со своими делами: либо она заботилась о доме, пятерых детях и муже — служителе и тогда пренебрегала нуждами прихода, либо она помогала в приходской работе, и тогда страдал дом. Она всегда опаздывала, всегда все делала бегом, всегда ее угнетали недоделанные дела. Постепенно Марианна все более и более отчаивалась. Разрешение проблемы бывало простым: когда ей становилось слишком плохо, Марианна заболела. «Эти болезни», — сказала однажды Марианна, когда мы с Тиб навестили ее в Парксбурге, — «вознаграждали меня вдвойне: я получала

большую долю сочувствия и вместе с тем освобождалась от ответственности. И все же я знала, что так нельзя жить. Я понимала, что Господь не предназначал мне быть полуинвалидом, но я была бессильна что-либо с этим поделать».

И вот Марианна получила крещение Духом. «Данный мне новый язык», — говорила она, — «сопровождался волнами радости, и все страхи, казалось, ушли прочь. Это был какой-то смеющийся язык. И когда я кончила смеяться, я почувствовала, что больше никогда ни единого дня мне не придется провести в постели из-за перенапряжения». На протяжении 8 лет это предсказание оказалось верным. «Он вдохнул в меня силы и радость, и я теперь могла за какие-то часы сделать то, на что раньше уходили дни».

Из всего разнообразия переживаний со Святым Духом во всех случаях справедливо одно. Приходило ли крещение тихо или подобно взрыву, неожиданно или после долгого искания, окончательным результатом было приближение личности ко Христу. Иисус больше не был персонажем со страниц исторической книги, и даже не воспоминанием о каком-то личном возвышенном переживании. Его Дух был крещенным верующим в настоящее время, поминутно, постоянно показывая ему сущность и личность Христа.

И внезапно я понял, что завершил полный цикл. Весь этот поиск начался в пустоте, что последовала за моим собственным «переживанием вершины» в больнице. Я следовал — как, вероятно, следуют все христиане — пути, по которому шли ученики. Сначала был непосредственный контакт со Христом. Потом Он, казалось бы, ушел. Началась тоска по Его возвращению, беспомощная и бесполезная тоска, потому что, кажется, мы ничего не можем сделать, чтобы приблизить это возвращение.

Не получил ли я теперь из Библии и от людей, ныне имеющих это переживание, урок, что для того, чтобы вновь увидеть Его, мы нуждаемся в участии Святого Духа? «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15:26).

ГЛАВА XI КОМНАТА 405

Кажется, что существует странная связь между нелепым на вид шагом или действием — которые предусматривает Бог — и получением духовной силы. Моисей по поведению Иеговы простер над водой свой жезл, и Красное море разделилось. Нищая вдова была научена — через Елисея — собрать множество сосудов и наполнить их маслом из своего маленького кувшина; когда вдова, повиновавшись, закончила, оказалось, что она набрала масла столько, чтобы заплатить за все долги. Илия должен был ударить по воде своей милостью, чтобы вода расступилась.

Однажды я имел возможность побеседовать об этой закономерности с Билли Грэмом. Он годами отмечал это и обращал на это внимание, и был того мнения, что секрет заключается в преодолении чувства неловкости и упрямства настолько, чтобы выполнить эту задачу. Он обнаружил, что для большинства людей было чрезвычайно трудно подняться с места и пройти вперед к алтарной решетке на одном из его собраний, но он также заметил, что этот ряд поступков, нелепых будто бы, заключал в себе силу.

Для многих людей говорение на языках относится к тому же разряду. Оно кажется им чем-то бессмысленным и стыдным. И несомненно, что в этих людях их окончательная «сдача» языкам производит глубокое религиозное переживание. Но точкой моего собственного преткновения были не языки. К этому времени я уже мог усматривать в языках что-то логичное; я мог уже представлять себя славящим Бога на языке, которого не могу понять; я мог представить себя молящимся за кого-то на языках, раз я не представляю, как молиться за них умом. К тому времени я все более жаждал крещения Святым Духом, и мне казалось весьма вероятным, что языки будут его составной частью.

Нет, для меня камень преткновения заключался в другом. Существовало одно действие, которое совершают многие пятидесятники, и которого я не собираюсь повторять. Это — то, что они вставали, поднимали обе руки к небу и кричали: «Слава Господу!» Я знал, что это один из очень древних обычаев иудео-христианской традиции:

Ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь, Уста мои восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя в жизни моей; во имя Твое вознесу руки мои. Как туком и елеем насыщается душа моя и радостным гласом восхваляют Тебя уста Мои».

(Пс. 62:4—6)

Я знал, что «Слава Господу» было любимым выражением псалмопевцев, и даже было включено в литургию моей «хорошо воспитанной» епископальной церкви.

Тем не менее у пятидесятников этот обычай мне был неприятен. Несомненно, у каждого свой камень преткновения.

2 декабря 1960 года. Это был день открытия съезда Коммерсантов Полного Евангелия в Атлантик-Сити, на который мы с Тиб согласились поехать еще весной, так много месяцев назад. Собрания проводились в отеле «Президент» — одном из восхитительных отелей на берегу океана. Мы зарегистрировались в пятницу вечером, потом отправились гулять по холодному, залитому лунным светом пляжу, и рано легли спать.

Я не знаю, почему я был настолько не подготовлен к переживаниям утреннего собрания, которое состоялось на следующее утро. Я к тому времени побывал уже на многих пятидесятнических собраниях, но еще ни разу не был на таком большом: рано утром в большой танцевальной зале «Президента» собралось несколько сотен мужчин и женщин. Они быстро завтракали, затем задвигали свои стулья в явном предвкушении чего-то, что должно было последовать.

На возвышении в конце зала сидело две дюжины коммерсантов и людей различных профессий. Некоторые из них, как мне сказали, прилетели ради этих собраний с другого конца страны; один прибыл на собственном самолете. Когда мы кончали пить кофе, один из этих мужчин встал и назвал гимн. Все присоединились; пение было громким, сильным и прекрасным, как я и ранее слышал у пятидесятников. К середине второго гимна женщина за соседним сто-

лом уже плакала. Не было ничего особенного эмоционального в самой песне. Это был один из обычных старых Евангелийских гимнов «Когда я взираю на тот чудный крест...». Но плач, казался, был так же заразителен, как смех. Вскоре некоторые из мужчин на возвышении без смущения вынимали носовые платки. Что же это было? Что так захватило всех присутствующих? Я тоже чувствовал это; а также и Тиб, сидящая рядом со мной. Мы с ней оба старательно избегали посмотреть друг другу в глаза.

Пение продолжалось; несколько человек за столами начали петь «в Духе». Вскоре весь зал пел сложную мелодию без партитуры, созданную произвольно. Это было сверхъестественно, но необычайно красиво. Руководитель пения больше не пытался управлять мелодией, но дал возможность мелодиям создаваться самим: без указания одна часть зала начинала петь очень громко, тогда как другая умолкала. Мелодии и контрмелодии то переплетались, то расходились друг с другом.

К этому времени слезы без удержу текли по лицам всех находящихся в зале. Пожилой мужчина с резко очерченными чертами лица, сидящий около нас, поднял мозолистые руки и громко сказал «Слава Господу!». Очень пожилая женщина через два стола от нас встала и начала пританцовывать джигу. Она выглядела как прабабушка, одетая в черное, с пучком седых волос. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Кроме меня, естественно: я не мог оторвать от нее глаз. И пока я на нее смотрел, я заметил одно явление, которое я до сих пор не в состоянии объяснить. В танцевальном зале было очень жарко, возможно градусов 30 по Цельсию. Тем не менее пока бабушка танцевала, я ясно видел на фоне темных бархатных занавесок, что из ее рта выходили видимые глазу нежные волны «дыхания», как будто бы она стояла на улице в мороз.

Трудно описать действие, которое произвело на меня наблюдение этих проявлений. Вместо того, чтобы смутиться или почувствовать, что я наблюдаю нечто непристойное, господствующим ощущением было то, что это полезно и хорошо, и я вспомнил замечание д-ра Ван-Дюзена о том, что пятидесятилетнее исполнение Духом содержит в основе своей «нечто очень здоровое».

И вдруг неожиданно все кончилось. Пение прекратилось; форма собрания изменилась. Люди вынули носовые платки и вытерли глаза. Владелец молочной фермы из Калифорнии по имени Демос Шакарян, президент Общества, выступил на середину платформы и повел деловую часть собрания. Она продолжалась не более пяти минут, и я, как усталый ветеран множества казначейских докладов, преисполнился благодарности.

Последовала молитва. «Утреннее» собрание продолжалось четыре часа. Была проповедь и опять пение. Было отпущено время, когда люди, сидящие в зале, могли рассказать о некоторых своих переживаниях, со Святым Духом. Я заметил, некоторые, представляясь, подтверждают сказанное нам Чарльзом Моррисом: в зале были и люди, которые не были пятидесятниками по названию и по деноминационной принадлежности, — они были членами епископальной церкви, методистами, баптистами, пресвитерианцами, лютеранами. Когда, наконец, собрание разошлось для второго завтрака, д-р Вильяс Рид, хирург и проповедник — «любитель» епископальной церкви, которого мы знали уже несколько лет, подошел к нам с Тиб и предложил присоединиться к группе, которая закусывала бутербродами в одной из комнат наверху. Комната, которую они выбрали, должна была стать необычайно важной для меня: комната 405.

Когда мы появились несколько минут спустя, дверь в 405-ю комнату была слегка приоткрыта, так что я постучал и мы вошли не без любопытства: кто там будет? Спиной к окну, за которым рокотал волнующийся Атлантический океан, сидел Джим Браун, пресвитерианский священник из Пенсильвании. Билл Рид сидел на диване, разговаривая с женщиной — методистским служителем из Филадельфии, Оливией Генри. А в кухне приготавливали кофе Дороти Рэндолл, епископальная общественная деятельница, и жена Джима Марианна. Как я заметил, среди нас не было ни одного пятидесятника.

Тиб села рядом с Джимом спиной к окну. Разговор вертелся вокруг утреннего собрания, говорили о различных людях, которые на нем выступали, о высказанных точках зрения. Прошло несколько минут прежде, чем я заметил, что Тиб не участвует в общем разговоре.

Из нижнего буфета появились бутерброды, и разговор перешел на более личные темы: нужды и чаяния, с которыми каждый из нас в этой комнате приехал на съезд. Время от времени я поглядывал на Тиб, сидевшую напротив. Она сидела тихо и молча, и мыслями была не здесь; перед ней на тарелке лежал нетронутый бутерброд. В то утро она ничего не говорила о плохом самочувствии, но сейчас в ее позе была заметна усталость — как будто она несла на плечах страшную тяжесть, совсем одна.

Внезапно она встала. Пробормотала что-то насчет того, что ей нужно позвонить по телефону и прежде, чем я смог остановить ее, ушла. Происходило что-то очень странное, мы с Тиб, похожие во многом, были особенно сходны в одном. Мы гордились собственной объективностью. Тогда, да и сейчас, мы были того мнения, что объективность и честность очень взаимосвязаны. Мы считали, что лучше всего всю картину в целом видишь тогда, когда смотришь на нее с разных точек зрения. Но объективность играла для нас и другую роль: она выступала своего рода щитом и броней. Мы не стремились по натуре присоединиться к какой-нибудь группе, не были ортодоксами. Мы не хотели отождествлять себя с той или иной группой людей. И в то же самое время нас, и как журналистов, и как людей, по-настоящему привлекал энтузиазм других. Сохраняя вокруг себя атмосферу объективности, оставаясь всегда заинтересованными наблюдателями, но никогда — самозабвенными участниками, мы были защищены от притягательного воздействия каждой группы, о которой бы ни писали.

Я сделал из этого правила одно огромное исключение, когда стал христианином. И здесь я обнаружил в принципе объективности слабое место. До того, как я сам стал христианином, я полагал, что рассматриваю христианство со всевозможных выгодных точек зрения, так что получаю точную картину. Я не понимал того, что именно эта объективность была сама преградой, мешавшей увидеть картину в целом. Дело в том, что она категорически исключала

одну существенную точку зрения: взгляд изнутри.

И вот теперь я уже много месяцев рассматривал крещение Святым Духом под всевозможными углами зрения: но во всех случаях — извне. Своим разумом я пришел к выводу, что это — серьезное, обоснованное христианское переживание. И теперь я хотел исследовать его изнутри. Тиб следила за большей частью этого исследования, за большинством интервью. Она была заинтересована, но все еще только как наблюдатель. Я понимаю теперь, что, покидая комнату 405, она знала, что делает. Она сознательно забирала и уносила с собой наше общее время объективности. Она предоставляла мне возможность вступить в это переживание, унося все преграды с собой за дверь.

Конечно, в то время я понимал это на самом подсознательном уровне. Я сомневался, чтобы ей нужно было кому-то позвонить по телефону; я знал, что что-то угнетало ее; я чувствовал, что она не хотела, чтобы я следовал за ней. Каким-то совершенно таинственным образом ей предстояло сыграть огромную роль в том событии, которое должно было произойти, так как она взяла с собой наш тщательно оберегаемый «взгляд со стороны», а я получил свободу испытать встряску и электрический заряд переживания.

И все же, покинув комнату, она не покинула меня, так как мы были таинственным образом связаны друг с другом в течение следующих часов. Когда Тиб покинула 405-ю комнату, она вышла из отеля погулять по дощатому настилу для прогулок на пляже. Через короткое время она спустилась с настила на песок, где она могла гулять прямо у воды. Она гуляла долго-долго. Медленно заходило солнце. Она шла лицом на юг, и солнце начало беспокоить ее. Тиб всегда была чрезвычайно чувствительной к свету, выбирала себе место подалеже от окна и так далее. Она было повернулась и направилась лицом на север спиной к солнцу, когда в ее мозгу возникла фраза, обладающая силой повеления: «Не смотри ни направо, ни налево, но только прямо вперед».

Но прямо впереди было слепящее солнце. Она прошла еще немного дальше, щуря глаза. Становилось уже поздно. Она была уже далеко от гостиницы. Собрание в комнате 405, должно быть, уже кончилось, подумала она: я, должно быть, ищу ее. Но всякий раз, когда она пыталась повернуться и пойти назад, удивительные слова вновь возникали в ее сознании. «Ни направо, ни налево, только вперед». Солнце все садилось. Ослепительно блестели волны, сверкая прямо ей в глаза. А Тиб все продолжала идти, в ослепительный свет...

В номере 405 была некоторая явная атмосфера ожидания. Теперь нас было шестеро, сидевших в комнате в произвольном кружке. У некоторых уже была сходная практика получения силы в исполненной Духом молитве, и теперь кто-то предложил, чтобы мы помолились таким образом о проблемах, занимавших наши мысли. Отчасти для того, чтобы преодолеть неловкость, я закрыл глаза. Вскоре я потерял представление о том, кто именно говорит в данный момент в комнате. Кто-то начал молиться Духом. Голос был женский, но я не знал, чей. С этого момента я фактически потерял связь с отдельными людьми. Словно исчезли отдельные личности и их место заняла одна единственная личность, говорящая с различными тембрами и интонациями.

Теперь еще кто-то начал молиться языками. Еще кто-то очень нежно запел Духом. Я почувствовал, как у меня сжалось горло при звуках этого высокого голоса. Кажется, я плакал, глубоко, молча. Постепенно я тоже начал терять свою индивидуальность, пока в конце концов полностью не исчезло сознание собственной личности. Удивительное ощущение — потерять сознание собственной личности! Но это было возмещено тем, что в то же самое время я получил сознание другой Личности, присутствующей в комнате. И неожиданно здесь вновь был Он, в свете, как я видел Его в больнице. Но на этот раз свет сиял сквозь мои закрытые веки, ослепительный, ошеломляющий, пугающий. Я боялся этого приближающегося контакта. Я попытался отвлечься от него, сосредоточить мои мысли на том реальном и надежном, что было вокруг меня и людей в комнате.

«Не смотри ни направо, ни налево, но только прямо вперед!» Голос слышался сзади за моей спиной. Я думаю, что это был голос Одивии Генри, но я не уверен. Как раз в тот момент, когда собирался найти убежище в возвращении сознания собственной личности, этот голос снова втолкнул меня в прежнее положение. На протяжении следующего часа это повеление повторялось еще несколько раз, всегда как раз вовремя; чтобы не допустить мне отвлечься. Я никогда не узнал, предназначались ли эти слова мне или нет, но они сослужили неоценимую службу. Они не давали мне отвлечься на то, что происходит вокруг, не давали мне подумать о том, как я выгляжу и что обо мне думают другие; они постоянно возвращали меня к сиявшему прямо передо мной ослепительному свету.

Молитвы и пение прекратились. Голоса вокруг понизились до тихого шепота. Мужской голос: «Мне кажется, Джон желает крещения Духом». Я скорее почувствовал, чем увидел, что пять человек поднялись с мест и образовали вокруг меня кружок.

В том, что произошло потом, большая роль принадлежит Тиб, шедшей в одиночестве по пляжу навстречу солнцу. Я верю в это, хотя и не в состоянии объяснить этого. Без этой ее помощи я вряд ли смог бы преодолеть этот странный неприличный страх перед новым переживанием.

Но тогда в комнате 405 ничего подобного не приходило мне в голову. Как раз наоборот: в тот момент в основе моих переживаний лежали исключительно ощущения; я максимально допускал случиться всему, что должно случиться, и минимально анализировал. Группа теснее окружила меня. Они почти образовали собой как бы широкую трубу, в которой концентрировался поток Духа, наполнявшего собой комнату. Поток был направлен на меня, сидящего посреди и слушающего звучащее вокруг духовное пение. Теперь речь на языках нарастала «крещендо», мелодичная и прекрасная. Я открыл рот, желая проверить, не смогу ли я тоже присоединиться, но ничего не произошло. Я почувствовал, что губы мои оцепенели и гортань сжалась.

И неожиданно я получил внутреннее внушение, что для того, чтобы заговорить на языках, я должен только поднять глаза и голову вверх. Но это была поза, выражающая радость. А мое воспитание и наклонности требовали предстояния перед Богом с склоненной головой. Странно, что такая простая вещь, как поднять голову, должна была стать предметом спора. А вскоре — может быть, потому, что я недостаточно быстро повиновался, — ясно последова-

до другое указание: я должен был поднять не только голову, но и руки тоже, и я должен был всем сердцем выкрикнуть громкий возглас хвалы Богу. Во мне поднялась горячая волна раздражения. Это было как раз то, что я более всего и прежде всего не хотел делать. И возможно потому, что это было для меня настолько противно, это требование четко проводилось как требование полнейшего повиновения.

Какое же еще возможно значение могло быть в моем поднятии рук и произнесении нескольких слов хвалы? Но это было именно то, что я должен был сделать, и я знал это. Несмотря на то, что это казалось нелепым. Или, может быть, потому, что это казалось нелепым. Я слышал слова Э. Стенли Джонса: «Мне необходимо стать безумным для Бога».

Внезапно вспышкой воли я взметнул руки вверх, запрокинул лицо и во весь голос закричал: «Слава Господу!»

Ворота шлюза открылись. Из глубины моего существа, — глубже, чем, как я знал, может исходить голос, — вырвался поток радостных звуков. Они не были так прекрасны, как речь вокруг меня. У меня было впечатление, что звуки безобразны: взрывные и хрюкающие. Но мне не было до этого дела. Это было исцеление, это было прощение, это была любовь, глубину которой нельзя было выразить словами, и она вырывалась из меня в звуках без слов. После этого одного страшного усилия моя воля была освобождена, чтобы подняться ввысь, к соединению с Ним. Больше от меня уже совершенно не требовалось никакого сознательного усилия, даже усилия самому выбирать звуки для выражения своей радости. Все звуки были уже налицо, уже в готовой форме, представленные в мое распоряжение, богаче, чем смогли бы выразить мои земные губы и язык.

Не то, чтобы я чувствовал себя не принадлежащим себе; я поистине никогда лучше не мог владеть собой, никогда не был более собранным и в мире со своими внутренними противоречиями. Я мог бы остановить речь на языках в любой момент, но кто бы на моем месте это сделал? Я хотел, чтобы она никогда не прекращалась. И я продолжал молиться, раскованный и смеющийся, а заходящее солнце светило в окно и на небе уже появлялись звезды.

ГЛАВА XII ЧЕРЕЗ КРАСНУЮ ДВЕРЬ

Следующие три месяца были сплошной улыбкой, сплошным смехом, когда день за днем я каждое утро радостно выскакивал из кровати навстречу новому дню. Никогда я еще не знал такого продолжительного периода благополучия. Работа моя шла хорошо. Я почувствовал, каким может быть отец — творческий работник: когда дети врывались в мой кабинет, я прекращал работу, действительно с радостью встречая их; когда они убегали, я возвращался к прерванной работе, не потеряв хода мысли. Если один из мальчиков незаметно проскальзывал в мою мастерскую и выдалбливал прорез в моих шлифовальных колесах, я, конечно, отругивал его, но в моем отношении не было неприязни к нему или возмущения.

Многие глубоко укоренившиеся психологические уловки, которыми я пользовался большую часть моей жизни, чтобы удерживать людей на безопасном расстоянии, за эти три месяца полностью исчезли. Я совершенно на другом уровне узнавал старых друзей и заводил новых без осторожности, которая было вошла у меня в привычку.

Мое чтение Библии перешло в новое измерение. Я обнаружил интересную вещь: вы находите в Библии всякий раз ту из Личностей Божественной Троицы, с Которой только что встретились в жизни. Годами я «видел» в Писании только Отца. Затем, после переживания в больнице, я нашел там Сына. И вот теперь такой личностью был Святой Дух. Это было необыкновенно интересно — читать слова, которые я видел всю жизнь, но никогда не понимал так, как нужно. Впервые я подошел к Евангелиям и к Деяниям как к описательному, а не литературному произведению. Я читал истории о чудесах, демонах, исцелениях, духах совершенно новыми глазами.

Церковь тоже приобрела для меня новое, иное значение. Впервые я понял, что имел в виду псалмопевец, когда говорил: «Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Господень» (пс. 121:1). Мне просто нравилось теперь бывать в церкви, нравилось само помещение, паства, служение. Я помню, что Рождественское собрание показалось мне чрезвычайно кратким. При выходе я поделился этим с Тиб. Она странно посмотрела на меня. «Мы пробыли там два часа», — сказала она. И я, который всегда был воплощением самого мистера Непоседы, мог бы просидеть там еще два часа.

В этот период я пользовался также и своим новым языком. Было два рода обстоятельств, при которых он, казалось, исходил просто и естественно. Первое обстоятельство — когда язык был откликом, реакцией на красоту. Я в особенности вспоминаю одно январское утро, когда каждая веточка на каждом дереве была в инее. Я выглянул из окна спальни на этот сверкающий мир, и, думаю, самой естественной вещью в мире было: выразить неопишное в одних только звуках. Такое начало случаться довольно часто. Происходило что-то волнующее то, что когда-то могло вызвать у меня дрожь в спине, но теперь, вместо этого, вызывало реакцию языков. Я понял, что это явление своего рода хвала, не могущая быть выраженной словами. Это была хвала, которая — каким-то таинственным образом — позволяла мне разделять и быть участником красоты, или полноты, или величия, которые я созерцал. Я обнаружил, что сама эта реакция делает меня более чувствительным и восприимчивым к вызывающему ее явлению, и я мог представить человека, более опытного, чем я, у которого возникало бы множество таких ситуаций ежедневно, и каждая вызывала у него реакцию в форме языков!

Другим обстоятельством, при котором я использовал языки, было ходатайство в молитвах. Я помню, как однажды вечером я молился языками за одного из наших прихожан; жена которого сказала нам по секрету, что ее муж не спит по ночам. Это было все, что она сказала, и так как я едва знал ее мужа, пытаться молиться за него умом было бесполезно.

Я проснулся в три часа утра, совершенно очнувшийся от сна, с совершенной уверенностью, что проблема этого

человека кроется в давней обиде на одного из коллег; что он до сих пор не простил этому своему коллеге какого-то давнего оскорбления; и более того — что я должен пойти и высказать ему эту мысль. Я не мог снова уснуть до тех пор, пока твердо не решил сделать это.

В холодном свете рассудка, на следующий день, это показалось мне дерзкой и самонадеянной затеей. Какое возможное извинение мог я дать, вторгаясь в жизнь человека с подобным вопросом. Я попытался как-то отделаться от своего обещания, данному (кому—неизвестно) прошлой ночью, позвонив его секретарю с просьбой указать мне время для приема «когда Биллу будет удобно». Номер не прошел. У этого чрезвычайно занятого человека оказался свободный час во второй половине этого же дня, и в три часа дня и сидел у него в кабинете, подвергая сомнению свой здравый смысл.

«Билл», — сказал я. — «Простите меня, если я ошибаюсь, но у меня создалось непонятнейшее чувство...». — и затем я изложил ему мысль, которая не давала мне уснуть. Когда я кончил, Билл сидел, уставившись на свои руки. Я мог слышать, как в приемной печатает на машинке его секретарша. Она успела четыре раза перевести регистр, прежде чем Билл заговорил. «Как только вы могли узнать это?!» — сказал он.

На протяжении следующих двух месяцев мы с Биллом раз в неделю вместе завтракали. Я говорил не очень много. Я фактически только слушал, мало что делая кроме этого. Но раз за разом проблема, перед лицом которой оказался Билл, начала объясняться, и в процессе наших встреч Билл начал по-новому смотреть на Святой Дух, — конечно потому, что мне прежде всего пришлось рассказать ему, каким образом случилось, что я позвонил ему.

Как раз в разгар этих встреч моим вниманием овладела еще более отчаянная нужда: однажды утром Тиб ворвалась в мой кабинет, чтобы сказать, что у одной нашей очень близкой подруги дочь-подросток пыталась покончить с собой. Она в критическом положении находилась в больнице. Мы с Тиб хотели молиться, но ведь мы почти ничего не знали, даже не знали, как она пыталась покончить с жизнью.

И я снова воспользовался языками, поймал себя на том, что вспоминаю слова Павла: «Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом» (I Кор. 14:14—15).

Павел здесь не претендует ни на какую великую тайну; он просто молится посредством двух разных сторон своей личности. Он знает, что одна из этих двух сторон — разум, и поэтому ему следует молиться, опираясь на логику. Но личность функционирует также и на другом уровне, уровне, имеющем мало общего с разумом. Павел называет его духом; сегодня мы можем назвать его бессознательным уровнем или подсознанием. Павел избегал односторонности своей молитвенной жизни, давая возможность молиться и этой, глубоко скрытой, не находящей выражения в словах стороне своей личности так же, как и другой.

Не так ли поступал и я в своих молитвах за эту девочку? Умом я жаждал ее здоровья, но я молился и моим духом. Когда мы добрались до больницы, она уже вышла из критического состояния. Мы отвезли ее мать домой и пробыли с ней три часа. И мы смогли увидеть, что физическое исцеление было ничтожной частью того, за что бы мы могли молиться в этой семье. Чем больше мы слушали об этой проблеме, тем сложнее она оказывалась. И снова, как в случае Билла, мы выступали не в роли советников; мы не знали что сделать или сказать. Наша роль заключалась в том, чтобы постоянно держать эту ситуацию в рамках молитвы, и здесь я нашел, что языки неоценимы. Они как бы предохраняли меня от всякого рода ошибок, исключая в этом вопросе жизни и смерти мои собственные ошибочные суждения. Пока наша подруга говорила, я молча, поддерживая непрерывное ходатайство на языках за нее, за ее отсутствующего мужа, за ее дочь.

Это была молитва, это была открытая дверь, через которую Бог мог войти в эту ситуацию, но молитва, исключавшая склонное к ошибкам посредничество моего разума.

Но наряду со всеми этими преимуществами крещения Духом, в нем было и нечто, что сказывалось отрицательно. Книга. Я сам, оказалось, «вклинился» в исследование, которое было задумано как объективный взгляд на современное пятидесятническое движение. Я сам оказался в числе необузданных сторонников предмета своего исследования. Я наблюдал неизбежное изменение самого тона книги. Я больше не хотел просто описывать: теперь я убеждал, настаивал, спорил. Ничего не оставалось делать, как только отложить рукопись до тех пор, пока я вновь не обрету чувство меры — или же примириться с необходимостью расстаться с рукописью навсегда. Джин Стоун говорит, что каждый имеет право быть фанатиком в течение полугода после крещения. Я решил дать рукописи полежать не шесть месяцев, а больше. Теперь прошло четыре года с того изумительного дня в Атлантик-Сити. Время, я думаю, что-то для меня утрясло и установило правильные соотношения, и моя точка зрения на этот предмет, я надеюсь, возвратила себе хотя бы частично утраченную объективность. На протяжении этого периода имело место одно принципиальное изменение моего отношения к крещению Святым Духом и говорению языками. С каждым годом я становился все менее эмоциональным в отношении их; с каждым годом я становился все более убежденным в их значении и ценности.

Этот двоякий процесс никоим образом не был простым и прямолинейным. Я описал первый прилив радости и полноты, последовавший за крещением и продолжавшийся три месяца. Я не уверен в точном времени наступления следующего периода, но примерно по истечении этих трех месяцев я пережил период неожиданной и жестокой реакции. В центре проблемы были в основном языки. Я начал подозревать, не произвожу ли я все это сам? И я действительно часто артикулировал сам бессмысленные звуки, стараясь начать поток молитвы на языках. И иногда в таких случаях легкий, не требующий усилий поток речи так и не начинался. Мне приходилось довольствоваться звуками, произведенными моей собственной глупостью. Для меня было очевидно что Святой Дух не принимает участия в этих шумообразных звуках; нелепость этого поражала меня, а отсюда недалеко было до вопроса, а принимает ли Святой Дух вообще участие в языках?

Пятидесятники опять стали для меня в этот период камнем преткновения. Их бурные проявления серьезно не

беспокоили меня, пока я наблюдал их со стороны. Теперь я был уже не вне, а внутри, среди них, и что подумают другие, если посмотрят со стороны и увидят меня с этими странными людьми? Я помню, что однажды был на утреннем собрании пятидесятников, и там был фотограф, делающий снимки для журнальной статьи. Я потратил большое количество энергии на старания уклониться от объектива.

К счастью для меня, я был заранее предупрежден относительно наступления этой реакции. Предупреждение было от Лидии. Я написал ей о своем крещении, и во время ее следующей поездки в Нью-Йорк мы встретились за завтраком. «Вы помните, Джон», — спросила она, выслушав мой рассказ, — «что было самым первым, что сделал Христос после того, как получил Святого Духа?» «Он удалился в пустыню, не так ли?» — сказал я.

«Более того. Как только на Него сошел Святой Дух, Он подвергся искушению от дьявола. С вами этого еще не случилось?» Я отложил вилку и с интересом сказал ей: «Возможно. Продолжайте..». «Вы обнаружите», — сказала Лидия, — «что раз вы встретились со Святым Духом, то вы встретитесь и с дьяволом тоже. Это определенный, несомненный факт; что это нападение неизбежно совершится. Это случилось со Христом, а этот пример и сейчас в силе. Единственное, что вы можете сделать, — это быть готовым к нему». Искушение, сказала Лидия, обычно бывает облечено в форму сомнения, возможно сомнения в том, действительно ли Дух пришел. Или оно может проявиться как рецидив своеволия или самомнения. «Это искушение — не случайность». — говорила Лидия. — «Я верю, что Святой Дух намеренно его допускает. Он хочет, чтобы вы его использовали ко благу. Он хочет, чтобы вы бросили холодный рациональный взгляд на свое переживание. Тогда, когда вы пройдете это искушение, крещение Духом будет вашим не только как дар, но и как награда победителю в битве».

И мне действительно пришлось вести битву с сомнениями и гордостью, и другими врагами обретенного мной здоровья, но я скоро узнал, что самые лютые враги Духа — не среди этих активных, а среди пассивных грехов: грех невнимательности, равнодушия, вялости. Вскоре после своего знакомства со Святым Духом я узнал, что из-за Его пребывания мы отнюдь не становимся автоматами. Он пребывает с нами, пока мы сами активно желаем этого, трудимся над этим, жаждем общения с Ним.

Яснее всего на тот факт, что Святой Дух является Личностью, а не каким-то неопределенным видом автоматической силы, указывает то, что Его можно огорчить. «не оскорбляйте Святого Духа Божия», — говорил Павел (Еф. 4:30). Я понял, что существуют по меньшей мере два способа, каким мы огорчаем Святого Духа. Один — это когда мы не являемся в нашей внутренней жизни хорошим обществом для Него: Он просто уйдет на время, если Ему не нравится то, с чем мы общаемся в наших мыслях. Второй способ — это пренебрежение. Отношения с Ним подобны дружбе, и в таком случае дружбу надо развивать, упражнять, радоваться ей, если хотите, чтобы она продолжалась и росла.

Я огорчал Духа обоими способами, и Он отступал от меня. Но во всем этом я узнавал, что я не хочу оставаться без Него, и начинал искать пути, чтобы пригласить Его вернуться.

В этот период мне очень помогла организованная Церковь, за которую благодарю Бога. Она была неизменна — организация, функционирующая, может быть, и несколько механически, но независимо от взлетов и падений отдельных членов общины. Мы ходили в церковь каждое воскресенье и сознавали, что в служениях есть нечто неизменно присущее им, очень важное. Конкретно наша церковь не производила особенно много новаторских экспериментов, но благодаря этому ей и не приходилось переживать тех колебаний огромной амплитуды, которые неизбежны при экспериментах. Церковь была неизменна: надежная, уравновешенная, правильная, замечательная.

Я узнал также, что важна регулярность в личной молитве на протяжении недели. Наш друг Дэвид Вилкерсон проводит в молитве одну десятую часть своего времени. В сутках 24 часа; Дэвид молится ежедневно по два с половиной часа. Я попробовал делать так же. Я разбил время дня на пять отрезков, или единиц времени: раннее утро; утро; полдень; ранний вечер; поздний вечер, — и по полчаса молитвы в каждое из этих времен дня. Я пока не могу выдержать такой порядок, но все же я знаю из этого опыта, что в монашеском изобретении деления дня регулярными периодами молитвы таится великая сила. Именно во время этого опыта я наиболее полно и постоянно чувствовал присутствие и силу Духа.

Для меня также не было новостью — так как я помнил мое переживание во время самого крещения — что послушание также должно играть роль в осуществлении постоянного пребывания Святого Духа. Здесь я так же увидел нечто большее, чем я пока могу достичь. С чем же это можно сравнить? Жить, полный день повинуюсь воле Духа? Будет ли Его «тихий нежный голос» становиться яснее с течением времени? Нужно трудом выработать привычку слушать этот голос.

В сам момент крещения Святым Духом у меня было одно всеподавляющее чувство: я был погружен, окружен, омыт любовью. Я не знаю, почему в том, что я прочел на этот предмет, не было больше сказано об этом. Может быть потому, что мы так озабочены аспектом силы Святого Духа. Но я убежден, что сама сущность этой силы — любовь. Это было очень похоже на ту любовь, которую я испытал, когда встретился со Христом в больничной палате, не только сейчас любовь была активной, динамичной, пробуждающей меня ответить на нее, тогда как любовь, с которой я столкнулся в больнице, была скорее тихим присутствием, не требуя ничего.

Однажды поняв это, я получил ответ на смущавшую меня загадку. На протяжении всего Нового Завета термины «Святой Дух», «Дух Христов» и «Дух Божий» являются почти взаимозаменяемыми. Люди, знавшие Христа и знавшие Святого Духа, очевидно, считали Их равными. «Прошедши через Фригию и галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедовать в Асии. Дойдя до Миссии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их» (Деян. 16:6,7). «Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8:9).

Причина этой взаимозаменяемости личностей стала ясна мне, как только я встретился со Святым Духом. Это

было совсем как встреча со Христом. И общим здесь была любовь. Люди, имевшие встречу со Христом, имели переживание встречи с любовью, и когда те же самые люди встречались со Святым Духом, они чувствовали, что наступила еще одна встреча с любовью. Когда они говорили о Духе Христовом, заменяя этим термином «Дух Святой», то они инстинктивно делали то, что впоследствии богословы делали логическим путем: утверждали, что и Тот, и Другой — тот же самый Господь. Единственное различие — в выражениях.

Существовало и второе затруднение, которое было разрешено этим открытием. В истории христианской мысли есть очень давняя связь между Святым Духом и «освящением». Павел говорит о Боге, Который «от начала, через освящение Духа избрал вас ко спасению» (2 Фес. 2:13). В классическом катехизисе Святой Дух определяется как Бог, «...который освящает меня и весь народ Божий». Перфекционизм* Веслея и его духовные побег — различные движения Освещения конца XIX века делали упор на том, что называлось «вторым благословением», то есть на крещении Святым Духом, как на переживании, делающем человека святым.

* Перфекционизм — движение, ставящее целью стремление к совершенству (ред.)

Суть заключается в том, что существует очень старая мысль о том, что Святой Дух действует в наших жизнях не только чтобы подавать нам силу как христианам, но и чтобы очищать наши жизни, вести нас к святости. Мне придется признать, что определенного рода святые христиане всегда вызывали у меня неприязнь. Я никак не мог сказать, происходило ли это от того, что они заставляли меня чувствовать себя неловко от сознания, что я сам — далеко не святой; или же они просто допускали серьезную ошибку, полагая, что они святые, тогда как на самом деле они были всего навсего ханжами. Однако я должен буду также признать, что я встречал очень немногих христиан, которые не показывали даже вида святости, но я чувствовал, что они живут на ином уровне, чем я сам. У этих людей есть качество, которое поражает меня, будучи основой и сутью подлинной святости; они не столько уведомяют меня о своей добродетельности, сколько дают мне почувствовать скрытую в них надежду. Они не указывают на мои недостатки как контраст их святости, они показывают и выявляют мои возможности. Я думаю, что у Христа была святость этого же рода. Иначе Он никогда не смог бы привлечь к себе таких людей, как грубоватый Петр и суетный Матфей. Я пришел к мысли, что основой и главной составной частью такого рода преображающей святости была любовь. Когда я соприкоснулся с любовью как с основным и всепоглощающим переживанием при крещении Святым Духом, я обнаружил, что я очищен, укреплен, исцелен. Я узнал такую полноту, о которой никогда и не мечтал. А английские слова полный «whole», святой «holy» и здоровье «health» являются производными от одного и того же англосаксонского слова «hat», означающего «полный», «совершенный». Именно такого типа освящение исходит от контакта со Христом-Любовью в Святом Духе.

Из этого соприкосновения есть и другой результат. Э. Стенли Джонс, когда он получил крещение Святым Духом в колледже Эсбери, из изучающего христианство превратился в преподававшего его. «Именно тогда я и узнал разницу между учеником и апостолом», — рассказывал он мне. — «Первый — пассивен, второй — активен. Ученик — это человек, сидящий у ног Христа. Апостол — это человек, который выходит для Христа в мир; это миссионер, если хотите, хотя бы миссионеру этому не нужно было уходить из дому дальше соседней двери. Главное в том, что из пассива в актив переводит ничто иное, как крещение Святым Духом».

Должно быть, это так и есть. Я увидел это на собственном примере. Случай с Биллом — то, что я пошел встретиться с ним по поводу его проблемы; даже то, что я прежде всего имел достаточно желания, чтобы молиться о нем — все это совершенно не характерно для человека такого типа, каким я был всегда. И это только один из множества подобных примеров. Я, эгоцентричный, сосредоточенный прежде всего на самом себе, полностью поглощенный своими собственными проблемами, неожиданно вижу, что изменяю своему стилю общения с людьми — я по-настоящему забочусь о них, по-настоящему хочу помочь. И как только человек начнет поступать так, возможности использования его Духом безграничны. Через два года после переживания в Атлантик-Сити мы с Тиб оказались в Африке с нашими тремя детьми по годичному соглашению; мы преподавали, жили, работали с племенем, о котором раньше даже никогда и не слышали.

Переживание д-ра Фрэнка Лобаха со Святым Духом изменило его и превратило в одного из величайших учителей грамоты с мировым именем. Вот что он пишет об этом:

Когда Христос был здесь на земле (говорит д-р Лобах), Он был ограничен тем, что должен был совершать Свое служение в определенном месте в определенное время. Он был одним человеком, ходящим по берегу одного моря в одном небольшом уголке земли, Он исцелял всякого, до кого прикасался, но Его прикосновение неизбежно было ограничено временем и пространством.

Так вот, имеет ли смысл для Отца посылать Своего Сына для этого ограниченного служения? Я не думаю, что это логично. Он предусмотрел осуществление этого дела через Духа Святого: мы должны завершить Его (Сына) миссию. Мы являемся множеством Его рук, Его ног, Его голосом и сострадательным сердцем. Мы являемся также Его исцеляющим Телом, хотя, разумеется, еще несовершенным и неполным. И именно через Святого Духа (то есть любовь Христа, которая одновременно присутствует всюду) мы получаем силу продолжать дело апостолов. Это призывная и отрезвляющая мысль: когда мы принимаем Святого Духа в наши жизни, мы получаем ту же побуждающую к действию и дающую жизнь сил, которая руководила нашим Учителем.

Видимо, такова психология человека, что для того, чтобы давать, мы должны сначала получить. «Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас», говорит Иоанн (I ИИ. 4:19). Но также верно и то, что раз мы однажды приняли эту любовь, у нас существует равно непреодолимая потребность раздавать ее. Мы поистине инстинктивно чувствуем, что это единственный способ сохранить ее.

Крещение Святым Духом — это дар такой любви, какой мы прежде никогда не знали. Естественным следствием является то, что сила этой бьющей через край любви влечет нас в мир людей, где мы ищем возможность поделить-ся с другими тем, что дано нам.

ЭПИЛОГ

СОЕДИНЕНИЕ СТАРОГО С НОВЫМ

Но как именно делиться этим, исходя из конкретных условий реального города, в котором мы живем, и церкви, в которую мы ходим? В моем случае — а я думаю, что он типичен, — имелось, как мне казалось, три возможных пути.

1. Оставаться в своей церкви, проповедуя Пятидесятницу.
2. Уйти из своей церкви и присоединиться к одной из пятидесятнических групп.
3. Оставаться в своей церкви, никому ничего не говоря об этом другом опыте, и общаться с пятидесятниками на стороне.

Выбор был не из простых. Моя маленькая епископальная церковь, расположенная в одном из довольно консервативных пригородов Нью-Йорка, была типичным примером многих церквей, где только очень немногие члены были достаточно слышаны о крещении Святым Духом. Правда, они много слышали о языках. Из газетных заголовков и журнальных статей они знали, что эти странные события производят неустройство и беспорядки по всем Соединенным Штатам. И, вероятно, большинство из них говорило себе: надеюсь, здесь этого не случится.

Я не раз наблюдал конфликты, которые возникали, когда член одной из традиционных церквей получал крещение и затем возвращался в свой приход. Он приходил сюда, ликуя, готовый и жаждущий поделиться тем чудесным, что произошло с ним. Он забывал, вероятно, что его собственные взгляды претерпели медленную эволюцию от опасливого скептицизма в отношении опыта Пятидесятницы до абсолютной уверенности. Слишком часто в своем энтузиазме он забывал о разумной стратегии, и вместо того, чтобы помогать ему в общении, самая его смелость и решительность становились препятствием его плодотворному контакту с людьми.

Более того, проблемы может вызвать и еще одна сторона крещения Духом. Крещение Святым Духом — это необыкновенно воодушевляющее переживание: оно наполняет людей энергией. Если эта энергия не может быть направлена по созидательному пути, она будет растрачиваться в форме неистовой лихорадочной беготни. Я знал исполненных Духом людей, которые постоянно находились на борту реактивных самолетов, постоянно носились по всей стране по тому или иному делу, касающемуся Святого Духа. Такого рода неуправляемая сверхактивность никогда не переставала поражать меня, будучи одновременно героической и грустной: героической потому, что человек действительно отдает свое время и состояние (билет на самолет стоит дорого); грустной же потому, что в основе всего этого, так или иначе, лежит эгоцентризм.

Далее была любопытная проблема, вызванная тем, что пятидесятник поистине является действующим христианином. Если его энтузиазм отпугивает некоторых, то других он привлекает, и вскоре появляется расхождение во взглядах внутри церкви между пропятидесятниками и теми, кто не является таковыми.

В результате я выбрал третий путь: я тихо возвратился в свою церковь, говорил о своем переживании только когда это выходило естественно, и поддерживал связь со своими друзьями-пятидесятниками где-нибудь в других местах.

Тем не менее, и это тоже не является хорошим решением. Если я верю в важность крещения Святым Духом так, как я верю, не обязан ли я говорить об этом всюду и всякий раз, когда только могу?

С этой проблемой сталкиваются сегодня многие тысячи американцев, по мере того, как пятидесятническое движение растет. При настоящем положении дел она неразрешима. При существующем положении вещей опыт пятидесятников нелегко приспособить к жизни традиционных церквей. Но не возможно ли изменить положений вещей?

Предложения, которые я вношу, допускают эту возможность. Они рассчитаны на то время, когда этот кажущийся конфликт может быть заменен конструктивным диалогом между свободой и порядком, юностью и зрелостью, взаимно обогащающими друг друга. Есть вещи, которые все мы можем делать, чтобы приблизить этот день.

Для тех, из нас, кто имел крещение Святым Духом.

Давайте внимательно — я даже благодарно — отнесемся к направленной против нас критике. Она может иметь огромную ценность, помогая нам правильно использовать этот бесценный дар Божий.

Станет обращать особое внимание на вопрос времени. Я думаю, что у нас есть тенденция к нетерпеливости, — как если бы ход Пятидесятницы зависел от нас, а не от Христа. Крещение дает никто иной, как Он, и всякое формирование и спешка с нашей стороны могут исходить только от отсутствия правильного взгляда на будущее, или от недостатка времени. Или даже от недостатка смирения, если мы подвергаемся искушению «перетянуть» кого-то на свою сторону.

Будем помнить, что дары Духа даны к «назиданию» (т. е. созиданию) Церкви (I Кор. 14:27), а не для частного использования отдельных личностей. Все, что нам дается, должно приниматься с пониманием этого, если мы хотим предотвратить образование маленьких группок «элиты», которые смотрели бы на себя как на нечто отдельное от всей остальной Церкви. Как слабости, так и сильные стороны Церкви — это наши слабости и сильные стороны; все, что наше, — принадлежит ей.

Будем в том же свете смотреть и на наше употребление языков. В пользу этой практики интересно будет отметить перечень говоривших языками в Новом Завете. Он включает: мать Иисуса, Петра, Иакова, Матфея и Павла. И все же тот же Павел ясно видел опасность недисциплинированного пользования языками. Он дает подробные инструкции по поводу того, как ими надлежит пользоваться, — кто, где и с какой целью должен это делать, — инструкции которые все мы, говорящие языками, должны бы время от времени хорошенько перечитывать.

Будем больше заботиться о «плодах Духа» в наших жизнях. Эти плоды уточняются в 5-й главе Послания к Га-

латам: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера (в значении верность), кротость, воздержание (в английском переводе самоконтроль). Какого рода личность могла бы создать сочетание таких качеств? Альтруистичный, спокойно убеждающий, смиренный и скромный, прислушивающийся к другим, твердым, но сострадательный человек, исполненный радостью. Является ли это портретом пятидесятника? Часто да. И когда это так, то он служит живой рекламой крещения Святым Духом. Однако это не мой портрет, и это говорит мне, что крещение Святым Духом — это открытая дверь в новую жизнь, но не сама новая жизнь, которую взяли и преподнесли тебе.

Давайте снова рассмотрим функцию устройства в религии. Для большинства из нас то открытие, что в богослужении возможна произвольность, было животворным откровением, и мы начинаем беспокоиться, когда кто-либо настоятельно предлагает ввести предопределенный порядок на исполненных Духом молитвенных собраниях. Но не забываем ли мы, что образец важен во всяком истинном росте? Если бы все растущее имело бы только энергию без плана (программы), то мы бы никогда не увидели таких конечных результатов роста, как дерево, или человек, или богатая духовная жизнь.

А теперь ряд предложений тем членам церкви, которые не имели этого переживания.

Никто из нас не хочет участвовать в преходящем увлечении, и настолько же мы не хотим стоять в стороне, в то время как происходят великие дела Божий. Я считаю, как Гамалиил, что идеальной позицией тут было бы: «...если это дело — от человек, то оно разрушится; а если от Бога, то вы не можете разрушить его, берегитесь оказаться и богопротивниками» (Деян. 5:38,39).

Кто прав — те, кто говорит, что пятидесятники стоят на отдаленной периферии религии, или те, кто, как д-р Ван-Дюзен из объединенной Семинарии, чувствуют, что пятидесятники, составляют один из центральных стержней, главную силу нашего времени? Этот вопрос настолько важен, что церкви тратят все больше времени и денежных средств на подробные отчеты о пятидесятнической деятельности в своих районах.

Что касается «подрывного» воздействия этой деятельности на паству, то сами качества пятидесятников, оказывающие такое воздействие, — это те качества, о приобретении которых молится большинство церквей. Пятидесятник докучает нам своей проповедью, но кто из нас не чувствовал, что его собственное свидетельство несколько прохладно? Исполненный Духом человек, быть может, слишком горячо стоит за радость и утешение, но кто с некоторой грустью не задавал себе вопроса, не должен ли христианин по наследственному праву обладать большей радостью в вере? Пятидесятник утомляет нас своей энергией, но кто из нас не думал о том, куда делась вдохновенная сила первых христиан? Если же все это — качества, которыми хотела обладать каждая церковь, то в чем же дело? В чем же проблема?

Прежде всего, я думаю, в том, что Святой Дух стал во многих церквях традицией, более того — чем-то призрачным и неясным, так что мы в сущности не готовы к инициативе с Его стороны. Мы превратили в абстракцию самую могущественную Личность на земле, и неожиданная встреча с действительностью неизбежно будет для нас потрясением.

Затем тот факт, что каждый служителю и хочет и должен быть руководителем своей собственной христианской общины. И вот извне приходит опыт, о котором прихожане говорят ему, что он явился поворотным пунктом в их религиозной жизни. Но в наши дни экуменического объединения церквей решения не нужно искать далеко: оно приходит, когда мы видим себя членами не только своей паствы или деноминации, но и большой Церкви. И что при одном взгляде является опытом извне, при другом взгляде — просто участие в общем опыте Церкви.

И далее, конечно, существует такой камень преткновения, как языки, столь выходящее из ряда вон явление, на которое часто наталкиваются прежде всего. Может быть, полезно будет знать, что 9/10 всего отворачивания, которое чувствуют люди, идут просто от незнакомства с предметом. Во время нашего пребывания в Африке мы с Тиб имели необычную в наши дни возможность встретиться с мужчинами и женщинами, которые могли вспомнить, когда они впервые услышали христианскую проповедь. Какой шокирующей была для них мысль о Боге, пригвожденном к кресту, или рожденном в хлеву, или страдающем от голода! Странно, неуместно, некрасиво — все эти эпитеты, которые мы сами применяем к языкам, они употребляли для этого странного Евангелия. И несомненная правда, что языки, когда ослабеет первоначальное восприятие их как чего-то странного и чуждого, вовсе не неприятны на слух — на самом деле часто необыкновенно прекрасны.

Если пятидесятнический опыт имеет место в вашей церкви, почему бы не найти ему применения? Не нуждаются ли полы в починке? Не нужно ли отремонтировать вышедший из строя тротуар? Я знаю многих пятидесятников, которые выполняют в своих церквях именно такие поручения, и находят в них выход для своей бьющей через край энергии.

Пятидесятники заявляют о новой силе в молитве. Почему бы не выяснить на опыте, так ли это? Дайте находящимся среди вас пятидесятникам особое молитвенное поручение. Когда одна церковь в Нью-Йорке недавно начала молиться за пробуждение, пятидесятники из ее прихожан по очереди молились круглые сутки. Не было ли это связано с явным успехом этого движения за пробуждение?

И свидетельство. Христос связал его с крещением Духом: «...вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и вы будете Мне свидетелями...». Почему бы не предоставить вашим пятидесятникам возможность участвовать в этом труде церкви? Я не говорю о свидетельстве об опыте Пятидесятницы. Христос не сказал: «...вы будете свидетелями крещения Святым Духом». Назначением Духа никогда не было привлечение внимания в Себе. Крещение — не более чем средство для достижения цели, а цель эта всегда Христос.

А как насчет болезней в вашей церкви? Я всегда поражался тому, какая тесная связь между крещением Духом и силой исцеления. Я знаю двух женщин из штата Массачусетс, Джуди Сорренсон и Кэей Андерсен, которых священник епископальной церкви часто приглашает для служения даром исцеления, который был дан им при крещении. В

Чикаго состоящее при нескольких больницах священники знают одного баптистского служителя как человека, чьи молитвы всегда действенны. Может быть, такую силу имеет возможность использовать и ваша церковь?

Суть моего предложения в том, чтобы дать пятидесятникам возможность включаться в реальную работу и реальные нужды каждой церкви, и большинство пятидесятников участвует в таком труде, — когда этот приветствуется, когда в этом есть нужда и когда это спокойно и тактично направляется в нужное русло.

Это не означает, что такое служение в пределах традиционной церкви удовлетворит все его потребности. Пятидесятник открыл нечто бесценное в свободном, направленном Духом служении, и все исполненные Духом люди, которых я знаю, оставшиеся в своих старых общинах, помимо этого регулярно встречаются — по вечерам в среду, по утрам в субботу или всего раз в месяц — для этого иного служения, от которого они получают такие силы. И я полагаю, что эта нужда пятидесятника — это нужда всякого человека, часть всеобщей человеческой сущности, требующей как порядка, так и свободы. Большинство из нас справляется с этой двойственностью наших потребностей, наслаждаясь порядком в своей религиозной жизни, а свободой — при игре в мяч или на политических митингах. Но вот описание служения в Иерусалимском храме:

Хвалите Бога по святыне Его...

Хвалите Его звуком трубным, хвалите Его на псалтыри и гусях. Хвалите Его с тимпаном и ликами (в английском переводе — с танцами, с пляской), хвалите Его на струнах и органе.

Хвалите Его на звучных кимвалах, хвалите Его на кимвалах громогласных.

Все дышащее да хвалит Господа!

(Пс. 149)

Фактически во всех религиях до нашей эры это проявление бьющей через край радости было неотъемлемой частью богослужения. Будучи в Африке, мы пошли на открытие английского собора в Мбале (Уганда). После величественного официального богослужения в новом здании часть людей вышла на улицу; они выкатили племенные барабаны и пустились в пляску благодарения и торжества, что несомненно также было богослужением, и нельзя было слышать этого, не притоптывая ногами и не прихлопывая руками. Это сторона нашей природы все равно где-то, да неизбежно проявится: и это будет ущербом для нашей религиозной жизни, если удерживать ее в себе до того, как представится случай проявить ее в чем-то мирском.

И я постоянно удивляюсь тому, как «служение в свободе» приветствуется людьми, которых я считал консервативными. Недавно мы пригласили на пятидесятническое служение среди недели одного из наших старых друзей. Там было довольно много просто явного шума: хлопки, крики, громкое пение, и я с некоторым страхом взглянул на него, чтобы посмотреть, как же он воспринимает это. К моему изумлению, он хлопал в ладоши вместе с большинством из них. Он поймал мой взгляд и спросил с вызовом через головы видевших между нами: «А почему бы и нет?» Действительно, почему бы и нет? Мы нуждаемся в свободе, и мы нуждаемся в организованном порядке и устройстве. Традиционные церкви делают упор на втором, пятидесятники — на первом. Нет ли какого-то способа сочетать то и другое?

В Парксбурге (штат Пенсильвания) — в сельскохозяйственной общине около Ланкастера — чудесная старая пресвитерианская церковь, где найдено такое равновесие, которое может быть вполне быть взято за образец во многих церквях. Каждый вечер в субботу церковь проводит служение Хвалы и молитвы. Оркестр, которым руководит сын пастора, обеспечивает музыкальную сторону. Служение состоит из непринужденных молитв, ходатайств и благодарений паствы. Пресвитериане, методисты, баптисты, члены епископальной церкви, так же, как и пятидесятники, приезжают даже из Вашингтона, из Федерального округа Колумбии, чтобы заполнить собой полуподвальное помещение для служения, которое продолжается далеко за полночь.

Наступает воскресенье. Служение, которое начинается в 11 часов утра, представляет собой все то, что только может сделать прекрасная традиция. По внешнему этикету вы не могли бы отличить его от любого другого пресвитерианского богослужения, — разве только с той разницей, что церковные скамьи несколько более плотно заполнены, пение более духовное и радостное, проповедь необычайно вдохновеннее.

Вот церковь, где равно приветствуется и свобода и порядок, и где то и другое укрепляется. Не так давно я беседовал с д-ром Джоном Александром Мэкэем, почетным президентом Принстонской семинарии и одним из ведущих теологов страны. «Если стоит альтернатива: или странная «неэстетичная» жизнь пятидесятников, или «эстетическое» умирание старых церквей, то я раз и навсегда выбираю «неэстетичную», но жизнь», — сказал он.

Но что, если нет необходимости в таком выборе? Что, если возможен синтез на более высоком уровне, чем тот, на котором сами по себе находятся и то и другое, так, чтобы в наших церквях одновременно было и соблюдение внешних форм, и устремляющаяся в своем росте к Богу жизнь? Что, если Пятидесятница придет в Церковь сегодня?